

М.Ю. Лермонтов в казачьей форме.
Рис. И. Астафьева (1883 г.)

В номере:

- * *“Храм на выселках”*
почему не получилось восстановления
Кубанского Войскового собора?..
- * *“Православное рыцарство”*
что роднило Запорожское козачество
и военно-монашеские ордена Европы
- * *Подвиг сотни Уральцев*
знаменитый бой под Иканом 4-6 декабря 1864 года
- * *О чём молчат памятники?..*
из истории установления старшинства Кубанского Войска
- * *Крестоносец Мокий Кабаев*
“Последняя легенда мятежного Урала”
- * *“Байки деда Игната”*
вышла книжка преданий семьи кубанских казаков

Казачий сотник Михайло Лермонтов

малоизвестные эпизоды
военной биографии
великого русского поэта -
стр. 12 - 16

К 100 - летию войскового старшины Л.Б. Польского

страницы удивительной
жизни учёного
стр. 40 - 43

детская фотография Леонида
Польского (ст. Марьинская, 1911 г.)

Правда Белого собора, или Храм на выселках

*“Где раньше, оскорбляя взор,
торчал флажтоково - трибунный вздор,
не вызывая чувств иных, помимо мерзкого,
ударно возведён собор
Святого Александра Невского...”*

Господи, красотиша-то какая! - рвутся из души слова, когда смотришь на златоглавый храм. Однако мы проявим поспешность, посчитав, что Благодать Творца не выходит за пределы дарованного нам чувства прекрасного. Поставив чад своих над всеми тварями земными, Он ведь наделил нас ещё и способностью мыслить, и постоянной потребностью знать правду.

“Не в силе Бог, а в Правде!” - сказано тем, чья имя носит вновь построенный Белый храм. То есть, по неумолимой логике святого Благоверного князя - не желающий знать правду не желает знать и Бога. Но какова же она - **правда Белого собора**?

У любого человека, хотя бы немного знакомого с историей нашего города, неизбежно возникает вопрос: почему Войсковой храм не восстановлен на своём историческом месте - на Соборной площади (где нынче скверик одного из карателей казачества - маршала Жукова)? Вот возрождённый храм Христа Спасителя в Москве поставлен на старом месте, наша бронзовая Екатерина Великая - тоже (хоть и повернута на 180°)...

Бесполезно пытаться ответить на этот вопрос с позиций рационального мышления. Если, конечно, отбросить соображения конспирологического характера (о чём - ниже). Так же бесполезно подходить к нему с соображениями духовного плана. Если восстановление главного православного храма Кубани должно быть актом покаяния и пробуждения исторической памяти народа, то фонтанная развлекуха с эклектичной советской символикой на том месте, где он стоял, выглядит издевательски. Даже Александро-Невскую часовенку отгеснил на зады Соборной площади фонтан - “шедевр” позднесоветской архитектуры...

Зачем же к неизбежной ущербности новодела добавили ещё и статус новосела, отправив храм “на выселки”?

Перенести можно что угодно - рынки, улицы, резиденции, святые мощи, останки павших в чужой земле ратников. Но как перенести воздух истории, наполненной молитвами, молебнами и любовью многих поколений казаков Кубани? Как перенести атмосферу, пронизанную болью и страданиями мучеников Белого движения - многие из которых, может, последнее святое если что и видели в своей земной жизни, так это кресты Белого собора? Какой урок духовности получили миряне от того, что на месте разрушенной в 1930 году церкви Воскресения Господня поставили копию взорванного в 1932 году Белого собора? В чем смысл решения о новом месте строительства - оно ближе к первому крепостному поселению черноморцев на высоком берегу Кубани?..

Как будто Наказный атаман Черноморского казачьего войска генерал Завадовский Николай Степанович, намечая место строительства Войскового храма, не понимал в развитии Екатеринодара нечто, открывшееся вдруг нынешнему губернатору Александру Ткачёву. Боевой генерал от кавалерии, герой Отечественной войны 1812 года, правивший Кубанью 23 года - дольше, чем кто бы то ни было из всех досоветских “батькив” - видел, что быстро растущему городу становилось тесно в рамках военизированного поселения. Город рос в направлении с Юга на Север - и, ведомый логикой христианского вероучения (не человек для Церкви, а Церковь для человека), Завадовский утверждает строительство собора на семь кварталов севернее первого деревянного Воскресенского собора - на месте Новоторгующего базара.

Губернатор Ткачёв дерзнул поправить атамана, а заодно и историю Екатеринодара, назначив место под Войсковой собор как раз там, откуда Завадовский его “увёл” - на ул. Постовой. О мотивах такого решения предлагаю читателям поразмыслить самим - но должен предостеречь: не ищите причину столь разных подходов атамана и губерна-

ния. Она глубже, да и совсем не там! Попробуем всё же найти в решении губернатора рациональное зерно.

Когда выпускники Петербургской академии художеств братья Иван и Елисей Черники в 1848 году рисовали проект будущего собора в “византийском вкусе”, они, наверное, предполагали, что он станет смысловым центром архитектурного ансамбля зданий, появившихся много позже. Так и вышло. Храм гармонично организовывал пространство вокруг себя, являя пример подлинно градостроительного искусства.

Сооружение грандиозного новодела в тупиковой части улицы Красной привело к тому, что эта архитек-

турная ось центра города оказалась перпендикулярна к канонической оси всех христианских церквей, всегда идущей по линии Восток-Запад. Это создаёт эффект подхода к храму сбоку. Много ли Вы видели икон Христа с изображением Его в профиль? Храм, как икона или распятие, должен быть обращён к идущим к нему своим фасадом, своими вратами. Оттого и висит сейчас на северной стороне собора стрелка - указатель: вход в храм с Запада. А неподалёку, подавляя размерами и сиянием стеклом, громоздится нечто новомодно-гламурное - офисное здание банка. И непонятно, кто у кого оказался в интерьере - то ли банк у собора, то ли собор у банка. А ведь где-то здесь были могилы первых атаманов-черноморцев - такая вот *“любовь к отеческим гробам”* по-краснодарски.

При возведении массивных зданий затраты на подвально-фундаментную часть достигают обычно 20 % сметной стоимости сооружения. На прежнем месте от собора остался могучий, проверенный временем фундамент с подвалами. 60 лет простоял на нём храм! Казалось бы, чего ещё надо для восстановления - ни тебе усадок грунта, ни проблем со строительной геологией. Нет - фонтану фундамент оказался нужнее. Так был ли в таком восстановлении хоть какой-то здравый архитектурно-строительный смысл?

Собор - не художественное полотно и не скульптура, его невозможно восстановить без привязки к месту, где он стоял ранее. Любая копия станет подделкой при первой же попытке выдать её за подлинник. Так вышло с Белым собором - мастерство копиистов попытались выдать за подлинность возрождения. И опять скажем - нужно иметь очень серьёзные, веские причины, чтобы храм-символ лишить возможности воскреснуть на родном месте. Надо быть очень уверенным в своей непогрешимости, чтобы пойти на столь откровенную подделку.

Впрочем, на советчине случались примеры архитектурных деяний, абсурдностью ещё круче. Тот же “Дворец съездов”, изуродовавший ансамбль московского Кремля. Но там хотя бы не возникало вопросов - такова воля партии, и точка. И никакой болтовни о “возрождении святых”!

Какой же вещей оказалась мысль князя Александра Невского: путь к Богу - это путь к Правде! Правда же больше всего не терпит абсурдности и невежества, особенно исходящих от носителя власти. Остаётся лишь предположить, что история с незадавшимся восстановлением как-то связана с нежеланием вскрывать подвалы собора. Поговаривали, будто было там создано бомбоубежище - бункер для персонала Крайсовета (ныне Администрации). Или хранят они останки убиенных безбожной властью, ведь палачи ОГПУ “работали” буквально рядом, на Гимназической?.. Ничего исключить нельзя. Лишь некая страшная тайна подвалов может объяснить причину, помешавшую восстановителям храма оставаться, в рамках здравого смысла.

Все эти мысли я высказал на митинге по случаю Дня памяти репрессированных и политзаключенных, как раз у того фонтана. Тому, кто предложит ещё хотя бы одну разумную версию причин имитации восстановления, предложил премию в размере моего месячного пенсионера. С тех пор только в статье корреспондента “НГК” Д. Рого-

жина "Гордыня и святыня" (№23/2007) содержалась попытка объяснить эту загадку: "Чиновникам краевой администрации было бы крайне дискомфортно и стыдно творить неблагоприятные дела, если бы напротив окон их кабинетов засияли купола и кресты собора..."

Спасена Россия - на Кубани найден рецепт борьбы с бюрократизмом и мздоимством! И первыми "спасёнными" стали труженики краевого Законодательного собрания, что расположилось в бывшей цитадели коммунизма - окна их кабинетов смотрят как раз на златоглавый храм. Просто прелесть эта гипернаивность автора статьи! Как и его вера в то, что чиновники ещё способны на чувство стыда!..

"Кому нужна эта дорога, если она не ведёт к Храму?" - говорит старуха в фильме "Покаяние". "Кому нужны эти храмы, если красотой и искусным правдоподобием они заслоняют дорогу к правде и, значит - к Богу?" - добавим мы, рискуя быть обвинёнными в неблагодарности.

Впрочем, каким же ничтожным покажется этот риск, когда пред Божиим судом каждому из нас придётся отвечать на такие вопросы: разве ты не видел, что христианскую веру вновь пытаются поставить на службу власти? Разве не понимал, что бурный роман светской власти с властью духовной ничем хорошим для последней не обернётся (ибо люди интуитивно ищут Бога в правде - но не в тех, кто попирает её силой)?

Лишившись коммунистической "религии", власть ищет опоры в православии, казачестве, патриотизме. Как это у неё получается - мы видим...

Б. Волох

От редакции. Бывший директор краевого Краеведческого музея В.Бондарь, помнится, был против возвращения городу его имени. Мол, а что в этом городе осталось от того, подлинного Екатеринодара? Уходят памятники и памятные

места, застраиваются постсоветским "гламуром"... Пример "восстановления" Белого собора - из того же ряда. Автор заметки не упомянул разве что один из аргументов против его восстановления на историческом месте. Будто бы некие "ветераны" озаботились судьбой бюста Жукову, который пришлось бы перенести на новое место в случае строительства. Понятное дело, советским ветеранам Жуков дороже Храма!

Остаётся добавить, что не по уму решённое "восстановление" - и продолжилось не по уму. Новодельный храм был, как поговаривают, построен с массой недостатков. Что-то там с отмошкой напутано. Или система пожарной сигнализации - говорят, была так смонтирована, что при каждом среагировала на дым благовоний. Или - что подземная часть храма, первоначально будто бы предназначенная для хранения возвращённых из Америки Войсковых регалий, оказалась ниже уровня городской канализации (то есть, чтобы фекалии шли туда, а не обратно, пришлось докупать дорогое импортное оборудование - которое, понятное дело, в случае отключения электричества не работает, да к тому же не пропускает, простите за подробность, отходы жизнедеятельности крупных размеров...). Что огромный храм, требующий дорогих доработок и построенный вдали от больших жилых массивов, в принципе не сможет никогда окупить затрат на эксплуатацию - а посему Кубанская епархия не горит желанием принимать его на баланс от властей...

А что, собственно говоря, могло ещё выйти, если решение о строительстве собора принималось без совета с людьми, без учёта мнения историков и архитекторов - лишь бы "отметиться" в истории "восстановлением", да ещё вот - столь же странным "возвращением" регалий?

Г. К.

Таманская катастрофа

Прошедшим летом, как обычно в последние годы, были на Тамани - в посёлке Волна. Замечательный залив с песчаным берегом, море такое, что и для детей хорошо, и взрослым до глубины рукой подать, и дельфины. Да и народу не очень много - особенно по сравнению с Анапой или Сочи, где и к морю - то не протолкнёшься!..

Но есть в Волне люди, которые не отдыхают, а трудятся - например, турецкие рабочие. Ибо здесь вот-вот достроят и запустят грузовой порт. Далеко от берега вытянулся причал, застраивается некими промышленными объектами берег...

Что тут будут перегружать на корабли - до сих пор неведомо. Начинали строить под перекачку аммиака, вызвав протесты экологов и испуг местных жителей. "Станица" рассказывала о тех угрозах, которые несёт строительство это потенциально лучшему курортному и самому богатому уникальными историческими памятниками месту Кубани. И В.И. Лихоносов, живущий на Тамани, много раз писал о небрежении природой, историей и культурой её, которое в погоне за прибылью проявляет краевое и местное руководство. Если вкратце - появление большого промышленного порта в центре полуострова поставит крест на многих планах по его дальнейшему развитию (как природно-культурного национального парка, курорта и туристического центра).

Потом главного аммиачного босса объявили в розыск, главу района посадили - и тут уже власти края как бы вдруг "прозрели", насколько опасен аммиакопровод, пересекающий фактически всю Кубань, и строящийся вопреки возражениям специалистов порт. То есть совершенно очевидно - не сговорились в чём-то власти с фирмой "Тольяттиазот". И немудрено, деньги-то осваиваются огромные!..

Теперь говорят вроде бы уже о сыпучих грузах и нефти. Мол, не пропадать же уже построенному. Мол, принесёт новый порт прибыли краю и Темрюкскому району просто-таки немереные.

Видел, как летом в Волне трудились, воистину в поте лица, не только строители. Съёмочная группа отлавливала возле магазинов местных жителей, задавая один и тот же вопрос - насколько они рады строительству порта? Причём вопрос неизменно формулировался таким образом, что ответить - "не рады" - было очень трудно. Сначала

Вид на пляжи и строящийся порт в посёлке Волна

человеку рассказывали, какие блага он получит от строительства и превращения всего района (от станицы Тамань до Волны) фактически в один промышленный район, а потом - спрашивали.

На моих глазах один старик попытался усомниться в пользе строительства - так на него буквально коршуном налетела некая женщина, сопровождавшая телевизионщиков. Мол, как не стыдно - вам и газ, и дороги, а вы тут ещё выкобениваетесь... Старик стусевался и поспешил убраться. Попытался тогда и я сказать что-то.

Сначала эти ребята обрадовались разговорчивому курортнику. Но, как только начал я про течения морские, дельфинов, памятники, аварии - тут эта самая баба уже в меня вцепилась. Буквально - слова не давала сказать. Мол, это тут с Москвы понаехали, воду мутят, какие ещё дельфины, когда они о местных жителях радеют. И вообще, отдыхать можно в другом месте - Кубань большая!..

Так и не сложилось интервью. Особенно когда выяснилось, что по образованию я гидрогеолог и всякими "учёными" выражениями меня не запутать. Оказалось, что воинственная дама - сотрудник фирмы-строителя. Под её водительством съёмочная группа рванула вылавливать новые жертвы заказного репортажа...

Один из главных аргументов сторонников промыш-

ленного освоения Тамани - что всё у них-де - "под контролем". И все технологии такие надёжные, что ничего не произойдёт, и что будут те же самые дельфины возле нефтеналивных терминалов плавать, и всем будет так хорошо, что просто словами не высказать.

- А если *вдруг* случится что? Ураган, землетрясение?..

- Никаких "вдруг" не случится!..

- Так достаточно одного раза в 50 лет, чтобы...?

- Да вам же говорят, что всё строится надёжно, с учётом всех рисков...?

Вот уж не думал я, споря тогда со строителями, что это самое "*вдруг*" случится буквально через пару месяцев!..

Нефтяное пятно после страшной ноябрьской катастрофы (когда в Керченском проливе затонуло сразу четыре судна, а ещё шесть сели на мель - и в море попало до полутора тысяч тонн топлива) по побережью достигло Анапы и продолжало двигаться дальше, на юго-восток, к Сочи. Сотни тонн мазута не только выплескивались волнами на

лучшие в России песчаные пляжи (в сравнении с коими сочинская галька - это вообще не пляж), но и оседали на дне. Чтобы потом, как потеплеет (то есть к курортному сезону как раз) подняться и снова покрыть море нефтяной плёнкой. По самым приблизительным оценкам, ущерб от катастрофы превысил 10 миллиардов рублей!

И вот ведь что вспомнилось. Когда в 1999 году в Керченском проливе в рамках развития уже существовавшего у Темрюка порта "Кавказ" приступили к устройству т.н. морского "рейдового перегрузочного комплекса", на все возражения экологов тоже твердили - "*всё под контролем, никаких "вдруг"!*".

В 2001 году такой же рейдовый порт устроили в проливе и с украинской стороны.

Таким вот образом - прямо посреди пролива - и возник "плавающий" нефтехимический порт. Устаревшие малотоннажные суда, в том числе вообще не предназначенные для плавания по морю, перекачивают здесь нефть на танкеры больших размеров, переваливают разные другие грузы и удобрения... Было бы просто удивительно, если бы рано или поздно не случилось то, что случилось - ведь в Керченском проливе, в особо опасном во время любых штормов месте, на открытом всем ветрам мелководье, постоянно стоят на рейде суда с опасными грузами.

Понятно, чем привлекает портовиков и нефтяников возможность перевалки грузов и нефти именно в Волне - находящейся по ходу движения судов из Азовского моря уже *за проливом*, за самой опасной в смысле навигационных условий его узкой. Непонятно другое - почему вообще это необходимо делать именно на Таманском полуострове? Потому что он ещё сравнительно менее популярен среди отдыхающих? А ведь его песчаный берег лучше анапского - уж не говоря про жёсткие камушки раскрученного сочинского побережья. Многочисленные природные и исторические памятники Тамани позволяют организовать здесь для отдыхающих интереснейший досуг и экскурсии...

Кстати, о памятниках: последствия случившейся катастрофы ликвидируются на Тамани опять же в ущерб историческому наследию. Как всегда - одно лечим, другое калечим. Собранные на пляжах тонны мазута, перемешанные с песком и водорослями, десятки тысяч погибших птиц свозятся для захоронения в район посёлка Сенной. На полигон менее чем в километре от раскопок уникального археологического памятника - **Фанагории**, столицы Боспорского царства. Другого

такого памятника античной истории и культуры - свободного от поздней застройки, с подводными работами, с удивительными находками - на территории России больше нет. В 2008 году здесь начинается строительство постоянно действующего Научного центра и музея, планируется устройство экспозиции в раскопе под открытым небом, организация подводных экскурсий...

Вопрос необходимости захоронения

и последующей переработки огромного количества токсичных мазутов масс сам по себе сомнению не подвергается. Но нужно ли это делать опять же вблизи берега Таманского залива, прямо среди античных могильников, там, где каждый год ведутся подводные археологические работы, где в ближайшее время планируется развитие нового туристического центра?..

По ТВ мы наблюдали, как губернатор Ткачёв лично сгребал лопатой отходы деятельности тех, кто строил 10 лет назад в Керченском проливе мощности по перекачке нефти. Картинка красивая, да и перед выборами для "Единой России" полезная. Жаль только, что это - всего лишь картинка. Что автобусы со студентами, прибывающими в район косы Тузлы для очистки берега, приезжали всего на один день, под телекамеры. Что краевые власти не только раньше мало что делали для предотвращения катастрофы - они и теперь не думают, что новое промышленное строительство на Таманском

полуострове неизбежно чревато новыми авариями и экологическими бедствиями. Шторма с ураганным ветром, волны - это ещё не всё. Здесь ведь время от времени и грязевые вулканы действуют. Представьте - образуется такой, допустим, под самым нефтепроводом?..

Как же хочется, чтобы губернатор с лопатой, гребущий мазут, стал действительно примером для всех чиновников края, для всех кубанцев - примером ответственного, бережного отношения к природе Кубани, к её историческому наследию.

Главное сейчас - сделать как можно скорее две вещи:

Первое - принять неотложные меры по ликвидации и минимизации последствий случившейся Таманской катастрофы. Убрать мазут, поднять затонувшие суда с сотнями тонн серы (которая, кстати, вопреки информации ТВ, находится под водой вовсе не в контейнерах, а в трюмах, навалом!); позаботиться о морских обитателях (в водах Таманского залива, между прочим, каждой осенью происходят встречи и "свадьбы" дельфинов всей черноморской их популяции).

Второе - принять меры по предотвращению новых природных катастроф. И, значит - пересмотреть планы экономического и социального развития Таманского региона: вместо дальнейшего промышленного освоения нужно думать о создании на полуострове особо охраняемых территорий (с возможностью создания в будущем Таманского природного и историко-культурного национального парка), о развитии, в первую очередь, курортного хозяйства и туризма.

Не стану скрывать - есть тут у меня и личный интерес. Очень хотелось бы и этим летом, и следующим приезжать сюда с детьми. Каждую зиму они мечтают опять увидеть дельфинов... Портовые краны и нефтяные терминалы мы и в других местах увидим - оставьте нам, пожалуйста, Тамань для жизни и отдыха, дорогие наши чиновники!

Да, именно дорогие - слишком дорого вы обходитесь стране со своими нефтедолларами и откатами. Оно и понятно: что вам эта самая Тамань со всеми её памятниками - если вы можете тратить заработанные здесь деньги на Мальдивах или Канарах, подальше от глаз соотечественников...

Г. Кокунько

PS: Гос. телеканалы ещё в декабре рапортовали - "*последствия катастрофы в Керченском проливе ликвидированы*". Но так и остались протяжённые участки загрязнённого берега, где вообще никаких

очистных работ не проводилось. Это признало и ведомство, отвечающее за ликвидацию последствий катастрофы - Росприроднадзор. В заключении работавшей на месте в конце того года комиссии говорится, в частности, что "*с начала аварии в Керченском проливе на участке от погранзаставы Тузла до мыса Панагия работы по очистке берега не проводились*". Это значит, что только в пределах Таманского сельского поселения остались "с мазутом" целых 21 километр побережья!..

Мемориал борцам с большевиками

4 августа 2007 года в станице Еланской Ростовской области состоялось открытие Мемориала "Донские казаки в борьбе с большевиками".

Донской казак Мелихов Владимир Петрович давно мечтал создать на территории своей усадьбы памятник погибшим казакам, где центральной фигурой станет легендарная личность - Атаман Пётр Николаевич Краснов. Как сказал инициатор установки памятника на его открытии - "Память о генерале и патриоте П.Н.Краснове, его деяниях во благо России и донского казачества, политической и военной деятельности всё ещё подвергается искажению и забвению".

Конечно, воплощение замысла памятника можно было доверить только действительно профессиональному скульптору, знающему и любящему казачество. Выбор поэтому остановился на москвиче Константине Чернявском, родившемся и выросшем на Дону, давно и плодотворно работающем над казачьей темой.

Объём работы поражает - фигура Атамана высотой 3,4 м, рельеф "Казачьи клейноды" - 7,5 кв.м, шесть рельефных портретов атаманов и героев Дона, четыре малых памятных креста и большой (3 м) поклонный. Всё это сначала предстояло вылепить в глине, а затем перевести в бронзу и гранит. Причём всю работу в глине скульптор проделал один, без помощников, доводя до готовности произведения в бронзе и граните - частью в Москве, частью в Ростове на Дону.

Мемориал установлен на высоком крутояре, с которого открывается захватывающий дух вид на излучину Тихого Дона и станицу Еланскую. От здания будущего музея истории казачества к мемориалу ведёт дорога, выложенная природным камнем. Всё вокруг утопает в цветах и фруктовых садах, везде видны старинные предметы казачьего быта - мельничные жернова, каюки, бороны, телеги...

На подходе к Мемориалу эти артефакты вносят трагический мотив - как символы трагедии, разыгравшейся на Дону с торжеством большевизма. Посреди разрушенных остатков казачьей цивилизации вырастают четыре строгих гранитных креста со светящимися поминальными лампадками внутри. На крестах надписи - "Крым", "Новороссийск", "Чаталджи", "Лиенц" - как напоминание об этапах Казачьей Голгофы.

Далее на стене из камня - бронзовый рельеф "Казачьи клейноды", в котором собраны казачьи знамёна, регалии, бунчуки, оружие с медальоном и надписью посередине: "Донским Атаманам, генералам, офицерам, казакам и казачкам за Веру и Отечество живот положившим". Под медальоном - герб Области Войска Донского. Венчает рельеф распростёртый крылья двуглавый орёл с

вензелем императора Николая II.

По обе стороны рельефа на гранитных плитах - портреты: командующий Донской Армией генерал-лейтенант С.В.Денисов, Атаман Войска Донского генерал-майор А.М.Назаров, Атаман Войска Донского генерал от кавалерии А.М.Каледин, командир 1-го партизанского отряда полковник В.М.Чернецов, и.о. Атамана Войска Донского войсковой старшина Е.А.Волошинов, начальник штаба Донской Армии И.А.Поляков. Каждый из них достоин, без преувеличения, отдельного памятника!

Над рельефами возвышается на отдельном пьедестале фигура Петра Николаевича Краснова. Атаман в развевающей шине, придерживая левой рукой Георгиевское оружие - шашку, правой рукой высоко возносит символ казачьей власти - пернач, который с 1746 года крепко держали в руках атаманы Войска.

Известный писатель, боевой генерал, патриот России и казачества, наконец, увековечен в скульптурном памятнике. Большое сходство (его подтвердили присутствовавшие на открытии Мемориала и лично знавшие Петра Николаевича ветераны XV-го кавалерийского корпуса В.Н.Аксёнов и Ю.Г.Болоцков) и мощная энергия соединились в этом произведении.

Ограниченность в средствах не позволила исполнить фигуру Атамана - превосходного кавалериста - на коне. Но автор памятника, один из немногих в современном искусстве настоящих знатоков конной пластики, не теряет надежду в будущем всё же создать конную скульптуру Краснова.

Завершает композицию мемориала Поклонный Крест в граните, выполненный в казачьей воинской традиции. На передней стороне - Голгофа с предстоящими Пресвятой Богородицей, Св. Иоанном Предтечей и казаками, на оборотной - покровители воинства Архистратиг Михаил, Св. Равноапостольный князь Владимир, Св. Георгий Победоносец и Св. Димитрий Солунский.

На открытии присутствовало более 500 человек, в том числе прибывшие из Москвы, дальнего и ближнего зарубежья. После освящения Мемориала состоялся митинг, а завершилось торжественное открытие организованным с казачьей щедростью застольем и концертом фольклорных коллективов.

Кроме самого Мемориала, в комплекс "Донские казаки в борьбе с большевиками" в Еланской должны будут войти музей и архив. Задача музея - освещение жизни казачества в период с 1917 по 1920 год, его борьбы с большевизмом. В архиве будут собираться публикации в различных изданиях (в том числе и зарубежных), относящиеся к деятельности и жизни Войска Донского и Донского казачества с 1917 года.

В. Карнуков

В Сербии открыт памятник П.Н.Врангелю

В сербском городе Сремски-Карловцы 14 сентября 2007 года в торжественной обстановке был открыт памятник последнему Главнокомандующему Вооружёнными силами Белой России генерал-лейтенанту П.Н.Врангелю. Как известно, именно здесь до 1927 года Пётр Николаевич жил, здесь же писал свои записки о Гражданской войне. 25 апреля 1928 года он умер в Брюсселе, там же сначала был похоронен. Однако позже его прах был перенесён в Белград - в русский храм Святой Троицы.

Бронзовый бюст и гранитный постамент памятника были изготовлены на средства одного из российских благотворителей по проекту пугерского скульптора Василия Аземша. Памятник был установлен при содействии федерального ведомства "Россыязохранкультура". В церемонии его открытия приняли участие представители федеральных органов власти, Русской и Сербской Православных Церквей, деятели науки и культуры двух стран, живущие в Сербии потомки первой волны русской эмиграции.

В свете истории...

Терским обществом любителей казачьей старины во Владикавказе в 1911 году была издана работа Г.А. Ткачёва «Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области». Открывается она эпитафией из Пушкина: «Не спи, казак, - во тьме ночной чеченец ходит за рекой!»

Затем - записки Ермолова: «Селения сии (на правом берегу Терека расположенные) не менее прочих наполнены были разбойниками, которые участвовали прежде во всех набегах чеченцев на линию. В них собирались хищники и укрывались до того, пока мирные чеченцы, всегда беспрепятственно проезжавшие на линию, высмотрев какую-нибудь оплошность со стороны войск наших или поселян, могли провождать их к верным успехам... Во всех случаях, где в отношении к ним хотел я быть великодушным, самым наглым образом бывал обманут».

Отзыв поэта Полежаева: «Кому неизвестны хищные неукротимые нравы чеченцев? Кто не знает, что миролюбивые меры, принимаемые русским правительством для усмирения буйств сих мятежников, никогда не имели успеха? Закоренелые в правилах разбоя, они всегда одинаковы. Близкая неминуемая опасность успокаивает их на время; после опять то же вероломство...»

Работа Ткачёва связана с разбором запроса в Госдуму в 1911 году. Свидетельствует житель Кабарды: «Приходится лишь сожалеть, что мусульманская фракция взялась защищать убийства, разбои, грабежи и насилия, совершаемые ингушами... Цветущее коневодство в Малой Кабарде, имевшее общегосударственное значение, прекратило своё существование, благодаря кражам и грабежам, совершаемым соседями ингушами. Немало было случаев угона косяками лошадей ингушами из Большой Кабарды. Десятки людей в Малой Кабарде убиты и искалечены ингушами при ограблении... Систематические кражи и грабежи, совершаемые ингушами, в корне подорвали экономическое благосостояние её и довели до нищеты, о чем мало-кабардинцы не раз приносили жалобы местному начальству... Говоря, что ингуши - народ преступный, я далёк от мысли, что нет преступных людей среди кабардинцев. Но смело могу сказать, что если не все ингуши совершают кражи, разбои, грабежи, убийства, то поголовно все они являются укрывателями своего преступного элемента и добытого этим преступным элементом путем преступления имущества...»

Теперь спрашивается, - права ли мусульманская фракция Государственной Думы в том, что присоединилась к социал-демократам и делает совместно с ними запрос о репрессиях против ингушей? На что каждый мусульманин Терской области ответит: нет, не права! Ингушей нужно отрезать, и для этого нужны особо исключительные меры, на что необходимо уполномочить областную администрацию, так как гуманные законные меры их не отрезают: не только защищать ингушей, а, по моему, необходимо всем мусульманам Терской области соединиться и объявить ингушам, что они, как мусульмане, вопреки шариа, крадут, грабят, убивают мирных жителей и укрывают разбойников...»

Далее - печальный мартиролог из 36 жалоб одной лишь станицы Кахановской за 1905-09 годы. Например:

«Утром 19-го октября 1905 г. отставной 85-летний казак Ион Стрельцов с внуком своим 14-летним мальчиком Захаром Рудневым на одной повозке с двумя парами быков ехал на пашню: на дороге их встретили чеченцы, взяли с быками и повозкой в плен, побили обоих на Цацан-Юртовской земле и на огне пожгли некоторые части тела; трупы были затоплены в речке Черной и найдены 10-го ноября того года...»

«Вечером 17 апреля 1906 г. при возвращении из станицы Шелковской в Кахановскую на дороге, ехавший на фаэтоне... дворянин Игнатий Гуминский нападшими четырьмя чеченцами убит на дороге, ограблены две лошади с упряжью...» Всё это - нападения на мирных жителей.

В записке есть свидетельство, что один из ингушей - старшина селения Плиевского - не только никогда не воровал, но и вёл беспощадную войну с ворами. Но это было так для ингушей необычно, что его знал всякий ингуш, и ему дана была особая кличка - «генуш» («многогрешный»). Убить его никто не решался: по поверью, на убийцу пере-

ходили все грехи генуша. Этому человеку было только 33 года, но он уже был седой, как старик. Так «легко» было жить честно в Ингушетии!

Но так было не всегда. В записке - примеры 1857-60 гг., когда «начальником Чеченского народа» (должность такая!) был полковник Беллик. Крутой был начальник:

«Ни в одном благоустроенном государстве не существует такого дикого обычая, как теперь у нас. Человек, посягнувший на чужую собственность, делается порочным, и он терпит за то тяжкое наказание...»

«Народ изьявляет неудовольствие за телесное наказание, употребляемое мною над ворами. А как воры никогда не могут оставаться безнаказанными, то я приказываю наибом собрать народ и спросить его: согласен ли он будет, взамен телесного наказания, употребляемого над ворами, ссылатъ их навсегда в Сибирь?»

Полковник знал Коран: «Ещё есть порок между чеченцами самый вредный для народа, это есть муллы, толкующие вам о непременной ненависти вашей к нам; я знаю Коран и его наставление и потому - то смело могу сказать вам, что тот мулла дурак и неграмотный, который позволяет себе учить вас ненависти к нам; в Коране сказано: «Не желай другому того, чего себе не желаешь...»

Шла Кавказская война, с грабителями не церемонились - вешали, руки рубили, в ямы сажали, в Сибирь со всем семейством ссылали, плетью пороли, на крепостные работы направляли. И, надо сказать - в большинстве своём народ строгость понимал.

Беллик только полковник, но сколько в его гордых словах престижа власти: «Я всегда исполняю то, что говорю... Я всегда держу мои обещания!»

А через 50 лет наступили «демократические» порядки. Центр и тогда Кавказа не понимал! Наместник Кавказа брат царя Михаил Николаевич, уступая просьбам чеченцев, лично разрешил им (вопреки мнению казаков) жить в Шатойской слободе при крепости. Через 20 лет ни одного русского там не осталось - допекли грабежами и убийствами. А ведь не самый глупый наместник был!..

Приводится полностью казачье прошение назначенному в 1905 году наместнику Воронцову-Дашкову, где вред «от беспокойной и злонамеренной части туземного, плоскостного и горского населения чрез грабежи, разбои, воровство» лишь за 1903-04 гг. оценивается в 200 тысяч рублей - астрономическая тогда сумма! Законы Империи не действуют, судебные меры мягки... А потому, сказано в прошении: «Коренные русские люди, коренные казаки русского царя, триста лет охранявшие берега далекого Терека, мы привыкли грудью встречать всякие покушения и бороться против открытого злоумышления нам было бы не трудно - но в настоящем положении мы положительно бессильны!» (это как сейчас: ответишь - посадят!).

Что изменилось через 100 лет? Разве что оружие помощней, вместо лошадей «Мерседесы», да то, что объект грабежа теперь - вся Россия. Факты из давнего доклада комиссии депутата Говорухина поражают леденящей душу дикостью и палачеством. 14 лет доклад лежит в Госдуме и никто им не думает заниматься - смерть более 40 тыс. замученных русских людей никого не интересует!.. Не знаю, о какой «стабильности» говорят наши власти в отношении Северного Кавказа. Разве что в том смысле, что Чечня и Ингушетия сегодня - практически мононациональны, русские там лишь названия станиц. И в остальных республиках стремятся к «стабильности» - в них тоже продолжается вытеснение русского населения.

Договариваться, планировать и надеяться на что-то на Кавказе России можно лишь в одном случае: когда за твоей спиной огромная дубина государственной власти, которая бьёт больно - местный «истеблишмент» понимает только такой язык. Все остальное для них - проявление слабости, которую грех не использовать.

Между тем русские - не государствообразующий народ РФ, и посему имеют мало влияния на это самое государство. Хотя бы потому, что они его не образовывали. А вот те же чеченцы или ингуши, которым большевики подарили национальные республики (заодно с казачьими землями), власть и собственность в них - в этом государстве весьма заинтересованы! Да и оно им обязано - за то, что после революции помогали терроризировать

казakov и установить новую власть. Таких же фактов убийств и насилия со стороны ингушей и чеченцев, что процитированы по записке 19 века, хватает в обращениях казаков в Москву в 20-х годах прошлого века!..

В одном из своих интервью ("Литературная газета", май 1997 г.; русских в Ингушетии уже нет) бывший президент республики Аушев на вопрос, почему на референдуме, в

отличие от Чечни, ингуши подтвердили, что остаются в составе России, ответил: "Все проблемы Ингушетии должна решать Россия".

Этого принципа этно-государственного паразитизма Ингушетия придерживается до сих пор. А мы, существу, своего рода палестинцы, лишенными родины.

П. Деев (Ставрополь)

Разумеется, журнальная публикация - это часто достаточно вольное, при-

способленное ко вкусу и взглядам основной категории читателей данного издания изложение той или иной проблемы. Ведь задача её - не последовательное и строго доказательное следование высказанной автором теории, а всего лишь популярный и занимательный пересказ её.

Однако даже при этом, уверен, не следует опускаться совсем уж ниже определённого научного уровня! Всё-таки надо понимать, что читатель такого журнала, как та же "Станица", может на основе именно его материалов составлять своё представление о казачестве - особенно в вопросах его происхождения, до сих пор остающихся слабо освещёнными в серьёзной научной литературе. В этой области остаются непрояснёнными столько спорных теорий, столько невероятных предположений, что надо стараться быть максимально осторожным, стараться не путать читателей ещё больше.

"Станицу" упоминаю совсем не случайно. В последних её номерах постоянно появляются статьи, пытающиеся доступным языком осветить те или иные малоизвестные страницы истории казачества и связанных с ним народов. Спору нет - это всё очень нужно и очень здорово, особенно, когда опирается на совершенно новые или незаслуженно забытые старые исторически-доказательные, проверенные источники. Вполне допустим здесь и журналистский пересказ уже опубликованных книг - зачастую они издаются таким мизерным тиражом, что про их существование даже в среде историков или этнологов мало кто знает, и тут именно журнал выполняет весьма важную функцию - доносит их основное содержание до широкого круга интересующихся этими вопросами. Однако тут автору не следует увлекаться, перемешивая и без того порой сомнительные данные со своими собственными мыслями и убеждениями. А этим авторы журнала нередко как раз и грешат! Очевидно увлекаясь той или иной "новой" для них теорией, они допускают немало ошибок или напрочь игнорируют принятые в исторической науке (как, впрочем, и во всех других) методики доказательств и аргументации.

Возьмём, к примеру, статью о чёрных клобуках из последнего номера журнала. Пересказывая, в общем-то, известные события из истории этого народа, автор статьи повторяет известные ошибки многих пишущих на казачью тему. Скажем, "царский офицюз" (советское отрицательное словечко) вовсе не считал казаков беглыми крепостными, как почему-то стали полагать многие нынешние авторы! Другое дело, что и отдельным народом он их не считал. Да и не было прежде какой-то единой, навязываемой сверху точки зрения по тому же происхождению казаков. На основе документов преобладала всё же точка зрения о значимой роли русского государства в формировании и развитии казачества. В соответствии с "Донскими делами" - источником 16-17 веков - набор казаков на Дон вело государство. Это были служилые люди "по прибору" (набору).

В первом же абзаце статьи автор надменно унижает русских крестьян (т.е. порядка 90-95 % русского народа). Противопоставляя их организованным общинам с воинскими навыками, переселённым в русское пограничье из других или родственных этносов, он как будто вовсе не знает, что в 16-17 веках каждая деревня, особенно у Дикого поля, как раз и представляла собой "сложившуюся общину с боевыми и бытовыми традициями". Тут жителям не просто хлеб приходилось растить, но и постоянно быть готовыми дать отпор врагу. Из крестьян и комплектовали столетиями самую сильную и выносливую армию мира. Не конницу, конечно - но так и во всём остальном мире из крестьян по понятным причинам формировались преимущественно пехотные части. Конь и конное снаряжение стоили дорого, а приобретение навыков ведения конного боя требовали длительного обучения...

Когда не хватает аргументов...

С. Зинченко, как и некоторые другие авторы популярных материалов о казаках, допускает и ещё одну серьёзную ошибку. Нельзя схожесть, родство по воинскому служению, как и отдельные, развившиеся в схожих условиях, или даже заимствованные черты культуры, степного и воинского быта, предметов конской упряжи или оружия - объявлять доказательством родства по крови! Иначе можно прийти и до полного абсурда - записать, например, в близкую родню казакам тех же американских ковбоев!..

При этом такой "убийственный" аргумент, как сравнение казаками рубахи в шаровары, в отличие от тех же русских крестьян, вообще не может быть свидетельством культурного родства с потомками чёрных клобуков - это всё равно, как если бы следователь искал преступника по признаку "заправляет в штаны рубаху". Так же и "знаменитый чуб" - носили его не только казаки и гузы, но также князья и служилые люди Киевской Руси до крещения, а ещё раньше - многие другие кочевые народы, пришедшие в Европу с просторов Азии...

Уничтожение казачьих войск, отбирание земель и вольностей как одна из причин катастрофы 1917 года стали ещё одним расхожим тезисом нынешних казачийцев - явных или неявных сторонников теории казачества как отдельного народа. Эмоциональные оценки происходившего в 19 - начале 20 века отдельными авторами, в том числе и из казачьей среды, аргументом здесь служить не могут - в конце концов, они отражали личные взгляды высказывавших их людей, их личный частный опыт. В том числе и господствовавшие в либерально-интеллигентской среде России взгляды на власть, на "царизм" как на душителя свободы.

Документы в большинстве своём свидетельствуют о другом - в период, скажем, последних 50 лет перед революцией государство земель и вольностей не отбирало и не уничтожало. Достаточно посмотреть статистику перемещения и создания новых войск, жалования им всё новых земель, верстания в казаки новых масс людей - рост шёл едва ли не в геометрической прогрессии. Другое дело, что с изменениями в экономике, землепользовании, общественном устройстве постепенно и неизбежно происходил и процесс сближения казачества с основной крестьянской массой страны, изменение состава населения казачьих областей (вплоть до того, что на Дону и Кубани - не говоря уже о других Войсках! - перед революцией "иногородние" составляли больше половины жителей). Что, конечно, не могло не задевать немалую часть казачества, привыкшую ощущать свою особость.

Если уж говорить о причинах упомянутой катастрофы 17-го года - то одной из них была как раз предательски-эгоистическая позиция российской интеллигенции, ненавидевшей "царизм" (и получившей, в итоге, заслуженные ею большевицкие "вольности"). Если посмотреть в те годы на историческую науку на Дону, Кубани и Украине, то заметим вот что. Именно осколки этой самой интеллигенции (в условиях заселения во второй половине 19 века областей казачьих Войск иногородними и их претензий на казачьи земли) не нашли ничего лучше, чем отвечать порой сомнительными теориями о происхождении казаков от гузов, торков, бродников и прочих экзотических древних народов.

А ведь высказывавшие подобные взгляды как раз хорошо знали, что в стародавних казачьих общинах долгое время не было женщин. То есть - мало было как раз кровной преемственности (а вот смешения кровей, культур и обычаев - сколько угодно, как и вообще на территории расселения русского этноса). В основном же казаков в 16-17 веках, когда и складывалась историческая основа нынешнего российского казачества, рожали рязанские, тульские, московские и полтавские мамки!..

Ю. А.

Запорожское козачество как Православный военно-монашеский Орден

В отличие от "великорусского" казачества, в применении к запорожскому (днепровскому) более уместно написание "козачество" - соответствующее малороссийскому произношению. Выражение "украинское козачество" неуместно по той причине, что термин "Украина" в описываемый период употреблялся разве что в частном обиходе, в значении "окраина" (хотя само название "Украина" встречается в русских летописях ещё в конце XII века: так в Киеве называли Залесье - будущую Великороссию).

"Украиной" Речи Посполитой называли свою землю её жители. Но при том даже полонизированные шляхтичи и магнаты, имевшие владения на данной территории, продолжали считать себя русскими. Например, злейший враг днепровского козачества, хотя и являвшийся потомком одного из его основателей, князь Иеремия Вишневецкий, в разгар войны с Богданом Хмельницким начинал свои воззвания так: "Я, Князь Иеремия Вишневецкий, Воевода Русский..."

Обычно феномен **военно-монашеских** - или, как их ещё называют, **духовно-рыцарских Орден**ов - связывают с римско-католической верой и западно-европейской культурно-исторической традицией, с возникшими в эпоху Крестовых походов Орденами странноприимцев-иоаннитов, храмовников-тамплиеров, кавалеров Святого Лазаря, Благой Смерти, тевтонских рыцарей. Меньше известны схожие духовно-рыцарские братства Иберийского полуострова - Орден Святого Иакова и меча (Сантьяго), Сальватерры (Калагратвы), Алькантары, Пресвятой Девы Монтезской, португальские Орден Эворы (Святого Бенедикта Авизского), рыцарей Христа...

Однако столь же точно подходит под определение духовно-рыцарского братства или Ордена такой широко известный феномен православного мира, как **Запорожское козачество** (возникшее на территории средневековой Речи Посполитой, на стыке западного христианского мира с восточным).

Ещё известный предводитель казаков Остап Дашкович, староста чигиринский и каневский, в первой половине XVI века предлагал сейму Речи Посполитой организовать защиту Днепра от набегов крымских татар посредством постоянной стражи из 2 000 казаков, устроив за днепровскими порогами **рыцарскую школу**.

Как писал в 1841 году А. Скальковский, член Одесского общества истории и древностей - "Запорожцы, т.е. славянские витязи, составляли род **военного братства**, учредившегося подобно римско-католическим монашеско-рыцарским орденам... В наше время многим, даже и сведущим читателям покажется странно и непонятно, чтобы полубразованные казачьи ватаги, почти безграмотные и к семье европейских народов не принадлежащие, явились на историческое поприще в виде рыцарского общества тогда, когда все другие Ордена уничтожились и остались только в грамотах, именах и гербах дворянства западного..."

Мне кажется, что именно по причине падения рыцарских римско-католических Орден, явились витязи православного исповедания. Подобно первым, они были связаны таинственными узами: **братства**, или **товариства** (от польского слова *towaryzstwo* - общество); **веры**, ибо никто не мог быть казаком, если не был православным, так что пришельцы всех других религий принимались в общество не иначе, как после принятия ими обрядов восточной Церкви или православия. Они были обречены **обету послушания**, ибо не только вся община, но даже церковь запорожская, не чальнику Ордена (*магистру, grand-maitre*), т.е. кошевому; **обету безбрачия** (*castitatis*), ибо, как всем известно, только неженатые участвовали в военных подвигах войска и составляли **кош**. Наконец, та же цель, то же **призвание**: война с врагами христианства и защита государств

(западно-европейских или славянских, все равно), от наездов турецких и татарских, собирает равно и запорожцев под свои бунчуки и хоругви, а тевтонских рыцарей под сень знамен Богородицы Марии".

В самом деле, Запорожская Сечь - или, как говорили сами казаки, **Сичь** (буквально - "лесная засека"), расположенная на острове Хортица, и, тем более, **Запорожский Кош** - были ни чем иным, как огромным мужским монастырём, куда вход женщинам был запрещён. Безбрачие - одно из условий принятия в "товариство". В одной козацкой "думе" отец, провожая сына к запорожцам, наставляет его:

*Мы жинок мусимо любыты
Так, як наших сестер, материв,
А опричь их нам треба никога не любыты,
И утикаты от злых чорив.
Бо ты знаеш, мій милый сынку:
Лыцареви треба вояваты,
А тоби буде жаль жинку зоставляты.*

Точно так же монастырями, запретными для любых особ женского пола, были крепости военно-монашеских Орден католического мира - прецептории - "храмы" тамплиеров, "госпитали" иоаннитов, командории Тевтонского Ордена.

Для сечевых казаков степь заменяла командорию, земляные укрепления - "радуги" и курганы - "могилы" - сторожевые замки, острова и днепровские лиманы - скиты и монастыри.

А. Скальковский писал: "Подобно рыцарям, запорожцы давали обет безбрачия (*castitatis*), послушания

кошевому атаману (obedientiae) и бедности, убожества (pauperitas): в Сечи никто не имел собственности, а хотя и были паны, обогатившиеся торговлею или войною, но все их имущество, как безбрачных, считалось собственностью общины запорожской. Владельцы земель и женатые уходили из Сечи и селились в степи (т.н. "сидни" или "гнездки" - В.А.). Наконец, подобно рыцарям, они вели вечную борьбу с мусульманами - турками и татарами, хотя по страсти к разбоям и грабежу, нападали иногда и на христианские (русские и польские) границы, что случалось и с меченосцами и с другими, им подобными, вооружёнными рыцарскими братствами".

Француз Пьер Шевалье сообщал в 1663 году: "Чтобы кандидату быть признану за истинного казака, должно было переплыть Днепровские пороги и следственно побывать на Чёрном море, подобно тому, как Мальтийские кавалеры для достижения высшего звания в своем Ордене обязаны участвовать в их "караванах", т.е. сражаться на их галерах против неверных".

Европейские рыцари, вступая в Орден, принимали постриг, приносили обеты целомудрия, послушания и нестяжания, отказывались от своего имущества и родового герба и принимали монашеское имя - иными словами, "умирали для мира". Так же запорожцы. При вступлении в сечевое "товариство" и они "умирали для мира" - приобщаясь к рыцарскому братству, принимали вместо прежнего имени нарочито уничтожительное прозвище (Бородавка, Вовк, Ворона, Гнида, Голота, Держихвист-Пистолем, Задерихвист, Кирдяга, Корж, Кривонос, Лысыця, Лупынос, Малюта, Махина, Нерыдай-Мене-Магы, Непийпиво, Неижмак, Пивторакожуха, Пидкова, Рогозяный-Дид, Свербыгуз, Святоша, Семи-Палка, Сиромаха, Шкода, Шмат, Часнык и проч.), обязывались, подобно монахам, не иметь имущества (всё добытое в походах пропивалось), беспрекословно слушать своих "отаманов", избиравшихся из членов братства (подобно тому, как избирались "магистры" - главы католических духовно-монашеских Орден).

Вступивший в братство причислялся к одному из "куреней", на которые делилась Сичь. Куренем (от монголо-татарского "курен" - "двор") именовалось "общезитие" с помещением, где проживало около 150 казаков.

г. Хотин, крепость 16 века

Новоприбывшему куренной отаман отводил здесь место в 3 аршина длины и 2 ширины для установки нар: *"Ось тобі і домовина, а як умреш, то зробим ще коротку"*.

В отличие от военно-монашеских Орденов Западной Европы, близких по структуре к ремесленным цехам и логам, Запорожская Сечь имела структуру пастушеского кочевья, что выражалось в соответствующей должностной иерархии и атрибутике. Самоназвание главной ставки Запорожья - Кош - и его устройство родственны понятию *"кхош"* (укрепленный табор, по-древнерусски *"товар"* - отсюда *"товарищи"* и *"товариство"*, как называли своё братство сами запорожцы!) у тюркских кочевников. У тюрков *"кхошем"* назывались 10 объединённых вместе овечьих отар - и Сичь к 1775 году подразделялась на 10 округов - *"паланок"*. При каждой отаре у тюрков состояло по три пастуха, причём самый опытный возглавлял всех пастухов *"кхоша"* и назывался *"одаман"*.

Управление всеми малыми отарами-стадами было сосредоточено в *"кхоше"*, где проживал одаман. По аналогии, казаки под *"Сичью"* понимали столицу всего козачества, а под *"Кошем"* - своё козацкое *"правительство"* во главе с кошевым отаманом.

Будучи братством христианских рыцарей, казаки именовались также *"Арматным"* (т.е. вооружённым) *Стадом*, возводя себя к евангельскому *"малому стаду"* (Лк. 12,32). В кошевом отамане, которому вручался тростниковый пастушеский посох-булава с золочёным яблоком-навершием, видели воплощение Пастыря Доброго. Уговаривая Богдана Хмельницкого в 1648 году возглавить их, казаки говорили: *"Мы как стадо без пастуха!"*

Передача власти и в Орденах Запада, и в Запорожском Коше зависела от авторитета кандидата на должность главы Братства, а подчинение ему - от признания. Выбор определялся преимущественно превосходством в воинских науках и авторитетом, но не давал ему, как и Магистру военно-монашеского Ордена, права распоряжаться судьбой братства единолично. Во всех важнейших вопросах отаман и подчинённые непосредственно ему высшие должностные лица (старшина) обязаны были советоваться с *"товариством"* (Войском). Решение принимало прежде всего Войско, и лишь затем - отаман и старшина, что явствует из запорожских грамот.

Именуя себя *"товариством"*, запорожцы подчеркивали принадлежность к воинскому, рыцарскому сословию. В войске Речи Посполитой той поры *"товариством"* считались исключительно рыцари-кавалеры шляхетского рода, служившие в тяжеловооружённых гусарских и панцерных (именовавшихся, кстати, самими поляками ещё и *"козацкими"*!) хоругвях - воины же простолюдины именовались *"жолдацтво"* (*"солдаты"*, наёмники).

Если для войска средневековой монархии авторитет венценосца - помазанника Божия - являлся объектом веры, то для всякого духовно-рыцарского общества могущество выборного отамана (магистра) - очевидная реальность, не требующая религиозного поклонения. Но от этого отнюдь не утрачивающая своего сакрального характера! Подобно тому, как покровитель Христианского воинства Святой Архистратиг Божий Архангел Михаил и возглавляемое им Воинство Небесное, в строгом соответствии с иерархией ангельских чинов, окружали Престол Господень, так и запорожцы при избрании кошевого отамана охватывали выстроенным по *"военным степеням"* кругом главный сечевой храм - Покрова Пресвятой Богородицы. Так православное *"степное рыцарство"* зримо воспроизводило предвечное рождение Христа-Еммануила, окружённого воинством Архистратига и как бы благодатно воплощавшегося в кошевом отамане.

Дистанция, разделявшая Войско и кандидата в *"кошевые отаманы"*, набравшего наибольшее число голосов (в буквальном смысле слова, ибо голосовали криком), подчёркивалась не возвышением его, а, напротив, ритуальным унижением. Упивавшегося (по обычаю, с целью подчеркнуть свою скромность) избранника *"товариства"* выталкивали на площадь со словами: *"Иди, скурвий синчу, бо тебе нам треба, ти тепер наш батько, ти будеш у нас паном"*.

Ритуал поставления кошевого напоминал ритуал помазания на Царство. Однако вместо святого мира, выбритую (как тонзура рыцарей-монахов) макушку новоизбранного батька седоусые *"диды"* мазали площадной грязью - в качестве своеобразной реминисценции последования панихиды: *"...земини убо от земли создахомся, и в землю туюжде пойдём"*.

Чин кошевого *"пана-отца"* соответствовал чину Верховного Магистра военно-монашеских Орденов, совмещавшего в одном лице высшую гражданскую, военную и духовную судебную власть. Во время богослужений кошевой пользовался в храме особым местом, наподобие Царского (*"бокуном"* или *"стасидией"*). На имя *"Его Вельможности Кошевого Отамана"* адресовались не только монархии, но и церковные грамоты. Ему присягало не только *"арматное стадо"*, но и духовные его пастыри. Любой священнослужитель, начиная с настоятеля сечевого храма, мог быть по требованию кошевого немедленно удалён из Коша!

Тростниковая булава кошевого служила явным указанием на *"трость"*, которую *"не преломит"* Указолюбный Отрок (Ис. 42:63; Мф 12,20) и которая затем, во время Страстей Господних, появляется в деснице Христа (Мф. 27,29). В период пребывания кошевого в Сичи над его ставкой поднимался белый прапор. Над свежей могилой усопшего *"сечевика"* также устанавливался стяг белого цвета - между прочим, имевшего первостепенное значение и для большинства военно-монашеских Орденов Запада.

Известна также тесная связь между запорожцами и старцами Святой горы Афон (как и на Западе - между монашескими и рыцарскими Орденами: бенедиктинцы-госпитальеры, цистерцианцы-гамплиеры и т.д.). Многие казаки заканчивали свою земную жизнь подвижничеством на этом *"православном Олимпе"*.

При сечевой церкви имелась школа для обучения юношей, *"шпиталь"* для больных и раненых, что также роднит Сичь со странноприимными военно-монашескими Орденами (прежде всего Мальтийским).

Что касается общего для всех духовно-рыцарских Орденов обета нестяжания, то общепринятым самоназванием запорожских казаков было *"сиромахи"*, *"сиррома"*, *"сиромашня"* - т.е. *"сироты"*, *"бобыли"*, *"бесприютные"*. Одним словом - сирые (убогие, нищие) - бедное рыцарство, сознательно расточающее отнятое у врагов Христианства богатство.

О фактическом принятии ими обета целомудрия уже говорилось. Добавим лишь, что при этом запорожцы, подобно рыцарям-монахам Запада, горячо почитали Пресвятую Богородицу. Главным храмом Сечи был собор Покрова Пресвятой Богородицы, чей праздник имел для *"степных рыцарей"* двойное значение. Под омофором Богоматери они не боялись ни вражеского оружия, ни грозной морской стихии; под покровительством Приснодевы сохраняли целомудрие и исполняли принесённые обеты.

Конечно, в Запорожское Войско, наряду с неженатыми сечевиками (полноправными рыцарями-монахами, или *"профессами"*), входили и женатые гнездуки. Но последние не являлись полноправными членами братства и не имели права именоваться *"товарищами"* или *"лыцарями"* (занимая положение *"сервиентов"* - *"полубратьев"* духовно-рыцарских Орденов). Им, по неписанному войсковому обычаю, запрещалось жить на территории самой Сичи, куда преступлением считался привод женщин, будь то даже родная мать или дочь.

Но главное, что роднило православных *"степных рыцарей"* с их западноевропейскими собратьями по духу - это их основное жизненное предназначение: защита Христианства от натиска исламских орд. Связанные, подобно членам католических Орденов, упомянутыми Скальковским тройными узлами общины (*societas*), веры (*religio*) и призвания (*vocatio*), заключавшегося в вечной, духовной и телесной *"брани против мира сего"*, они были рыцарями-крестоносцами в полном смысле этого слова - *"по гроб жизни"*.

Характерно в этом смысле обычное воззвание, с которым сечевики обращались перед походом на татар или турок к рассеянным по расположенным вокруг Сичи сёлам "гнездукам" ("вассалам" Запорожского Ордена): *"Кто хочет за Христианскую веру быть посаженным на кол, кто хочет быть четвертован, колесован, кто готов принять всякие муки за Святой Крест, кто не боится смерти, приставай к нам!"*

Те немногие, кому выпадало счастье не "сложить буйну голову на копьё бусурманское" в "Диком поле", "земле неизвестной" "Слова о полку Игореве", и впрямь уходили в монастырь, в "святую Брам", как о том повествуется в многочисленных козацких "думах". В сочинении малороссийского историка П.А.Кулиша "Чорная Рада" (1860 г.) так описывается "прощание козака со светом":

"Музыка ударяла весело и компания трогалась в путь... Впереди всех на прекрасном боевом коне несся сам прощальник сивоусий, нередко и он сам сходил с коня, пил, ел и пускался навприсядки". Всех встречных и поперечных он приглашал в свою компанию, угощал напитками и предлагал всевозможные закуски. Если он увидит на своем пути воз с горшками, немедленно подскакивает к нему, опрокидывает его., и вся весёлая компания его тотчас подбегает к горшкам, пляшет по ним и разбивает вдребезги. Если он завидит воз с рыбой, также подскакивает к нему и... всю рыбу разбрасывает по площади и приговаривает: *"Іжте, люди добрі, та поминайте прощальника!"* Если он насочит на "перекупку" с бубликами, то... забирает у нее все бублики и раздает их веселой компании. Если попадетя ему лавка с дегтем, он...скачет в бочку с дегтем, танцует в ней и выкидывает всевозможные "выкрутасы". За всякий убыток... платит потерпевшим червонцами, разбрасывая их вокруг себя "жменями". Так добирается прощальник...до самого монастыря, тут компания его останавливается у стен святой обители, а сам он кланяется собравшемуся народу на все четыре стороны, просит у всех прощения, братски общинается с каждым и, наконец, подходит к воротам монастыря и стучит в них:

Кто такой? - Запорожец! - Чего ради? - Спасатися!..

Тогда ворота отпираются, и прощальника выпускают в обитель, а вся его веселая компания... остаётся у ограды монастыря. Сам же прощальник, скрывшись за стеной монастыря, снимает с себя через (пояс) с оставшимися червонцами, отдает его монахам, сбрасывает дорогое платье, надевает грубую власяницу и приступает к тяжелому, но давно желанному "спасению".

*Свята брама одчинилась -
Козака впустили,
І знов брама зачинилась,
Навік зачинилась
Козакові..."*

Описанные действия "прощальника" - битьё горшков, т.е. сокрушение "сосудов глиняных" (Откр. 2, 27 и др.), насыщение народа рыбой (символом Христовой любви) и бубликами, т.е. хлебами - опять же по Евангельскому слову, насмешка над дёгтем-смолой, как главным адским атрибутом (вспомним гоголевского запорожца из "Тараса Бульбы", у которого "шаровары были закапаны дёгтем"!)- являлись зримым свидетельством преодоления двойственности жизни "степного рыцаря" в момент принятия им "ангельского чина" - бесповоротного личного разрыва с земным миром. Кроме "смерти для мира" в стенах "святой Брам", для запорожца, как и всякого Христова рыцаря, существовал и другой способ "ухода от мира" - славная смерть в бою с врагами Веры Христовой.

Так и престарелые рыцари-монахи Запада доживали свой век в инфермериях (богадельнях) крепостей-монастырей. Как известно, католические рыцари-монахи отважно сражались с врагами Христианства не только на суше, но и на море. Флот Тевтонского Ордена очистил Балтийское море от пиратских шаек "вигальеров" и в 1396 году уничтожил главное разбойничье гнездо - г. Висби на острове Готланд. Флот иоаннитов, именовавшихся в разные периоды своей истории "кипрскими", "родосскими" и "мальтийскими" рыцарями, был грозой мусульманских корса-

ров Средиземноморья, отправив на дно морское за несколько столетий бесчисленное множество турецких кораблей - а в 1571 году в морской битве при Лепанто сломил хребет турецкого могущества в Средиземноморье.

Запорожские казаки также отважно бились с турками на море. На юрких многовёсельных "чайках", прямых преемниках древнерусских однодеревков, они захватывали многопушечные турецкие "катарги" и не раз, по выражению Гоголя, "шарпали" берега захваченной пришедшими из глубин Азии турками древней христианской Анатолии.

Вооружение казаков состояло из мушкетер-самопалов, пистолетов, сабель, сагайдаков (луков со стрелами), пик, дрогигов и боевых топорков.

Огнестрельное оружие имели почти все запорожцы. Не случайно на гербе, дарованном Запорожскому войску королем Стефаном Баторием в 1576 году - казак с мушкетом на плече. Согласно французскому военному инженеру Гийому Левассру де Боплану, служившему правительству Речи Посполитой в 30-40-е годы XVII века, казаки метко стреляли из пищалей (самопалов) - "обыкновенного своего оружия".

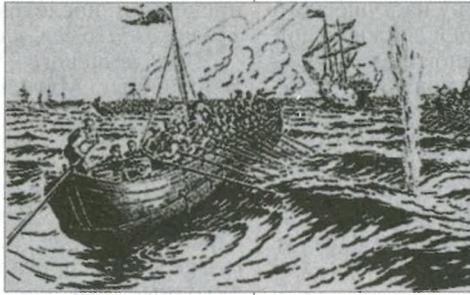
Каждый конный казак имел по 4 пистолета и 1-2 заводных коня, чтобы во время похода не уступать татарам, всегда имевшим заводных коней. В морской поход каждый брал с собой по 5-6 мушкетов. В Сичи всегда имелось не менее 50 пушек и множество преходских артиллеристов.

Любопытно, что сами запорожцы, по описаниям современников-западноевропейцев, иногда называли себя "мальтийскими кавалерами" и носили на шее восьмиконечные мальтийские крестики с "ласточкиными хвостами" на концах (символизировавшими восемь категорий блаженных из Нагорной проповеди Спасителя). Разумеется, они могли заимствовать мальтийские кресты не обязательно напрямую у рыцарей Мальтийского Ордена, а через воинов польско-литовской Речи Посполитой. Ведь отборные войска её, тяжёловооружённые гусарские и панцирные хоругови, состояли из рыцарей, украшавших свои кирасы и флюгера на копьях "кавалерскими" мальтийскими крестами.

Сходство с символикой Мальтийского Ордена усиливалось ещё и за счёт одинаковой - красно-белой - цветовой гаммы. Не случайным в этой связи представляется и тот факт, что все основные ордена Речи Посполитой - Святого Станислава, Белого Орла и "За военные заслуги" ("Виртути милитари") - в основе своей - мальтийские кресты. То есть всё воинское сословие этого пограничного с миром ислама христианского славянского государства воспринимало себя как братство рыцарей-крестоносцев, "поборающих на поганых". Тем более, что в нём находилось и крупнейшее в Европе Приорство Державного Ордена рыцарей-госпитальеров Святого Иоанна Иерусалимского, Родоса и Мальты (Мальтийского Ордена) - Острожский майорат. Запорожское православное "лыцарство", столетиями тесно связанное с воинским сословием Речи Посполитой, привыкло считать эти "крестоносные" ценности своими.

К слову сказать, более детальное знакомство с эмблематикой и регалиями Запорожского Войска опровергает ещё бытующие представления о нём как об ораве голодранцев. Вслед за тростниковым атаманским пастырским посохом - булавой или палицей (нередко золоченой и осыпанной драгоценными камнями) - в набор войсковых "клейнодов" входили:

- шёлковое красное знамя с белым мальтийским крестом по центру (и белым орлом на обороте), образами Спасителя и Архистратига Михаила по бокам;
- бунчук с чёрным и белым конским волосом;
- пернач-шестопёр с 6 перьями над шаром;
- серебряная войсковая печать, изображавшая казака в полном вооружении, остроконечной шапке и с копьём, "стоящим пред рыцарем, воина бодрствующего знаменующим";
- паланочные (окружные) и куренные (полковые) печати с различными геральдическими фигурами, обозначающими в христианской символике определённую идею

(льва, коня, оленя, звезды, луны, солнца, лука, меча, стрелы и пр.);

- литавры - серебряные котлы с натянутой на них кожей и деревянными колотушками, в которые бил ("довбил"), созывая на раду, специальный литаврщик - "добыш".

Не все эти символы власти были знаком достоинства кошевого отамана. Войсковая печать была инсигнией войскового судьи, серебряная чернильница - войскового писаря. Инсигнией "осаула" (есаула) являлся особый жезл. Перечисленные "члены правительств" вместе с кошевым как бы символизировали 4 стороны света, необходимую полноту - и, в конечном счете, рациональность орденской организации.

Кроме того, в Запорожском войске имелась "полковая старшина" (полковник, писарь и есаул) и войсковые служители - подбесаулий, добыш-литаврщик, поддобышый, канцеляристы, пушкарь (заведующий артиллерией и хранитель пороховых запасов; кроме того, в пушкарне содержались преступники), подпушкарный, гармаши (артиллерийская прислуга); толмачи-переводчики; шафар (от немецкого *schaffner* - наблюдавший за состоянием перевозов через Днепр и взиманием платы с пользующихся перевозами); контаржей (наблюдавший за мерами и весами и собиравший налог с торговцев)... В каждом курене имелся свой куренной отаман, заботившийся о провiantе, топливе, хранении одежды и денег и обладавший значительными административными правами в отношении казаков куреня.

Права запорожцев на владение перечисленными клейнодами - регалиями подтвержались монархами Речи Посполитой и соседних держав, а позднее - московскими Царями и российскими Императорами. Они почитались, как воинские святыни и хранились в войсковом храме Покрова Пресвятой Богородицы.

Сам факт, что Запорожский Кош, помимо общевоинских знамени и печати, располагал также куренными клейнодами, приравнивал его членов, по крайней мере, к кавалерам-баннеретам рыцарской иерархической пирамиды. Кстати, в Речи Посполитой термин "клейнод" означал также "герб", "патент на дворянское звание".

* * *

Положение вещей изменилось лишь в начале XVII века, при короле Сигизмунде III Вазе, фанатичном католике и выученике иезуитов - заклятых врагов не только Православия, но и Мальтийского Ордена! Они решили помочь папскому престолу (давно стремившемуся подчинить своему влиянию и казаков, и мальтийских рыцарей) окатоличить всё население Речи Посполитой - считавшейся дотоле, по сравнению с другими европейскими государствами, столь веротерпимой страной, что её даже прозвали "убежищем для еретиков". Ватикан думал использовать её огромные материальные и людские ресурсы в целях Контрреформации. Изменилось всё самым роковым образом - как для самой Речи Посполитой, так и для козачества в его традиционной форме существования.

50-тью годами ранее, кстати, провалилась такая же попытка Ватикана и иезуитов с помощью нескольких Лжедмитриев и многочисленных русских "воров" приковать к ватиканской колеснице Московскую Русь.

Остаётся добавить, что западные военно-монашеские Ордены, хоть и представляли собой жёсткие иерархические структуры (подобно Сичи - государство в государстве), были враждебны монархиям, на территориях которых располагались их владения. И в этом смысле разгром Запорожской Сечи Екатериной II имеет явные черты сходства с разгромом Ордена тамплиеров французским королем Филиппом Красивым.

Впрочем, судьба других духовно-рыцарских Орденов была, в конечном счёте, не многим лучше. Немецкий (Тевтонский) Орден рыцарей Пресвятой Девы Марии потерял большую часть владений в результате их секуляризации и превращения в светское герцогство Прусское последним Верховным Магистром в Пруссии Альбрехтом Гогенцоллерн-Ансбахом - а уцелевшие в Ливонии тевтонские рыцари со временем превратились в заурядных помещиков (т.н. "остзейское дворянство"). Уцелевший на территории "Священной Римской Империи германской нации" остаток Ордена со временем

превратился в династический Орден австрийских Габсбургов. Были секуляризованы и подчинены короне также все военно-монашеские Ордены Иберийского полуострова.

Единственное исключение - древнейший Орден рыцарей-госпитальеров Святого Иоанна Иерусалимского, продолжающий существовать в форме многочисленных рыцарских братств (оспаривающих друг у друга правопреемство от древнего странноприимного братства, основанного в Иерусалиме ещё до начала Крестовых походов). Но братства эти не имеют уже ни собственной территории, ни подлинного суверенитета, а католический т.н. "Суверенный рыцарский Орден госпитальеров Святого Иоанна Иерусалимского, Родоса и Мальты" с центром в Риме представляет собой всего лишь "карманный" Орден римских пап...

В. Акунов

От редакции. Помещая эту статью, мы прекрасно сознаём возможные нарекания читателей, привыкших видеть в запорожцах, начиная с изучения в школе "Тараса Бульбы", защитников "Святой Руси" - не только от мусульман, но даже в большей степени от католической экспансии. При огромном недостатке наших знаний по истории Европы и христианского мира вообще, все западные ордена воспринимаются как нечто однородное - что коварные иезуиты, что пресловутые масоны, что те же мальтийцы и другие военно-монашеские объединения (создававшиеся для защиты ценностей западно-христианского мира от всевозможных ересей)...

Начиная с монгольского периода, история России совершенно неоправданно рассматривается у нас в отрыве от истории общеевропейской (и, в советской школе особенно - в отрыве от истории христианства) - и оттого многие факты нашей исторической близости до сих пор воспринимаются с удивлением и даже недоверчиво. Хотя как раз для казачества, сформировавшегося на границе не только с мусульманским миром, но и двух областей единого некогда европейского мира, такая близость должна восприниматься как само собой разумеющаяся!..

В этом плане статья В. Акунова не просто указывает на духовно-рыцарскую составляющую служения и устройства запорожского "степного рыцарства", но и, что особо важно, восполняет пробелы наших знаний по его достаточно тесным связям с западным христианским миром. В конце-концов, не надо забывать об общем духовном источнике двух ветвей христианской Европы - Святом Евангелии. Более же близкие к нам по времени и, соответственно, более известные читателю "религиозные войны" Запорожья с Польшей, знаменитое "жид, ксендз, собака - вера однака!" - это уже более поздний период. И о нём автор пишет - но уже вскользь, как бы нехотя...

Понятна его любовь к теме, прирастающая из глубокого знания предмета. Лишний раз приятно убедиться, что наши далёкие предки были вовсе не "оравой голодранцев", а ясно и осознанно исповедовали совершенно определённые религиозные и этические принципы. Но вот только бросается в глаза, на наш взгляд, некая всё же идеализация - и самого мира Запорожья, и его военного устройства и духовной близости с западными монашескими орденами. Может, на деле всё было чуть проще? Схожие условия существования, необходимость противостоять в одно и то же время одному и тому же противнику, близость культуры - неизбежно, без особого на то умысла приводили к бросающейся в глаза схожести военной организации и общегития различных общин, вплоть до необходимости полувывужденного целомудрия воинов.

Хотя немало схожего с военным бытом и организацией Сичи можно даже, при желании, отыскать в разные периоды истории далеко за пределами Европы - скажем, в монастырях Китая с их братствами и школами боевых искусств, или в Америке у индейцев. Но то уже другая тема...

Г. К.

Казачий сотник Михайло Лермонтов

“Пускай историю страстей и дел моих хранят далёкие потомки...”

1841 года, 15 июля, вторник, 6 часов пополудни...

“Чистенький, новенький городок...”, “Где за Машуком день встаёт, а за крутым Бешту садится...”, *“Весело жить в такой земле...”*, *“Так бы и осталась здесь жить навеки...”*

У подножья Машука группа молодых офицеров. Корзина с шампанским. Прибыли весёлой компанией, будто не на дуэль, а на пикник. По дороге выпили и закусили в кофейне, пофлиртовали с хозяйкой. И участники дуэли, и все, кто о ней знал, относились к ней как к очередной рискованной забаве.

Но в минуту идиллическая картина становится зловещей. Машук окутан громяющими тучами, тяжёлые капли зашелестели по траве. И офицерам уже не до смеха. И оттого тоже, что шаги уже отмерены, противники у барьера - а “забава” не прекращается, будто перетекает в страшный сон. Мучительно хочется проснуться, остановить кошмар, но сбросить оцепенения невозможно. Один Лермонтов бодр и весел. Расслегнул мундир, на нём красная кубанская рубаха. Обращается то к одному, то к другому секунданту, дразнит противника насмешливым взглядом. Пистолет держит дулом вверх.

Мартынов держит противника на мушке. Выстрел!..

Выстрел этот оборвал, по выражению Достоевского, *“целую бездну гениальных творений”*. Пуля дуэльного “кухенройтера” убийственного калибра вошла в правый бок и вышла из груди, повредив левое плечо. Поэт умирал на холодной земле под проливным дождём, укрытый шинелью. Следственный протокол скупо доносит: *“На месте, где Лермонтов упал и лежал мёртвый, приметная кровь, из него истекающая...”*

В.Г.Белинский говорил, что книгам Лермонтова суждено выходить до тех пор, пока русские будут говорить русским языком. Удивительно отношение народа к Михайлу Юрьевичу. Иногда кажется, что в России его любят даже те, кто никогда не читал! Когда в 1980-е годы в СССР прошла “безлимитная” подписка, к удивлению организаторов, Лермонтов превзошёл даже Пушкина - свыше 15 миллионов экземпляров!

“Я ищу свободы и покоя!...” - занес он в походную тетрадь. Свобода и покой - чего ещё может желать человек, обладающий этими бесценными дарами?

Не дописаны последние стихи. Едва начал складываться замысел кавказской трилогии в прозе. Не сбылась и заветная мечта - издание своего литературного журнала.

Говорят, не везёт ему даже после смерти. Прах увезли через пол-России в Тарханы. Даты столетних юбилеев рождения и смерти совпали с началом мировых войн. И слова из метрики - *“ПОГРЕБЕНИЕ ЧЕТЬО НЕ БЫЛО”*.

Любимый поэт России по сей день остаётся самым таинственным русским классиком. Его жизнь овеяна зловещими слухами и легендами. За 165 лет не раскрыта главная тайна - его убийства. В.Захаров, автор летописи жизни и творчества Лермонтова, пишет: *“Тема “Лермонтов на Кавказе” нуждается в новых серьёзных публикациях, т.к. полностью никем еще не исследована и не обобщена”*.

Легенды возникают там, где власти скрывают правду. При Николае I самое имя поэта запрещалось упоминать в печати. В эпоху “гласности и перестройки” Александра II кинулись навёрстывать упущенное, но ушли из жизни свидетели, многие факты были навсегда утрачены. Удивительно, но светские враги поэта оказались живучей друзей! Из прямых участников дуэли дожили до того времени лишь два негодяя - Мартынов и князь Васильчиков. Они глали, а провергнуть их было некому. Именно с легкой руки недоброжелателей и возник образ Лермонтова как злого, неживучивого человека...

В советскую же эпоху вообще был отлит бронзовый памятник героя, “убитого царём руками наймита Мартынова”. Так вот и “проходили” Лермонтова в школе...

Мы расскажем здесь о яркой, но забытой странице жизни поэта на Кавказе. О той, что перепелась с такой же позабытой страницей истории казачества - летом-осенью 1840 г.

К казакам, в стремлении понять секрет Вольной Души, тянулись великие творцы земли Русской. Но в личном общении казаками поняты и приняты не были: казачество в свою Душу пускает не всякого... То, что не вышло ни у А.С.Пушкина, ни у Л.Н.Толстого, получилось у юного, невзрачного, по казачьим меркам, поручика. Называли они его с гордостью - *“наш сотник”*.

Дуэль с Барантом стала причиной второй ссылки на Кавказ. По дороге поручик Лермонтов заезжает в Новочеркасск - к наказному атаману Войска Донского Михайлу Григорьевичу Хомутову (в прошлом - командир поэта в лейб-гвардейском полку), гостит у него три дня.

В Ставрополе Михаил Юрьевич прикомандирован к отряду генерала Галафеева - на левом фланге Терской линии, в Чечне. Сначала Лермонтов был адъютантом генерала. Храбрость, хладнокровие, исполнительность и умение мгновенно оценить ситуацию и принять правильное решение - эти качества поручика отмечает генерал в дневнике экспедиции. Вот первое упоминание в журнале военных действий: *“...Лермонтова, с коими они переносили все мои приказания войскам в самом пылу сражения, в лесистом месте, заслуживают особенного внимания, ибо каждый куст, каждое дерево грозили всякому внезапной смертью”*.

В это время набирается особая сотня казаков - “охотников” (добровольцев, желающих *“кровью смыть свои прежние прегрешения”*). Пользуясь терминологией 20-го века - помесь спецназа и штрафбата. Если же учесть, что сотню отбирал “под себя” лихой командир, любимец всей Терской линии, один из самых колоритных персонажей Кавказской войны Руфин Дорохов (у Толстого в “Войне и мире” - прототип Долохова), становится понятно, почему с первых дней сотню именуют *“команда головорезов”*...

Дорохова, не раз разжалованного за проказы, дуэлянта, задиру, казаки обожали. Он был влюблён в горы и битвы. В одном из его писем признание: *“Завидую вам - вы опять увидите горы, опять услышите свист чеченских пуль и умрете, может быть, от острой иашки чеченца...”*

Но проверить набранную команду “в деле” Руфину не довелось. В первом же столкновении он был легко ранен в ногу. В одном из писем Дорохов пишет: *“В последнюю экспедицию я командовал летучею сотнею казаков... По силе моих ран я сдал моих удачных налётов Лермонтову. Славный малый - честная, прямая душа - не сносит ему головы. Мы с ним подружались и расстались со слезами на глазах. Какое-то чёрное предчувствие мне говорило, что он будет убит. Да что говорить - командовать летучею командою легко, но не машина. Жаль, очень жаль Лермонтова, он пылок и храбр, - не сносит ему головы...”*

Упоминаемый выше в этом же письме “Лёвушка” - младший брат А.С.Пушкина - тоже пишет об этом: *“Командую полком уже 2-й месяц... Казачьим Ставропольским, к которому я прикомандирован... Что тебе наврал Дорохов?... Опасения его насчёт Лермонтова, принявшего его командование, ни на чём не основано; командование самое пустое, вскоре уничтоженное, а учреждённое для предлога к представлению...”*

Два процитированных письма описывают назначение М.Ю.Лермонтова командиром Особой сотни. Авторы их возглавляли казачьи подразделения и были дружны с Лермонтовым. А.В.Дружинин писал, кстати: *“Дорохов был человеком умным, занимательным и вполне достойным заслужить привязанность такого лица, как Лермонтов”*. Ещё А.С.Пушкин встречался с Дороховым во Владикавказе, найдя в нём *“тму грации”*, *“много прелести в его товариществе”*. Руфин Дорохов писал стихи, продолжив романтическую лирику декабристов и Лермонтова.

Дружба Лермонтова с Львом Пушкиным, сложившаяся на Кавказе, знаменовала его живую связь с предшественником и учителем. Не будь даже Лев Сергеевич братом гения, он и сам представлял собой яркую

Казак-осетин

Казак на привале

личность. О гибели брата он узнал в начале 1837 года, служа в то время в составе Гребенского казачьего полка Кавказского Отдельного корпуса; рвался в Париж, чтобы вызвать на дуэль Дантеса...

Декабрист Н. Лорер, познакомившийся с Л. Пушкиным в Тамани в 1838 году, рассказывает в своей книге: *"Весь лагерь был в восторге от Льва Сергеевича Пушкина, и можно было быть уверенному, что где Пушкин, там и кружок, и весело. Всю экспедицию он сделал с одной кожаной подушкой, старой поношенной шинелью, парой платья на плечах и шапкой, которую никогда не снимал..."* Лев Пушкин оказался в ближайшем окружении Лермонтова и летом 1841 года в Пятигорске. Был он и в гостиниой Верзилиных, когда случилась ссора с Мартыновым - но, видимо, не знал о готовящейся дуэли. По словам очевидца, Л.С. Пушкин прибежал к Верзилиным после трагического поединка и закричал: *"Почему раньше меня никто не предупредил об их обострённом отношении, я бы помирил!"*

П.Т. Полеводин в те же дни писал: *"Пушкин Лев Сергеевич... весьма убит смертью Лермонтова, он был лучший его приятель. Пушкин уверяет, что эта дуэль... сделана против всех правил и чести"*.

В 1841 году Лев Сергеевич подал рапорт об отставке. Жил в Одессе, служил в таможне. Он не оставил мемуаров, и с его жизнью ушли многие бесценные детали той истории.

Но вернёмся немного назад, к назначению Лермонтова во главе казачьей сотни. Назначен он был именно потому, что проявил себя как храбрый и осмотрительный офицер, способный мгновенно и правильно реагировать на быстро меняющуюся в бою ситуацию.

Что же собой представляла сотня? Основу её составляли пластуны-кубанцы и гребенские казаки. Сохранилось описание сотни на привале: *"Между спутанными конями, нестройной группой лежали люди в самых разнообразных костюмах. Изобранные черкески порюю едва прикрывали наготу членов. Дорогие шемаханские щёлки рядом с рубищами, доказывали полное презрение владельцев к внешнему своему виду. Во многих замечалось богатое и отлично держанное оружие. Оправы шашек и кинжалов блестяли на ярком утреннем солнце... Лица, загорелые и смуглые, выражали бесшабашную удаль, носили общий отпечаток тревожной боевой жизни и ее закала. Тут были казаки, кабардинцы - люди всех племен и верований, встречающихся на Кавказе, были и такие, что и сами забыли, откуда родом, принадлежали они к конной команде охотников... Все они сделали войну ремеслом своим. Опасность, удальство, лишения и разгул стали их лозунгом"*.

Новый сотник казакам поначалу не глянулся - тщедушный, с прежним не сравнить. Присматривались. Оказалось, что поручик обладал боевыми качествами, особо казаками ценимыми. За хрупкой внешностью скрывалась недоужинная физическая сила. Ещё в юнкерской школе сживал Лермонтов под арестом за то, что на спор гнул... железные шомпола и вязал их, как верёвки. Был метким стрелком, о чём много свидетельств. В совершенстве владел холодным оружием. О том, что был он прекрасным наездником, говорили многие сослуживцы - и тот факт, что во время учёбы его часто посылали в ординарцы к Великому Князю Михаилу Павловичу. Находясь на Кавказе, он долго изучал горскую посадку: *"ничем нельзя так польстить моему самолюбию, как признавая моё искусство в верховой езде на кавказский лад"*. А вот какой он командир, ещё предстояло казакам узнать.

Только приглядываясь к казакам и он сам. Вот отрывок из его письма к А.А. Лопухину: *"Не знаю, что будет дальше, а пока судьба меня не очень обижает: я получил в наследство от Дорохова, которого ранили, отборную команду, состоящую из ста казаков - разный сброд, волонти-*

ры, татары и проч., это нечто в роде партизанского отряда..., я ими только четыре в деле командовал и не знаю ещё хорошенько, до какой степени они надежны; но так как, вероятно, мы будем ещё воевать целую зиму, то я успею их раскусить..."

Пластуны

В официальных донесениях при представлении Лермонтова к награде говорится: *"Ему была поручена конная команда из казаков охотников, которая, находясь всегда впереди отряда, первая встречала неприятеля и, выдерживая его натиски, часто обращала в бегство сильные партии"*.

Боевой и весьма умный генерал Павел Христофорович Граббе высоко ценил Лермонтова как дельного и храброго офицера. Характеристику

противоположного свойства даёт Лермонтову старший офицер генерального штаба барон Л.В. Росильён: *"Лермонтов был неприятный насмешливый человек и хотел казаться чем-то особенным, он хвастал своею храбростью, как будто на Кавказе, где все были храбры, можно было кого-либо удивить ею. Лермонтов собрал какую-то шайку грязных головорезов. Они не принавали огнестрельного оружия, врезались в неприятельские аулы, вели партизанскую войну и именовались громким именем Лермонтовский отряд. Когда я его видел... он был мне противен необычайною своею опрятностью. Он носил красную канаусовую рубашку, которая, кажется, никогда не стиралась... Гарцевал Лермонтов на белом коне, на котором, молодецки заломив белую холщевую шапку, бросался на чеченские завалы. Чистое молодечество! - ибо кто же кидался верхом?! Мы над ним за это смеялись..."*

Лермонтов на привале (стоит спиной), 1840 г., рис. из альбома П.А. Урусова

Офицеры штаба, ненавидевшие Лермонтова, раскрыли тайну перемены в отношениях казаков с командиром, вскоре признавших его: *"Он спит на земле, ест с шайкой из одного котла... Перед атакой снимает стуртук, несётся впереди лавы на белом коне в красной казачьей рубахе... Как снег на голову, сваливаются на аулы... Рыскают впереди отряда... Действуя исключительно холодным оружием, не давали никому пощады... Славятся дикой удалью..."* и т.д.

Лермонтов, разделяя жизнь своих подчинённых, ходил небритым, не позволяя себе излишних удобств. Барон ставил ему в вину, что он ел с казаками из одного котла, видя в этом желание пооригинальничать... За неполных четыре месяца Михаил Юрьевич трижды представлен к боевым орденам и золотому оружию "За храбрость". Описывая в поэме "Валерик" кровопролитное сражение - не о себе ли он говорит: *Верхом помчался на завалы Кто не успел спрыгнуть с коня... Начальство вскоре констатировало: "Невозможно было сделать выбор удачнее: всоуду поручик Лермонтов, везде первый подвергался выстрелам хищников и во всех делах оказывал самоотвержение и распорядительность, выше всякой похвалы"*.

Получив под командование дорховских казаков, Лермонтов часто действовал по собственной инициативе. Естественно, в таких условиях храбрость и смекалка были необходимостью, а не хвастовством.

Горцы были более маневренны в своих действиях. Поручик Лермонтов постарался соперничать с горцами в маневренности, нередко не желая следовать букве воинских параграфов.

Неслучайно в приведённом выше отзыве рядом с самоотвержением стоит распорядительность. Не бесшабашность, а именно серьёзная распорядительность, зоркость командира особенно нужны были, когда отряд отрывался от основных сил и должен был надеяться только на себя. Конечно, люди в нём были отборные, не раз проверенные в бою, но Лермонтов знал, что перемена командира - дело серьёзное, следовало узнать и понять каждого в отряде. Поэтому - чтобы привязать к себе людей, совершенно входя в их образ жизни - он и спал на

Казаки. Ф. Рубо

Горцы были более маневренны в своих действиях. Поручик Лермонтов постарался соперничать с горцами в маневренности, нередко не желая следовать букве воинских параграфов.

Неслучайно в приведённом выше отзыве рядом с самоотвержением стоит распорядительность. Не бесшабашность, а именно серьёзная распорядительность, зоркость командира особенно нужны были, когда отряд отрывался от основных сил и должен был надеяться только на себя. Конечно, люди в нём были отборные, не раз проверенные в бою, но Лермонтов знал, что перемена командира - дело серьёзное, следовало узнать и понять каждого в отряде. Поэтому - чтобы привязать к себе людей, совершенно входя в их образ жизни - он и спал на

голой земле, ел с ними из одного котла, разделял все трудности похода, не подчеркивал превосходства своего положения, чем возмущал офицеров-аристократов, ходил в красной рубашке, в расстегнутом сюртуке без эполет. Это не рисовка, а искреннее, естественное поведение - и мы вправе думать, что казаки понимали это.

“Во всю экспедицию в Малой Чечне (осенью 1840 г.) поручик Лермонтов командовал охотниками, выбранными из всей кавалерии, и командовал отлично во всех отношениях, всегда первый на коне и последний на отдыхе” - из заключения кавказского командования. В документе отмечается, что Лермонтов, *“действую повсюду с отличной храбростью и знанием военного дела... явил новый образец хладнокровного мужества”*.

Факты подтверждают сказанное. *“12 октября на фуражировке за Шали...”,* Лермонтов *“бросился с горстью людей на превосходного числом неприятеля и неоднократно отбивал его нападения на цепь наших стрелков и поражал неоднократно собственной рукой хищников”*.

Через три дня *“он с командой первый прошёл Шалинский лес, обращая на себя все усилия хищников, покушавшихся препятствовать нашему движению, и занял позицию в расстоянии ружейного выстрела от опушки. При переправе через Аргун он действовал отлично... и, пользуясь выстрелами наших орудий, внезапно кинулся на партию неприятеля, которая тотчас же уискакала...”*

“28 октября, при переходе через Гойтинский лес, он открыл первый завалы, которыми укреплялся неприятель и, перейдя тинистую речку, вправо от упомянутого завала, он выбил из леса значительное скопище... и гнал его в открытом месте и уничтожил большую часть”.

“30 октября... поручик Лермонтов явил новый опыт хладнокровного мужества, отрезав дорогу от леса сильной партией неприятельской... и только малая часть неприятеля уцелела, а остальная уничтожена”.

Лермонтов понимал косность многих армейских приёмов, бесполезных в условиях ведения войны в горах. Сам не стеснялся поучиться у своих казаков, перенять опыт и приёмы противника. Мы видим в его действиях разнообразие тактических приёмов, использованных инициативным и умелым командиром, в котором отвага сочетается с расчётом, пылкость с хладнокровием, решимость с наблюдательностью и смекалкой.

Но и горцам было чему поучиться у казаков! Казачьей лавы они не знали. Когда удавалось выманить джигитов на открытое пространство, казаки имели подавляющее преимущество. Частенько применяла Лермонтовская сотня и “вентеры” - старинный казачий способ заманить противника в ловушку, доведенный во времена Платова до совершенства, входивший в обязательную тактическую подготовку...

Если барон Россильон сообщает, что его казаки называют себя **“Лермонтовским отрядом”** - значит, новый сотник пришёлся по сердцу, казаки гордились им.

Что же касается упоминаемого применения холодного оружия, то это характерно не только для казаков Лермонтова. В “Валерике” описана рукопашная схватка, в деталях передающая действительное событие, зафиксированное в “Журнале военных действий”:

*Ура!- и смолкло. - Вон кинжалы,
В приклады! - и пошла резня.
И два часа в струях потока
Бой длился. Резались жестоко,
Как звери, молча, с грудью грудь...
Ручей телами заправили...*

И дело здесь не в “озверении”, а в вооружении. В 40-х годах русские части были вооружены гладкоствольными кремневыми ружьями - из которых стрелять далее, чем на сто шагов, было бесполезно. Зато английские винтовки горцев били вдвое дальше. В таких условиях отказ от

холодного оружия ставил отряд под угрозу гибели.

Случалось, во время стоянок какой-нибудь отважный мюрид вызывал русских на бой (этот род рыцарских поединков практиковался, несмотря на официальное запрещение). Из русских находились охотники

принимать вызов. Но в этих сшибках удались - говорит Лермонтов -

*Забавы много, толку мало;
Прохладным вечером бывало,
Мы любовались на них
Без кровожадного волнения,
Как на трагический балет...*

В таких “забавах” за несколько дней выбыло из строя более 20 человек!..

Офицер-артиллерист Константин Мамацев (Мамадашвили) вспоминал: “Я хорошо

помню Лермонтова и, как сейчас, вижу его перед собой, то в красной канаусовой рубашке, то в офицерском сюртуке без эполет, с откиннутым назад воротником и переброшенной через плечо черкесской шапкой, как обыкновенно рисуют его на портретах. Он был среднего роста, со смуглым или загорелым лицом и с большими карими глазами. Натуру его постичь было трудно. В кругу своих товарищей, гвардейских офицеров, участвовавших вместе с ним в экспедиции, он был всегда весел, любил острить, но его остроты часто переходили в мелкие и злые сарказмы и не доставлявшие особого удовольствия тем, на кого они были направлены... Он был отчаянно храбр, удивлял своей удалью даже старых кавказских джигитов, но это не было его признанием, и военный мундир он носил только потому, что тогда вся молодёжь лучших фамилий служила в гвардии. Даже в этом походе он никогда не подчинялся никакому режиму, и его команда, как блуждающая комета, бродила всюду, появляясь там, где ей вздумается. Но в бою она искала самых опасных мест...”

Мамацев оставил описание боя 27 октября в Автуриных лесах, где войскам пришлось проходить *“по узкой лесной тропе под адским перекрёстным огнём неприятеля”*. Во время боя *“Последний аръбергартний батальон, при котором находились орудия, слишком поспешно вышел из леса, и артиллерия осталась без прикрытия. Чеченцы разом изрубили боковую цепь и кинулись на пушки. В этот миг я увидел возле себя Лермонтова, который точно вырос с своею командой. И как он был хорош в красной шёлковой рубашке с косым расстегнутым воротом; рука сжимала рукоять кинжала. И он, и его охотники, как тигры, сторожили момент, чтобы кинуться на горцев, если б они добрались до орудий”*.

Из письма Лермонтова к Лопухину с описанием битвы при Валерике: *“У нас были каждый день дела, и одно довольно жаркое, которое продолжалось шесть часов сряду. Нас было всего 2000 пехоты, а их - до 6 тысяч; всё время дрались штыками. У нас убыло 30 офицеров и до 300 рядовых, а их 600 тел осталось на месте, - вообрази себе, что в овраге, ... час после дела еще пахло кровью... Я вошёл во вкус войны и уверен, что для человека, который привык к сильным ощущениям этого банка, мало найдется удовольствий, которые бы не показались бы приторными...”* Именно после этого сражения поэт пишет: *Я думал: жалкий человек.
Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом много места всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он - зачем?..*

В боевой обстановке, по свидетельству многих, Лермонтов был неузнаваем для привыкших видеть его в салонах и гостиных. Опасность делала его остроумным, разговорчивым, веселым.

Однажды вечером, во время стоянки он предложил Льву Пушкину, Глебову, Палену, Догорукву, декабристу Пушину, Баумгартену и другим пойти поужинать за черту

Кубанский казак

М. Ю. Лермонтов.
автопортрет, 1838 г.

Дело под Валериком 11 июля 1840 г.
литография Д. Россова

* * *

В боевой обстановке, по свидетельству многих, Лермонтов был неузнаваем для привыкших видеть его в салонах и гостиных. Опасность делала его остроумным, разговорчивым, веселым.

Однажды вечером, во время стоянки он предложил Льву Пушкину, Глебову, Палену, Догорукву, декабристу Пушину, Баумгартену и другим пойти поужинать за черту

лагеря. Это было небезопасно - неприятель выслеживал неосторожно удалявшихся от лагеря. Компания расположилась в ложбинке за холмом. Лермонтов, руководивший всем, уверял, что выставил для предосторожности часовых и указал на казака, чья фигура виднелась сквозь вечерний туман в некотором отдалении.

С предосторожностями был разведён огонь, причём особенно старались сделать его незаметным со стороны лагеря. Время провели весело, и только под утро, возвращаясь в лагерь, Лермонтов признался, что видневшийся часовой был... чучелом, прикрытым старой буркой! На упрёки друзей поэт отвечал, что казаки тоже должны отдыхать...

Эта сцена была описана несколькими офицерами. Скажите, вам она ничего не напоминает? Три мушкетёра и д'Артаньян, их завтрак в форте Сен-Жерве на виду у неприятеля, засевшего в Ла-Рошели?

Совпадает она даже в мелких деталях: друзьям надо побеседовать без посторонних ушей, они решают позатракать на "ничейной территории", в месте, только что отбитом у врага. Слуги с провизией, фигуры, имитирующие охрану - ощущение такое, что Лермонтов заставил друзей разыграть сценку, описанную Александром Дюма.

Вот только великий роман Дюма был написан через три года после описанных событий! Так что, скорее, это Дюма писал с поручика Михайлы Лермонтова своих героев. И это не просто наша догадка. Живший в Париже писатель заочно обожал русского поэта, переводил стихи Лермонтова на французский для своего журнала, перевёл и опубликовал в нём "Героя нашего времени", не зная, что он уже год как опубликован во Франции.

Въезд Дюма в Россию был запрещён Николаем I за роман о декабристах. Жадно ловил писатель каждую весточку о Лермонтове, считая его своим духовным братом. Именно Дюма одним из первых распознал в молодом поручике поэтического гения.

Историю о "пикнике под носом у Шамиля" могла передать Дюма знакомая с ним известная авантюристка и писательница Адель Гоммер-де Гель, оставившая в своих воспоминаниях рассказ о пребывании в августе 1840 года в Пятигорске в компании с Лермонтовым. Трудно сказать, была ли действительно знакома мадам Гоммер с поэтом, но не слышать той истории она не могла - о ней только и говорило "водяное" общество осенью 1840 года. А в начале августа 1840 года, во время работ по укреплению Герзель-аула, Лермонтов действительно получает разрешение побывать в Пятигорске...

Как только умер Николай I, Дюма помчался в Россию, испросив позволения побывать на Кавказе. Свои путешествия он описал в очерках и романах. Лермонтова Дюма действительно любил - как, впрочем, и "себя в Лермонтове". "Я первый познакомил Францию с гениальным человеком... Вы знаете Лермонтова, любезные читатели? После Пушкина это первый поэт России!.. Он поэт Кавказа, куда был сослан, там сражался, там писал, и, наконец, там же и убит..."

На пути в Тифлис Дюма всюду ищет следы Лермонтова. В Чир-Юрте встречается с однополчанами поэта. Офицеры подарили ему роскошную черкеску, папаху, кинжал и шашку. Он ходил в ночной секрет и потом не пожалел красок на описание своего участия в "опасной боевой операции". В станице Червлённой хочет видеть Авдотью Догадиху, слух о красоте которой дошёл и до Парижа. Живя рядом с нею в станице, Лермонтов написал "Казачью колыбельную песню". Авдотья уже умерла, и Дюма уверяет читателей, что она - та красавица казачка, которую Терек принёс в дар седому Каспию.

Вообще вокруг Лермонтова на Кавказе сложилось много изустных преданий, передававшихся из поколения в по-

коление в станицах на Тамани и Тереке. И хоть официальное лермонтоведение именует их не иначе как "неизвестные апокрифы", часть из них всё же рискнём упомянуть.

У Михаила Юрьевича была не раз упоминаемая в рассказах о нём красная рубашка. Сам он шутил - мол, на ней кровь не видна, свои не испугаются, враги не обрадуются. Казаки шептались про меж себя, что рубаха "заговорённая". В ней Лермонтов и вышел на барьер 27 июня... Между прочим, в описи имущества убиенного сотника значатся ещё 4 одинаковые красные рубахи (это ответ штабным о нечистоплотности). Как писал он сам с горечью близким, - больше не хочется воевать и убивать, и лучший выход для него получить отставку по ранению. Может, он действительно одевался так, чтоб быть удобной мишенью?..

Так вот, сохранилось до наших дней в чеченских аулах: в пылу боя он часто сбрасывал мундир. Старики рассказывали: они знали, что офицер в красной рубашке - русский поэт. Убить поэта у горцев считалось преступлением, и потому они будто бы не стреляли по красной рубахе. Пусть это лишь предание, но оно служит доказательством добрых отношений Лермонтова с горцами. Не надо забывать, в Лермонтовской сотне было не менее 20-ти горцев - черкесов, кабардинцев, чеченцев и других. Они сражались бок о бок с кубанскими и гребенскими казаками, готовые отдать жизнь "за други своя". Урок нынешним командирам.

Один из казаков сохранил верность своему сотнику дольше, чем "до последнего вздоха". Он оставил внукам трогательные в своей безыскусности воспоминания о Михаиле Юрьевиче. Выкупил землю у могилы поэта, завещал похоронить себя рядом с командиром... Может, для кого-то он тоже - "апокриф"; да вот только любой мальчишка в Пятигорске покажет его могилу, а терские казачата-кадеты приносят сегодня цветы поровну сотнику и линейцу...

* * *

Молодые офицеры, не только Дорохов и Лев Пушкин, но и многие другие, в письмах с Кавказа, что естественно, охотно писали о своих "подвигах". Все, кроме Лермонтова. Поэт ничего не рассказывает о своём участии в битве, описывая лишь подвиги окружающих солдат, казаков, офицеров.

"Мне тебе нечего много писать: жизнь наша здесь вне войны однообразна, а описывать экспедиции не велят, - сообщал он Лопухину. - Может быть, когда-нибудь я засяду у тебя у камина и расскажу тебе долгие труды, ночные схватки, утомительные перестрелки, все картины военной жизни, которых я был свидетелем..."

Разве что в "Герое нашего времени" Лермонтов позволяет себе коснуться чего-то личного, оценивая в образе Грушницкого ту храбрость, что приписывали самому поэту: "Грушницкий слывёт отличным храбрецом: я его видел в деле: он махает шашкой, кричит и бросается вперёд, зажмуря глаза. Это что-то не русская храбрость".

Про Вулича поэт говорит: "Он был храбр". И через несколько строк: "Он бросился вперёд, улеп за собою солдат, и до самого конца дела прехладнокровно перестреливался с чеченцами".

Лермонтов поднял в русской литературы значительную тему храбрости русского воина (продолженную Л.Н.Толстым в кавказских и Севастопольских рассказах, в эпопее "Война и мир"). В боевой обстановке Лермонтов-офицер сам явился олицетворением русской храбрости.

Описание поручика Лермонтова в походе дал один из его сослуживцев:

*Вот офицер прилёг на бурке
С учёной книгою в руках,
А сам мечтает о мазурке,
О Пятигорске и балах;*

Вид Бештау около Железноводска. рис. М.Лермонтова, 1837 г.

А. Дюма

Казак - линеец, худ. Г. Паули

Ему всё грезится блондинка,
В неё он по уши влюблён... - и т.д.

Стихи, не будь они посвящены великому поэту, и не сохранились бы. Но есть ещё причина, по которой они остались в истории. Написал их майор Н.С. Мартынов...

Отношения между ним и Лермонтовым сложились более чем приятельские. Во многих боевых операциях они сражались бок о бок - например, в бою за один аул, который Мартынов описал в поэме "Герзель-аул" - лучшем его произведении, ценном своей подробной описательностью.

Вероятно, он завидовал славе Лермонтова, пытался подражать. Сам же поэт часто и незлобно подтрунивал над Николаем Соломоновичем, стараясь не ранить его авторское самолюбие - в отличие от других офицеров отряда, для коих "опусы" Мартынова были предметом постоянных шуток...

М.Ю. Лермонтов

Подготовка к съёмкам велась несколько лет. Собраны по крупницам материалы из военных и гражданских архивов Москвы, Санкт-Петербурга, Тбилиси и других городов. Исследовалась переписка всех, кто мог иметь хоть малейшие сведения о поэте в период, интересующий съёмочную группу, казачьи предания. В том числе будет использована информация, не только никогда не публиковавшаяся в открытой печати, но и неизвестная специалистам.

В фильме будет рассказано о ратном труде отборной сотни особых поручений и её командиру. Мы намерены пройти весь боевой путь "Лермонтовской сотни" - многие события "в бою и на привале" подробно описаны в донесениях и письмах. Хотелось бы с помощью актёров и каскадёров провести реконструкцию подлинных событий, включая поединки, которые

устроивали казаки и горцы.

Значительная часть фильма будет посвящена реконструкции событий, предшествующих дуэли, самому поединку и суду над Мартыновым и секундантами. Съёмки запланированы там, где они и происходили - в интерьерах музея-заповедника Лермонтова и на месте дуэли в Пятигорске.

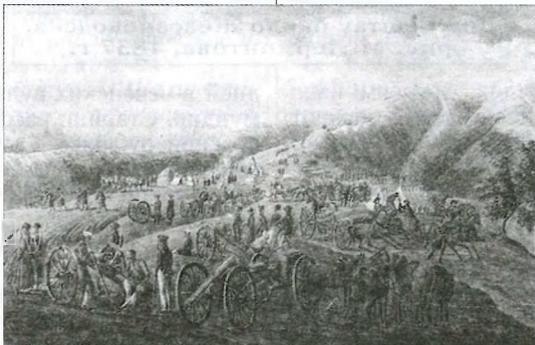
И, конечно, самое главное - мы намерены пролить свет на тайну гибели поэта. Её разгадкой занимался во второй половине 20 века учёный-лермонтовед, кубанский казак по происхождению Леонид

Польский (о 100-летию которого "Станица" рассказывает тоже в этом номере).

А. Скуратов

Впрочем, здесь мы уже касаемся темы дуэли и её страшной тайны, раскрытой одним из наших недавних современников - лермонтоведов. О ней мы обязательно хотели бы рассказать - но как-нибудь в другой раз. А ещё лучше - представить её в фильме, который очень хотелось бы снять. В фильме про казачьего сотника Лермонтова.

Собственно говоря, и вся эта статья основана на сценарии задуманного съёмочной группой (которой и принадлежат все права на использование материала) цикла фильмов "Слава Богу, мы казаки" двухсерийного фильма "Казачий сотник Михайло Лермонтов".

Экспедиция. И. Мейер, 1840-е годы.

Геройский подвиг уральцев

Дело под Иканом 4, 5 и 6 декабря 1864 года

составил Михаил Хорошкин ; типография Уральского казачьего войска (1895 г.)

Летом 1864 года небольшой отряд наш выступил с бывшей Сыр-Дарьинской линии вверх по Сыр-Дарье и 12 июня принудил коканцев сдать город Туркестан, имевший среди населения Средней Азии значение по своим святыням. Это был первый город, занятый нашими войсками в Средней Азии.

Несколькими днями ранее другой отряд со стороны Семиреченского края занял коканскую крепость Аулифата. Затем из обоих отрядов был составлен один, который и направился к укрепленному коканскому городу Чемкенту. Взяв его после непродолжительной осады штурмом, отряд продолжал наступление к Ташкенту.

На усиление этого передового отряда из форта Перовского, главного укрепления тогдашней Сыр-Дарьинской линии, была послана Уральская казачья сотня под начальством есаула Серова. Казаки получили драгунские нарезные ружья, заряжающиеся с дула, со штыками. 1-го декабря Серов вступил в город Туркестан.

Передавали, что тогдашний правитель коканского ханства Алимкул покинул Ташкент и отправился в ханство с собранным войском усмирять какое-то волнение; народ в занятых нами местах относился к нам крайне недоверчиво и всё чего-то ждал...

После полудня 4 декабря передовые части Алимкула дошли до Икана - селения, отстоящего от Туркестана верстах в 20-ти. В ночь, вероятно, подтянулись остальные - и, быть может, 5-го утром коканцы появились бы пред городом, где их никто не ожидал. Но случилось иначе.

Для осмотра местности и истребления шайки, силы которой определяли от 100 до 400 человек, командант Туркестана 4 декабря послал сотню Серова, в которой было всего 2 обер-офицера, 5 урядников, 98 казаков. Кроме того, сотне были приданы 4 артиллериста, фельдшер, фурштат и три киргиза верблюдовожатых; при отряде был горный единорог; казаки имели двойной комплект патронов; на единорог отпущено 42 ярада.

Выступив после полудня, сотня, выслав разъезды, шла с большими предосторожностями. Оно и понятно: как бы в подтверждение слухов, на пути встретились киргизы из числа бывших на постах между Туркестаном и Чемкентом и благополучно ушедших от коканцев - некоторые из них были ранены. Из слов их было ясно, что за Иканом есть неприятель, но сколько - неизвестно. Есаул Серов донёс коменданту, что узнал и, получив подтверждение приказания, продолжал движение.

Стало уже темно, когда сотня подходила к Икану, лежащему на высоком месте. Место было ровное, покрытое кое-где саксаулом. Движение сотни, конечно, было давно замечено коканцами, а уральцы, подходя к Икану, заметили огни около него. Серов остановился, послав вожака-киргиза узнать, что это за огни. Киргиз Ахмет сейчас же вернулся и сообщил, что "неприятеля так же много, как камыша в озере".

Получив подтверждение о значительных силах, есаул Серов отошёл несколько назад и остановился у замеченной ранее небольшой канавки. Казаки быстро спешились, успев оградить себя завалом из мешков с провиантом и фуражом, сбатовали коней и поместили их в середине круга, а сами залегли за мешками. Между тем конные толпы коканцев двинулись от Икана прямо и несколько в обход, первоначально тихо ("тихим молчанием"), а затем, близко подойдя, и вскач, с криками.

Уральцы встретили натиск частым ружейным огнем и картечью единорога. Ошеломлённый отпором, потеряв сразу много убитыми и ранеными, неприятель отхлынул назад. Но затем с новою яростью, с криками "Алла", коканцы ринулись на горсть храбрецов. Опять дружный огонь казаков и картечь охладил пыл нападающих...

Вероятно, коканцы понесли потери довольно значительные, потому что перестали нападать и, отойдя недалеко, остановились на ночь, разведя костры. Можно было и стрелять, но казаки берегли каждую пулю.

Об отступлении ночью нечего и думать. Казаки продолжали укрепляться, ограждаясь мешками и телами убитых лошадей. Между тем коканцы открыли огонь из орудий и фальконетов (небольшие пушки, менее горных единорогов). Гранаты и ядра довольно близко ложились и били лошадей, но, к счастью, не задевали людей. Об отдыхе и думать было нечего: пользуясь темнотой, коканцы старались подползать незаметно, чтобы с близкого расстояния броситься на казаков. Но тонкий слух и острое зрение - природные качества казаков - позволяли им вглядываться в окружающую темноту, чутко прислушиваться ко всякому шороху, и каждая попытка коканцев оканчивалась полной неудачей.

Долго тянулась ночь среди оружейной и ружейной пальбы, среди напряжённого внимания, но духом никто не падал. В числе казаков были люди бывалые, многие более 15 лет на службе, были и под Севастополем, имели знаки отличия военного ордена. Благодаря спокойствию, распорядительности командира и офицера, ободрению старослуживых, не унывали и новички, рассчитывая на своё превосходство над противником, как бы он ни был многочислен...

К сожалению, после 8-го выстрела колесо единорога сломалось. Сняли колеса с передка и кое-как их приладили, однако в этом положении единорог принёс немного пользы - приходилось его на спинах перетаскивать с места на место.

Наступившее утро доставило одно облегчение: противник не мог уже напасть внезапно. Но зато днём трудно было скрыть свою малочисленность и беречься от коканских пуль.

Казаки берегли пули и стреляли по отдельным смельчакам, которые иногда небольшими партиями подсакивали к отряду сажен на 100; по оружейной прислуге, заставляя не раз менять места орудий; по начальникам, насколько их можно было заметить по расшитым халатам и чалмам. Удалось подбить лошадь под самим Алимкулом.

Огонь противника, особенно артиллерийский (пушек у него было три), всё усиливался; из единорога же с нашей стороны, как для бережения снарядов, так и по случаю порчи его - не стреляли. Так тянулся один час за другим. В отряде стали оказываться убитые и раненые; многие верблюды и кони были перебиты...

Но вот движение среди неприятеля как бы усилилось. Издалека, от города, донёсся отдалённый гул оружейного выстрела... Идёт ли выручка, или же это стрельба со стен Туркестана по подступившим коканцам?.. Опять выстрел, и как будто слышнее - видно, свои идут на помощь... Казаки с жадностью ловили звуки со стороны города. Выстрелы ближе... ясно, что это идёт выручка!..

В два часа пополудни выстрелы слышались уже близко. Все ждали, что вот-вот из-за пригорка покажутся знакомые штыки. Но стрельба стала затихать, будто даже и отдалиться, и затем затихла. Значит, выручка не дошла.

Тяжело отозвалось всё это на людях, но духом они не упали, решив дорого продать свою жизнь, живым в руки на поругание басурману не даваться. А кичливый Алимкул плёт записку: *"Куда теперь уйдёшь от меня? Отряд, высланный из Азрета (так называется Туркестан у коканцев) разбит и прогнан назад; из тысячи твоего отряда (видно, Алимкул одного казака считал за десятерых; да как иначе и считать-то таких молодцов?) не останется ни одного. Сдайся и прими нашу веру; никого не обижусь..."*

Что же делалось в Туркестане?

Несколько часов спустя по отправке сотни стало выясняться, что казаки могут натолкнуться на значительные силы коканцев. Послали приказание Серову - в случае встречи со значительными силами остановиться в разрушенной крепости Тышанак, верстах в 10-ти от Туркестана, и наблюдать за движением неприятеля. Но было уже поздно: посланный не доехал, а часов в 5 пополудни в Туркестане услышали отдалённый оружейный гул, исходивший с одного места и не умолкавший всю ночь, что указывало, что сотня стоит и отбивается.

Командант был в затруднении: у него оставалось всего 2,5 роты, несколько орудий, да и вполне положиться на жителей, лишь полгода назад покорённых, было трудно.

В 11 часов утра следующего дня, 5 декабря, из города выступил отряд из 152 человек пехоты и 8 казаков, с двумя лёгкими орудиями. Начальнику его приказано было помочь сотне - *"с тем, что ежели отряд этот встретит огромные силы неприятеля и усиленную преграду для соединения с сотней и увидит движение неприятеля к Туркестану, то, не выручая сотни, следовать ему обратно"*.

Отойдя версты четыре, отряд стал замечать конные партии, а ещё далее - огромные толпы наступавших коканцев. Завязалась перестрелка, которую и слышали в сотне Серова. Коканцы, окружая высланный отряд, тянулись к городу, в виду которого, часам к 3-м, и появились. Отряд между тем подвигался вперёд, прошёл крепость Тышанак. До храброй сотни Серова оставалось каких-нибудь версты три или четыре. Но неприятель ожесточённо напирал, окружая наступающий отряд; подходили новые его подкрепления.

Встретив массы коканцев, начальник отряда начал отходить. В город отряд вернулся уже вечером, в 6 часов. Ударили тревогу. В отдалённых садах появился неприятель, и трубные звуки его слышались даже в цитадели, куда съезжены были все семейства; на стенах города всю ночь стояли дежурные части. А вдали, в стороне Икана, всё не прерывался гул выстрелов. Каждый понимал, в чём дело, и сознавал, что для героев есть предел...

* * *

Но вернёмся к сотне.

Получив отказ сдаться, Алимкул решил сломить упорство казаков. Из сотни заметили движение у неприятеля: подвозили на арбах и телегах камыш и хворост. Казаки стали догадываться, что коканец хочет "идти подкатом", прикрываясь арбами...

Наступившая темнота, закрыв неприятельский стан, снова заставила казаков напряжённо вглядываться. Неприятель мог броситься на штурм и задавить своим многолюдством. Невесёлые думы передумывали уральцы за своими завалами... Казаки уже два дня не ели и не шили, а об отдыхе, тем более сне, и думать было нечего, да и патроны приходили к концу...

Есаул Серов решил послать вести о себе в город. Казаки Андрей Борисов, Павел Мизинов и Варфоломей Коновалов вызвались на это трудное дело. Мизинову, как слабому здоровьем, отказали. Двое остальных, с киргизом Ахметом, живо снарядились: надели поверх полушубков ружья, офицеры дали им револьверы. Они тронулись верхами и пропали в темноте. Но, наткнувшись на коканский пикет и дав по нему выстрел, скоро вернулись в сотню. Это их, однако, не охладило: опять Борисов и Ахмет, с новым спутником, казаком Акимом Черновым, пустились в другую сторону - на этот раз удачно.

Коканцы расположились преимущественно к югу от сотни; кругом были расставлены посты, ходили разъезды, огни горели всюду - и это помогло смельчакам пробраться между группами неприятеля, не предполагавшего такой смелости... В 9 часов вечера появились они под стенами Туркестана.

К утру 6-го числа коканцы отошли от города к Икану, и в час дня послана была вторично выручка: 207 человек пехоты и 10 казаков с двумя орудиями.

Между тем положение сотни становилось всё тяжелее. Томила неизвестность исхода попытки дать о себе весть в крепость. Никаких признаков, что посланные попались - значит, через первую линию прошли. Но удастся ли пробраться в Туркестан?..

Стало светать, начал обрисовываться лагерь противника, а вместе с тем казаки заметили арбы с наделанными на них щитами из хвороста и камыша. Огромные связки хвороста в виде больших валов, чтобы удобнее их накатывать, были заготовлены в разных местах. Действительно, "подкатом" задумали идти коканцы - у них насчитывалось до 16 подвижных щитов и арб. Халат не спасал коканца от казачьей пули, а за арбою и за щитом было безопасно...

Но казаки не теряли надежды на выручку, и есаул Серов решил вступить в переговоры, чтобы оттянуть начало, быть может, последнего боя.

Командир сотни вышел вперед и махнул рукой. Вышел коканец с оружием в руках, которое по настоянию положил. Серов требовал Алимкула, чтобы говорить с ним; коканец предлагал самому идти к нему, говоря, что

он властитель; предлагались самые выгодные условия для сдачи, обещалась награда... Между тем казаки заметили, что коканцы стали надвигать щиты, а под Серова со стороны подкрадывались трое коканцев. *“Ваше Благородие, уходите скорее! сейчас стрелять будем!”* - закричали казаки и открыли огонь...

С 7-ми часов утра вновь закипел бой. Ожесточённый неприятель стрелял часто, постепенно подходя к казакам с трёх сторон. К часу дня все лошади в отряде были перебиты, 37 человек убито, много переранено. Четыре отчаянных попытки коканцев броситься в рукопашную были отбиты...

Не видя поддержки и не находя сил сдерживать противника, храбрецы решаются на отчаянную попытку - пробиться к городу или пасть в открытом бою. Нельзя медлить - зимний день короток, а до города вёрст 16; пройти их надо засветло, пока можно сдерживать коканцев ружейным огнём.

Коканцы были ошеломлены, когда горсть героев, заклепав орудие, переломав ненужные ружья, с криками *“ура”* выскочила из-за завалов. Но они скоро увидели, что вместо сотен людей, которых они насчитывали у русских, на самом деле оказались лишь десятки... С дикими криками ринулся противник за кучкой храбрецов. Сначала отступали тесной толпой, потом увидели, что так неудобно, друг другу мешали стрелять. Сам собою образовался строй в виде лавы, но в три шеренги.

Чем далее шли, тем более строй этот редел и растягивался в длину. Однако метким огнем казаки сдерживали массу коканцев в значительной дали. Тогда неприятельские всадники, сажая на крупы лошадей сарбазов (пешие стрелки), заскакивали вперёд, ссаживали их, и последние со всех сторон начинали расстреливать уральцев.

Одиночные неприятельские латники и кольчужники врываются иногда в самую средину казаков, за что некоторые и платили головой; но другие, благодаря доспехам, ускользали, успев поранить несколько казаков. Менее решительные метали пИки и копья, нанося случайный вред отступавшим. Так, когда казак П. Мизинов наклонился поднять упавший шомпол, брошенная пика насквозь пробилла ему левое плечо, пригвоздив к земле; однако он всё-таки вскочил и добежал до товарищей, которые и выдернули пику у него из плеча.

Когда кто-либо, истекая кровью и лишаясь последних сил, падал на землю, как хищные звери, с неистовыми криками отделялись из толпы конные всадники и бросались на беспомощную жертву... Всякий спешил отрезать голову, чтобы скорее представить начальству доказательство своей храбрости. И казаки *“награждали”* коканцев за их усердие: не один из таких *“героев”* рядом со своим трофеем слагал и свою голову, поражённый выстрелом уральца, хотя и ослабевшего... Потом, уже вне выстрелов казачьих, коканцы свободно надругались над обезглавленными трупами.

Всякий поймет, какое тяжёлое чувство испытывал каждый, видя поругание над своими товарищами и сознавая, что вот-вот и он будет брошен, так как нести раненых не было никакой возможности. Всякий шёл, пока были силы...

Так продолжалось отступление. Прошёл час, другой. Бойцов становилось всё меньше и меньше. Чем далее, тем больше раненых - многие получили по две, по три раны, многих вели под руки, другие же придерживались за товарищей. Про голод и жажду, про усталость от бессонных ночей забыли: была одна забота - идти вперёд и как можно дороже продать свою жизнь. Движение всё более замедлялось - нельзя было двигаться скорее, многие еле передвигали ноги. Отступая три часа, казаки отошли

всего 8 вёрст. Впереди ещё нужно пройти более 8 вёрст, а короткий зимний день шёл к концу... Кровавый след, поломанные ружья да трупы обозначали путь уральцев.

Одною из жертв был сотник Абрамичев. Первая пуля попала в висок, - он шёл под руку; вторая ударила в бок, - он продолжал идти, пока пули разом не хватили в обе ноги,

и он упал. *“Рубите скорее голову, не могу идти”*, - были его последние слова. Погубило его то, что он не хотел снять офицерское пальто и папаху, обращавшие на себя внимание коканцев. Когда он упал совсем, сражённый последними пулями, то проходившие мимо него Серов и казаки пристылись с ним, как с мёртвым, говоря: *“прости нас, Христа ради”*. *“Не отошли мы, - рассказывал иканец, - и 15 шагов, как коканцы тучей надели на сотника Абрамичева и дорезали его, уже мёртвого, у нас на глазах”*. Через

Остатки иканцев, собранные на 25-летия боя. В центре - командир сотни В.Р. Серов

две минуты в его офицерском пальто скакал какой-то коканец. После, собирая растерзанные трупы, едва узнали его по окровавленному клочку кармана.

Начинало уже темнеть, было около 4 часов пополудни; всякий напрягал последние силы... Но вот послышалась ружейная стрельба; толпы коканцев со стороны города отхлынули в разные стороны - на пригорке, в полуверсте, показались бегущие навстречу солдаты!..

Начали считать оставшихся: из двух офицеров - один убит, другой - командир сотни - ранен в верхнюю часть груди и контужен в голову; пальто было прострелено в 8 местах; из 5 урядников - 4 убито, а 1 ранен; из 98 казаков - 50 убито, 36 ранено, 4 артиллериста ранены, фельдшер, фурштат и вожак из киргиз - убиты; некоторые имели по 5 и 6 ран. Помощь подошла вовремя: казаки так ослабли, что не могли уже идти и их повезли в крепость на высланных подводах, в лазарет - откуда, однако, не все вышли здоровыми, многих похоронили вскоре.

“Не нахожу слов, - доносит в рапорте 8 декабря 1864 г. есаул Серов коменданту Туркестана, - чтобы вполне передать все молодецкие подвиги своих лихих удальцов товарищей и верных слуг Государя. Не было ни одного, который чем-либо не заявил себя. Эта горсть храбрых защитников, во время отступления между тысячей неприятеля, не смотря на сильный холод, вся измученная и израненная, побросала с себя последнюю одежду и шла в одних рубашках, с ружьём в руках, обливая кровью путь свой”.

Неприятель на другой день удалился. На 4-й день выслан был отряд собрать трупы павших героев: все они были без голов, изуродованные. 10-го числа вырыли общую могилу, накрыли холстом, отслужили панихиду и насыпали над могилою холм.

Государь Император щедро наградил участников боя: есаул Серов получил чин, орден св. Георгия 4-й степени, урядник Александр Железнов произведён в хорунжие, казаку Павлу Мизинову возвращён чин сотника, и все вообще, оставшиеся в живых, получили знаки отличия Военного Ордена. Вот список их:

Командир сотни - есаул Василий Родионович Серов; сотник Павел Абрамичев (убит).

Урядники: Панфил Зарпиков, Давид Криков, Пахом Мишалов, Ерофей Филиппов (убиты), Александр Железнов.

Казаки:

Убиты: Тит Овчинников, Климентий Бакин, Николай Мазанов, Антон Болдырев, Сидор Ковалев, Ермолай Васильев, Фома Темнов, Никон Лоскутов, Фёдор Шапошников, Ананий Парфенов, Макей Арчашников, Куприян Калмыков, Гавриил Жидков, Иван Сыщиков, Климентий Тюнин, Максим Сыщиков, Авдий Камцев, Павел Герасимов, Захар Зузанов, Яков Овчинников, Андрей Романов, Прокофий Романов, Иван Павлов,

Памятник на Братской могиле героев-иканцев

Иолий Рудометов, Евсигний Дорофеев, Никита Пономарёв, Евстафий Пономарёв, Осип Марков, Ераст Стариценков, Семен Михеев, Ларион Ларин, Дорофей Портнов, Афанасий Землянушов, Варфоломей Коновалов, Тарас Парфенов, Иван Аронов, Дмитрий Киреев, Осип Болдырев, Иван Петров, Семен Волков, Григорий Волков, Григорий Божедомов, Самоил Мазанов, Иван Панов, Евлампий Гордеев, Иван Рыгин, Иван Тяпухин, Иван Фолимонов, Евил Болдырев, Александр Тумин;

Умерли от ран после дела: Насыр Фаткуллин, Платон Добрынин, Иван Коптелов, Савелий Ярочкин, Елистрат Корчагин, Григорий Азовсков, Михаил Бахин, Сидор Максин, Терентий Толкачев, Ермолай Чесноков, Алексей Логинов.

Остались в живых: Андрей Борисов, Аким Чернов, Павел Мизинов, Матвей Мостовщиков, Евстифий Синицын, Филипп Каймашиников, Зиновий Скачков, Евграф Агафонов, Михаил Бакиров, Филипп Шарков, Понкрат Скоробогатов, Евстифий Соболев, Викул Хамин, Гавриил Подлипалин, Алексей Чиров, Фёдор Парфенов, Михаил Прикашиков, Василий Герасимов, Фёдор Кирилин, Иван Агафонов, Венедикт Панькин, Никита Потапов, Ананий Зевакин, Евстигней Ворожейкин, Федул Мирошнин, Александр Портнов, Василий Казанцев, Иван Кокорев, Емельян Голубов, Савин Горин, Харитон Сластин, Артемий Кочемасов, Василий Парфенов, Шаргай Токмаев, Василий Рязанов, Кузьма Бизянов, Алексей Орлов.

Артиллеристы Грехов, Огнивов (все ранены); фельдшер Бинднер - убит; фуришат Барбанников - убит; почтарь кара-киргиз Ахмет.

Когда оставшиеся в живых казаки возвращались на родину, в Оренбурге Командующий войсками округа генерал-адъютант Крыжановский устроил им обед.

В 1865 году в числе казаков, отправленных с рыбою и икрой к Высочайшему Двору, было трое из иканцев: урядники Борисов, Чернов и казак Агафонов. Августейший Атаман всех казачьих войск расспрашивал их про дело. Наследник Цесаревич изъявил желание, чтобы они были представлены Государю Императору, и прибывший с командою есаул С.С.Хорошхин и трое нижних чинов были представлены Государю.

Его Величество, поздоровавшись с уральцами, изволил спросить, знают ли они, что доставшееся неприятелю в деле под Иканом орудие взято впоследствии обратно, в числе прочих, в Ташкенте? После других вопросов Государь соизволил пожаловать урядникам Борисову - серебряный темляк, Чернову - серебряную медаль для ношения на шее на Георгиевской ленте, казака Агафопова произвел в урядники, и всех троих перевел в Уральский гвардейский дивизион.

Почти 20 лет спустя Иканский бой вспомнился снова: в 1884 году летом поставлен был памятник на поле битвы. Постройка выполнена бывшим туркестанским воинским начальником подполковником Головиным на добровольные пожертвования. Памятник из кирпича, в виде четырёхсторонней колонны, высотой около 5,5 аршин; на вершине её водружён чугунный крест, а внизу чугунная доска с надписью: "Памяти воинов, павших под Иканом в 1864 году". В 1885 году памятник был окружён в виде ограды 8 орудиями, связанными артиллерийскими тормозными цепями.

В Высочайшей грамоте, данной на Георгиевское знамя, пожалованное Уральскому войску 6 мая 1884 г., значится: "При завоевании же Туркестанского края и водворении в нем порядка, оно, с самых первых шагов туда наших войск, несло непрерывные труды и ознаменовало себя в многочисленных боях, в особенности же в 1864 г. в деле против коканцев под Иканом, подвигами отваги и мужества".

В приказе по Военному Ведомству 7 октября 1884 г. объявлено: "В ознаменование особого Монаршего благоволения к подвигам мужества и храбрости, оказанным находившемуся в 1864 году, в составе гарнизона города Туркестана, уральского казачьего сотнею в деле против коканцев 4, 5 и 6 декабря 1864 г. под Иканом и для увековечения этого блестящего дела в памяти уральских казаков, Государь Император Всемилостивейше жалует 4-й сотне Уральского каза-

чьего № 2 полка знаки отличия на головные уборы с надписью: "за дело под Иканом 4, 5 и 6 декабря 1864 года".

Кроме того, память о бое под Иканом увековечена следующими памятниками: 1) в церкви г. Туркестана помещена чугунная плита с именами казаков, павших под Иканом; 2) на старом кладбище Туркестана в братской могиле похоронены убитые под Иканом, могила обнесена кирпичной оградой, на которой находится железная доска с соответствующей надписью, а внутри находятся 3 креста, поставленные казаками; 3) ежегодно 6 декабря совершается в церкви Туркестана торжественная панихида по убитым; 4) Уральское войсковое общество положило в 1874 году образовать в Уральской войсковой мужской гимназии, ныне войсковом реальном училище, стипендию в память подвига под Иканом, на проценты с которой содержатся дети или близкие родственники иканцев;

Образ святителя
Николая из храма
в Уральске

дети на стипендию собраны в среде войскового сословия; 5) одна из войсковых народных школ (в Коловёртном посёлке Бударинской станицы) названа Иканской - её открытие совпало с чествованием 25-летия Иканского дела в 1889 году; 6) одна из площадей Уральска и разведённый на ней парк носят названия "Иканская площадь" и "Иканский бульвар".

Наконец, осуществилась мысль о сооружении иконы Святителя Николая Чудотворца Мирликийского, под покровом которого казаки отступали 6 декабря 1864 года. Икона, написанная в византийском стиле академиком Васильевым, помещена в дубовый киот, по виду своему напоминающий памятник на поле битвы и имеющий наверху высеребрённый крест с образом Архистратига Михаила. Под крестом находится бронзовая крестообразная доска с текстом из Евангелия Иоанна: "Больше сея любви никто же имеет, да кто душу свою положит за други своя". Ниже доски помещена икона Святителя Николая, перед которой висит серебряная вызолоченная лампада. Ещё ниже последовательно помещены небольшая бронзовая дощечка с надписью, на какие средства сооружена икона, затем высеребрённый знак на головной убор, в значительно увеличенном размере, Всемилостивейше пожалованный 4-й сотне 2 полка с надписью: "За дело под Иканом 4, 5 и 6 декабря 1864 г.", а под ним увеличенного размера высеребрённый знак отличия Военного Ордена на Георгиевской ленте. Затем на цоколе бронзовая доска с именами всех чинов сотни, с разделением на группы: остались в живых, убиты, умерли от ран. Киот высотой до 5,5 аршин помещён в старейшем храме войска - Войсковом Соборе во имя Михаила Архангела, в боковом приделе Свят. Николая Чудотворца. Освящение Иконы было произведено в мае 1893 года, в присутствии иканцев, живущих вблизи Уральска.

Чествование 25-летия славного боя под Иканом было в Уральске 5 и 6 декабря 1889 года. В первый день была отслужена торжественная панихида по убитым, после чего в войсковом театре войскам и воспитанникам учебных заведений было прочитано описание дела под Иканом. На следующий день был парад с отданием воинской чести иканским героям, построением впереди фронта войск лицом к ним, после чего войска прошли мимо них церемониальным маршем. После парада в зале войскового собрания был дан обед, а вечером в театре - спектакль. К 25-летию Иканского боя Его Императорским Высочеством Наследником Цесаревичем Николаем Александровичем были назначены денежные награды оставшимся в живых участникам боя...

В тысячелетней жизни нашего Отечества немного найдется примеров таких быстрых и обширных завоеваний, совершённых в столь короткий срок. Геройский подвиг под Иканом, составляя украшение всей нашей армии, добыт кровью одних уральцев - в этом значение его для каждого уральского казака. В трехсотлетней службе Престолу и Отечеству Уральского войска он займёт одно из самых видных мест и будет служить украшением боевой летописи войска.

Хвала и честь вам, иканские богатыри, честно порабатывавшие на славу и величие Отечества и родного войска!

М.Хорошхин

Забывтый Атаман?..

К написанию статьи меня подтолкнули печатные сообщения о неизвестном современникам **наказном атамане Терского Казачьего Войска - эмире Бухарском**. Был ли он действительно казачьим атаманом? Сведения об этом нашлись лишь в немногих источниках. Однако же эмир совершенно точно был **шефом казачьего полка**, названного его именем - а это уже стоит того, чтобы о человеке иметь хотя бы некоторое представление. Мы помним порой о недостойных личностях нашей истории куда более, чем нужно, а тут такая роскошная тема!..

В 1868 году Его Величество эмир - бадевет (т.е. "благоденствующий") Сеид-Мозафар объявил себя в покорности Белому Царю. Боевые бессмертные подвиги наших "белых рубашек" и казаков в Туркестане - особая тема. Но были и более ранние дела.

"Как пример безумно смелых набегов казаков, может служить поход, который предприняли в 1605 году яицкие казаки, в количестве всего 1000 человек, на Бухару. Преодолевая страшные трудности, они, наконец, добрались до Бухары, взяли столицу приступом, и имели богатую добычу" (В. Миткевич, "Казаки и их тактика", "Нива", 1893 г.). Тот поход "в ханство" оказался для удалцов трагическим. Однако в целом ни одна армия в мире не обладает такой способностью приравниваться к обстановке места действия, как казачьи войска. И всё полезное для себя казаки перенимают у врага, и отдают ему должную справедливость: после войны добродушно сходятся с побеждёнными на дружескую ногу, оставляя по себе добрую память...

Казаки-оренбуржцы, семиреки или уральцы у своего азиатского противника переняли многие походные качества - умение переносить жару и жажду, совершать бесконечно длинные, и в тоже время быстрые переходы, приспособить и выучить коня для подобной цели, да и самому приспособить себя, свою голову, грудь и желудок.

Но казаки не только перенимали воинский опыт - они делились им с теми, с кем теперь приходилось жить (а зачастую и служить) бок о бок. Вот и "армию" Сеид-Мозафара помогал после победы русского оружия привести в порядок (точнее - создать почти "с нуля") урядник Сибирского Казачьего войска...

Сын эмира Сеид-Абдул-Агад-хан родился в 1857(9) и вступил в управление эмиратом в 1885 году. Однако же через девять лет, рассорившись с духовенством столицы, он перебрался в город-крепость Керминз, где появился на свет, и никогда больше не возвращался в Бухару.

Бывал эмир в Киеве и Одессе, Баку, Тифлисе, Батуме, Севастополе, Бахчисарае, а в Ялте построил дворец. *"Эмир любил Россию и любил бывать в ней. Часто посещал Петербург, неоднократно жил в Крыму, а также и на Кавказских Минеральных водах. Он числился на русской военной службе, имел чин Генерала-от-Кавалерии и был Наказным Атаманом Терских казачьих войск"* - уведомила в некрологе в 1911 году "Нива" - популярный русский еженедельный журнал середины XIX - начала XX века.

Мусульман в Казачьих Войсках всегда было предостаточно, и не только среди рядовых. В Оренбургском войске, например, числились генерал-майор свиты Его Высочества хан Хивинский Сеид Асфандиар Богадур, наследник Хана Хивинского Сеид Темир Газы, племянники Хана Хивинского Насыр Газы и Насыр Тюря... Внук последнего владельца Киргиз-Кайсаков Большой и Средней орд, султан Гази Булатович Вали-Хан был полковником Лейб-Гвардии Атаманского Наследника Цесаревича полка...

В юные годы Керминского бекства будущий эмир водил знакомства с русскими офицерами. Рассказывали: как-то беку захотелось посмотреть на построение казачьего конвоя, сопровождавшего русское посольство в его крепость.

Он был потрясён увиденным и на всю жизнь влюбился в казачество. Может быть, и мать эмира, персиянка, рассказывала о Казачьей Его Величества Персидского Шаха бригаде (формировалась с 1879 года)... Но факт остаётся фактом. Эмир был Шефом 5-го Оренбургского казачьего Его имени полка в составе 1-й Туркестанской казачьей дивизии. Полное название войскового соединения было таково: **5-й Оренбургский казачий Его Высочества Эмира Бухарского полк** (с 1 февраля 1910 г.).

Эмиров тем во всех мне известных списках наказных атаманов Терского казачьего Войска имя эмира Бухарского отсутствует. На интересующий нас период времени - начало XX века - обобщённые сведения укладываются так:

Генерал-лейтенант Колубакин А.М. (1905-08 гг.)

Генерал-лейтенант Михеев А.С. (1908-12 гг.)

Генерал-лейтенант Флейшер С.Н. (1912-17 гг.; в 1917-м вышел в отставку в чине генерала от кавалерии).

Может быть, эмир был назначен Наказным Атаманом, но не успел вступить в должность по каким-то уважительным причинам?.. Не могла же "Нива" совсем ошибаться, да ещё в некрологе, по горячим следам?.. Остаётся гадать. Опять же, кстати, если казаки не указывают какого-либо должностного лица в перечне своих атаманов, то это не значит, что он им не был. Примеров сколько угодно. Хотя бы взять генерала П.И. Мищенко: донцы и семиреки порой забывают указать его имя. Имелись и временные наказные атамань, были также атамань исправляющие должность, но утверждённые в оной Высочайшим приказом и указом Правительствующему Сенату годы спустя, и т.п.

Вспоминается, как увидел когда-то давно книгу по коневодству из личной библиотеки эмира Бухарского, с оттиском его мастичной печати. Известно - эмир был большим знатоком этого дела. *"В житейской своей обстановке он предпочитает простоту, даже с несколько суровым оттенком, что могли заметить и мы, хотя бы по обстановке его приемной. Говорят, что любимейшее его занятие - соколиная охота и укрощение полудиких, горячих и злых коней, которых он сам под себя объезжает. Не мало также занимается он и военным делом..."* - говорилось в "Ниве" (№ 7 за 1886 год).

С октября 1906 года в 1-м отряде минных судов Балтийского моря состоял, среди прочих, крейсер "Эмир Бухарский". Эмир "священной Бухары" был не чужд поэзии и печатался сам под псевдонимом "Оджиз".

В 1892 году он пожертвовал 100 тысяч рублей для пострадавших от бедствий в различных областях Российской империи. Благотворительность вообще была его отличительной чертой. Оказывал Сеид-Абдул, конечно, помощь и 5-му Оренбургскому казачьему полку, шефом которого являлся.

В апреле 1910 года эмир вручил высшую награду своего государства - Орден Тадж ("корона") - наказному Атаману Оренбургского Казачьего Войска Ожаровскому. Другим казачьим офицерам Войска были также вручены Бухарские награды.

Эмир бухарский Сеид-Абдул-Ахад скончался в ночь на 23 декабря 1910 года в недавно построенном дворце близ станции Зиогдин, на 52-м году жизни. Как говорилось в приложении к журналу "Родина" - *"Покойный эмир был другом России, неоднократно доказывавшим эту дружбу на деле. Так, во время русско-японской войны эмир Сеид-Абдул пожертвовал миллион рублей на русский флот и 210 тысяч рублей на раненых. Несколько раз он бывал гостем России; впервые в 1883 г. для присутствования на коронации Императора Александра III, затем на коронации Императора Николая II, и затем в 1896 г., наконец в 1910 году. Ещё с 1902 года он был назначен генерал-адъютантом и генералом-от-кавалерии"*.

С 30 декабря 1910 г. в связи с кончиною Сеид-Ахада полк его имени именовался просто "5-й Оренбургский казачий". Эмир Бухарский был генералом от кавалерии, имел русское придворное звание генерал-адъютанта, носил титул "высочество" и был награжден всеми русскими орденами до ордена Святого Андрея Первозванного с цепью

Сеид-Абдул-Агад-хан

включительно, а также орденом Итальянской короны 1 степени, французскими орденами Почетного легиона и Большого офицерского креста и прочими наградами.

Младший сын Сеид-Абдула, Тюр-Джан-Мир-Алим, приезжал в Россию с отцом - тот предполагал его оставить в Петербурге, поместив в Пажеский Его Императорского Величества корпус, как нам сообщает в 1893 году "Нива". В 1911 году журнал пишет: *"На днях в Петербург прибыл молодой эмир бухарский Сеид-Мир-Алим, с целью представиться Государю Императору в качестве нового представителя Бухары. Сеид-Мир-Алим-Хан получил образование в Николаевском кадетском корпусе и провел в Петербурге несколько лет жизни. Он прекрасно владеет русским языком, состоит в звании флигель-адъютанта Его Императорского Величества и в чине генерала в списках Терского казачьего войска"* (№ 22).

Много позже этот генерал-лейтенант, эмир Бухары, воевал против советов, не снимая русских погон. Красные историки представляли его злостным контрреволюционером, ставя в один ряд с атаманами Оренбурга, Семиречья и Сибири...

Азз

От редакции Материал, собранный автором, так и не проясняет им же самим поставленный вопрос: был ли эмир - Наказным Атаманом ТКВ? Сведения об атаманстве взяты из Интернета и популярного литературного журнала "Нива" - но эти источники к серьезным отнести можно лишь с натяжкой. Да и написание должности эмира в

Сын эмира - будущий генерал ТКВ

журнальном некрологе - *"Наказной Атаман Терских казачьих войск"* - скорее говорит о незнании предмета неведомым его составителем.

Видимо, *"донцы и семиречи порою забывают указать"* и Мищенко, и ряд других лиц в числе своих атаманов, если пользуются теми же источниками с разницей в сто лет (из "Нивы" - в интернет), или неполными, отрывочными данными. В справочных трудах по Русской Императорской армии, Казачьим Войскам, в биографических справках военных историков все занимавшие эти должности есть. Можно, наконец, ознакомиться с послужным списком того или иного генерала - Атамана.

Впрочем, сам же журнал "Нива" частично и отвечает на заданный вопрос, сообщая, что молодой эмир *"состоит в звании флигель-адъютанта Его Императорского Величества, и в чине генерала в списках Терского казачьего войска"*. Здесь неверно, что генерал Русской армии (каких-то особых *"генералов казачьих войск"*, как сейчас, тогда не было) значит одновременно флигель-адъютантом (придворное звание до чина полковника включительно). Зато верно вот что: эмир действительно числился в ТКВ с 1896 года (как и его отец - с 95-го, и сын-наследник - с 1911-го - см. Справочник по Казачьим Войскам Шенка-Казина). Но ни один из эмиров Бухарских Наказным Атаманом ТКВ *не был* - зачисление владетельной особы в списки по Войску или назначение почетным шефом полка еще не есть служба в Русской Императорской армии!..

П.С. (К)

О чём молчат памятники, но говорят документы

Публикуемые документы удивительным образом переключаются с сегодняшним днём! Перед нами давний, но ещё актуальный спор - как далеко простирается генетическая память кубанских казаков? Попробуем же взглянуть на проблему их идентичности, как она виделась казакофильски настроенному руководству Кубанского войска в самый канун первой Мировой войны.

На Кубани эти документы ещё не публиковались, ибо противоречат официальной теории - что к началу XX столетия в Кубанской области сложился единый субэтнос *"кубанское казачество"*, разорвавший пуповину, соединявшую часть его с праматерью-Украиной. Странно, что Дело *"О присвоении Кубанскому казачьему войску старшинства с 1556 года, т.е. со времени образования Запорожского Низового войска"* вообще уцелело!

Документы Дела подкреплены ещё рядом источников - таких, как предшествующие ему дела о пожаловании шести первоочередным полкам ККВ имён Вечных шефов (генерала Безкровного, кошевого атамана Сидора Белого, бригадира Головатого, кошевого атамана Чепеги) и о передаче Кубанскому войску всех Запорожских регалий.

Чтобы проследить цепь событий, приведших к появлению этих документов, за точку отсчёта выстраиваемого исторического контекста возьмём знаковое событие, наиболее приближенное к моменту их создания - растянувшееся на более чем полтора десятилетия празднование **200-летия Кубанского войска**. Начало его в сентябре 1896 г. было отмечено закладкой памятника Екатерине II, а завершилось оно лишь 6 мая 1907 года - открытием памятника на Крепостной (Атаманской) площади Екатеринодара.

В любых государствах, что надо помнить, а о чём забыть, решают власть имущие. От них же зависит и судьба памятников: каким гордо выситься, а каким быть уничтоженными - за ненужностью той памяти, что они собой воплощают. Как и их создатели, памятники умеют манипулировать исторической памятью людей, подкреплять результаты государственного мифотворчества. В этом плане показательна судьбаobeliska в честь 200-летия Кубанского казачьего войска, воздвигнутого в том же Екатеринодаре 7 мая 1897 г. по проекту областного архитектора В.А. Филиппова. Открытие монумента и само празднование "юбилея" взбудоражили старые мифы и породили дискуссии, воздействие которых мы ощущаем до сих пор. В народной памяти на всем протяжении XIX века возникновение Кубанского войска ассоциировалось с

Запорожьем, с Югом Украины. К середине 90-х годов эта память получила новый импульс - в виде зачатков украинского национального самосознания. Украинская *"национально свидомая"* интеллигенция на Кубани открыто заявила о себе в 1895 году, впервые принародно отпраздновав *"роковини"* Тараса Шевченко. Мартовские шевченковские торжества следующего года были ещё более впечатляющими. Затем они не просто стали ежегодными, но проводились, даже когда в стране были запрещены любые знаки поклонения поэту.

И вот на этом фоне датой основания Войска было предложено считать первое упоминание в документах старейшего в его составе Хопёрского полка. До 1860 года он входил в Казачье линейное войско, а при разделении последнего на две части (Кубанскую и Терскую области), отошёл к вновь созданному на основе Черноморского Кубанскому казачьему войску. Так черноморцы, считавшие себя наследниками Войска Запорожского Низового, боевых традиций сичевиков, теряли право первородности.

Формально всё было правильно. В последней четверти XIX столетия, когда казачьи войска юридически оформляли своё *"старшинство"*, следовали простому принципу - исходить из первого упоминания в документах о службе старейшего из полков Московскому престолу. Для большинства войск тут не возникало никаких споров. Зато они неминуемо возникли при установлении старшинства для войска Кубанского.

К этому времени первые кубанские историки (Я.Кухаренко, П.Короленко, И.Попко) в своих произведениях уже протянули хронологическую и духовную нить кубанской преемственности от Запорожской Сечи. И какие ещё нужны доказательства - основное население области говорит и поёт по-украински, украинские традиции укоренились в обрядах и быте кубанцев. Никому и в голову не приходило искать истоки кубанской ментальности на далёком, никем не виданном Хопре!

Тем не менее, 3 сентября 1896 г. единственный печатный орган Кубани - *"Кубанские областные ведомости"* - поместил следующее объявление: *"Наказный Атаман Кубанского казачьего войска сим объявляет: 8 сентября с Высочайшего соизволения предстоит празднование истекшего в сем году Двухсотлетнего юбилея Кубанского казачьего войска, которое выразится в церковном параде, войсковом круге и обеде 8 сентября и казачьем празднике и танцевальном вечере 9-го числа того же месяца у Атамана"*

ской ставки близ Круглика". Среди почётных гостей назывались командующий войсками округа генерал-адъютант Шереметев, начальник Главного Управления казачьих войск генерал-лейтенант Бунаков, атаманы Донского, Терского и Оренбургского войск.

Важной составляющей праздника стало прибытие очередной Высочайше дарованной Кубанскому войску грамоты. Её торжественно встречали 5 сентября, для чего на вокзал прибыли генерал-майоры Яцкевич, Гершельман, Мазан и Перепеловский в сопровождении сотни 1-го Екатеринодарского полка и оркестра Хопёрского полка.

Наказный атаман встречал новую войсковую реликвию в парадном зале дворца в окружении штаб-офицеров.

"Когда грамота была внесена в зал, Его Превосходительство преклонил колени для приёма её и поместил под знаменами на приготовленный постамент".

В газете - подробное описание грамоты: *"Над грамотой изображён двуглавый орел с Андреевской лентой в когтях. На ленте надпись: "1696-1896". Выше орла изображены сцены из боевой жизни казаков. С левой (от читающего) стороны грамоты изображён под сенью войсковых знамен щит с инициалами Государя Императора, под щитом изображены войсковые регалии и около них - часовой; выше щиты - казачья вышка, употреблявшаяся на пикетах. С правой стороны грамоты нарисованы фигуры казаков во всех (за 200 лет) формах, начиная с Запорожской (выделано мной - В. Ч.)"*.

Праздничный номер от 8 сентября помещал также большую статью П.П.Короленко "Обзор исторических сведений о происхождении Запорожских и Хопёрских казаков", состоящую из двух глав: "Запорожцы" и "Хопёрцы".

Как видим, и грамота, и статья казачьего историографа содержали некие благодарные кивочки в сторону запорожцев. Их можно обнаружить и на обелиске 1897 года.

На его лицевой (южной) стороне на мраморной доске бронзовыми литыми буквами значилось: *"За службу на Кавказе. 1864. Кубанскому казачьему войску Екатеринодарской городской обществу в ознаменование 200-летия войска. 8 сентября 1896 г."* С северной стороны: *"В благополучное царствование Императора Николая II исполнилось 200-летие Кубанского казачьего войска, образованного в 1860 г. из войска Черноморского и части Линейного казачьего войска по старшинству старейшего из входящих в состав его Хопёрского полка"*. С восточной: *"Славным доблестным казакам Кавказского линейного войска и вошедшим в состав его казакам хопёрским, впервые призванным на службу Царскую Императором Петром I при взятии Азова в 1696 г."* Наконец, на западной его стороне вылиты слова, обращённые к *"Потомкам славных запорожцев, доблестным казакам Черноморского войска, стяжавшим победоносную славу в вековой борьбе с врагами Отечества, грудью отстоявшим вверенные им границы на окраинах России и в то же время положившим труды и заботы над устройством и развитием мирной жизни на берегах р. Кубань, на земле, пожалованной в 1792 г. Императрицею Екатериною II, основав в 1794 гор. Екатеринодар, устроив и заселив станицы, составляющие ныне Западную часть Кубанской области"*.

Тем не менее, общий смысл праздника оскорбил потомков черноморцев. Вот как рассказывает об этом живший в Екатеринодаре этнограф и фольклорист М.А.Дикарев в письме к украинскому историку А.М.Лазаревскому:

*"Вельми Шановний Олександрє Матвєвичу!
Ви починаєте свій лист згадкою про 200-ліття чорноморців, але такі слова тутешньому москалеві повсякчас здаються недарованою помилкою, і ми повинні тепер знати лиш кубанців, а не чорноморців. Кубанці ж повстали свого часу, як долучено сюди лінійних козаків, прийшовших з Дону і Хопра. Тоді знищено ім'я чорноморців, а разом і їх історію, бо міністер Мільотін наказав, навпаки науковій історії і рижним актам, котрими узнавалось первенство за чорноморцями яко нащадками запорожців, - починати історію з існування Хоперського полка (лінійного). Так отсе Вам 200-ліття Хоперського полка, котрий в попередніх державних і законодавчих актах*

ніколи не лічився військом, але лиш полком.

Таким чином нам, українцям, зовсім не личить узнавати своїм те свято, котре вигадано на ганьбу нашого імени і нашої історії. Я перемучився, поки тут метушились та без увагу балакали, готуючись до ювілею. Для заспокоєння себе я на час свята утік до Новомосковська на Катеринославіні. Опісля я почув, що пропито 40 тис. карбов[анців] військових та тис. 60 станичними громадами, а доброго власне військом анічогісінько не зроблено. Отсе Вам ювілей!"

Как мы уже указали, апогеем празднования в Екатеринодаре стала закладка памятника Екатерине II. Идею его высказал начальник канцелярии войскового

штаба, кубанский историк Е.Д.Фелицын на одном из заседаний Областного статистического комитета, а развил на войсковом круге 6 мая 1885 г. "казачий Цицерон" старшина В.С.Вареник. Он же предложил, чтобы скульптуру Императрицы окружали фигуры князя Г.А.Потемкина, кошевого атамана З.Чепиги и войскового судьи А.Головатого.

Сооружение памятника было предложено в январе 1890 года М.О.Микешину (только что выполнившему для Киева знаменитый памятник Гетману Богдану Хмельницкому). Скульптор, которого увлекла идея памятника, задумал выразить в нём, *"как на исторической скрижали, всю историческую доблесть казачества и всех выдающихся деятелей и героев"*.

Летом 1893 года Микешин вылепил первый эскиз модели памятника и получил Высочайшее одобрение.

Работа над памятником началась в бытность на посту атамана Кубанского войска выходца из Украины генерал-лейтенанта Якова Дмитриевича Маламы. Комиссию в составе 10 человек возглавил старший помощник атамана, генерал из родовитых черноморцев М.П.Бабыч (впоследствии - первый после Я.Г.Кухаренко местный "балакающий" атаман). Работа в комиссии, очевидно, заставила его задуматься о памяти предков, в результате чего позже и появились его проекты передачи на Кубань всех реликвий Запорожского казачьего войска - и, как следствие, установления старшинства Кубанского казачьего войска с 1556 года.

А первым стал хлопотать о возвращении кубанцам *"запорожских предметов"* М.О.Микешин. Прежде всего - хранящихся в Военном Спасском соборе Санкт-Петербурга запорожских знамен: по мнению скульптора, не было исторического резона держать их там. В краевом архиве сохранились его письмо от 11 января 1894 г. атаману Я.Д.Маламе, в котором выражается готовность *"сослужить казачеству и эту службу"*.

Памятник Екатерине открылся 6 мая 1907 года. После скоростной смерти Микешина в 1896 году работу завершил скульптор Б.В.Эдуардс. Величественный ансамбль являл собою стремительный путь, проделанный кубанцами за последние 11 лет по пути к осознанию своего единства с Запорожской Сечью. Эти годы вобрали в себя и возникновение на Кубани широкой сети "Просвіт", и деятельность Черноморской филии РУП, и начатки здесь украинского книгоиздания, и утвердившийся повсеместно культ Тараса Шевченко и его поэзии.

На высоком гранитном пьедестале возвышалась фигура Императрицы в царственной порфире, со скипетром и державой в руках. От ног её ниспадал длинный свиток из белого никеля, с полным текстом жалованной грамоты от 30 июня 1792 г. У подножия - бронзовые фигуры князя Григория Потёмкина, первого кошевого атамана Сидора Белого, войскового судьи Антона Головатого и кошевого атамана Захария Чепиги. С задней стороны пьедестала - фигуры кобзаря с бандурой в руках (считается, что в нём увековечен сам Т.Г.Шевченко) и мальчика-поводыря. Под ними - текст песни, сложенной Антоном Головатым и служившей на протяжении XIX столетия неофициальным гимном Черноморского, а затем и Кубанского казачьего войска - *"Ой годи ж нам журилася, пора перестати..."* Как известно, создана она была в августе 1792 года под впечатлением указа о переселении черноморцев на Кубань. По нижнему цоколю пьедестала были выбиты имена всех черноморских и кубанских атаманов с датами их правления, а по-

зади фигуры Потемкина изображены войсковые регалии.

Регалии тоже были в центре празднества. В 8 часов утра пять пушечных выстрелов 1-й Кубанской казачьей батарее оповестили о начале литургии, совершаемой в Войсковом соборе. Взвод лейб-гвардии Собственного Его Императорского Величества конвоя, приняв войсковые регалии из войскового штаба, двинулся с ними к западным вратам храма. Впереди несли 12 куренных значков, 18 медных перначей, 35 куренных знамен и 14 булав - реликвии Запорожия; за ними 29 полковых знамен, 5 войсковых серебряных перначей, 2 медные булавы, серебряные трубы и, наконец, на лошадях везли литавры. Парад регалий замыкали 10 войсковых знамен и 10 царских грамот, которые несли на подушках заслуженные штаб-офицеры.

“Когда процессия подошла к собору, навстречу вышло духовенство с хоругвями и святыми иконами. Торжественное шествие при пении священных гимнов направилось по Красной улице на Крепостную площадь к памятнику, где уже выстроились войска. После молебствия холщевая завеса, закрывавшая монумент, была спущена, и отлитая из бронзы фигура Екатерины II, предстала Екатериноподару во всем величии...”

Конечно, автор памятника не мог не поставить во главу его образ Императрицы, олицетворявшей собою эпоху. Но это уже был не пресловутый Хопёр!..

В 1999 году в Краснодаре был первым и на прежнем месте восстановлен именно обелиск, посвященный 200-летию

Войска. Почему-то это событие осталось незамеченным на Украине. Но вот когда в начале сентября 2006 г. был восстановлен памятник Екатерине II - украинские околонучные издания разразились тирадами на давно избезженную тему о кубанцах, *“вновь присягнувших на верность разрушительнице Запорожской Сечи”*. Что ж, всё вроде бы так. Только с Кубани многие вещи видятся иначе, чем с берегов Днепра!

Да, своевольная Императрица разорила казачье гнездо - но и новой землёй одарила казаков. А сам памятник перечеркнул идею ложно выстроенной исторической преемственности, воплощённую в обелиске, и утверждал новую - от которой пошли, в том числе, и ростки кубанской самостийности 1917 года, и попыток федеративного единения Кубанского края с Украиной. На полпути к этому неудавшемуся *“возвращению домой”* в 1910 году и были сформулированы - сначала просьба о передаче на Кубань хранящихся в музеях и церквях Петербурга запорожских реликвий, а затем и ходатайство о присвоении Кубанскому казачьему войску старшинства с 1556 года. И не случайно памятник Екатерине стал первой жертвой борьбы с прошлым, объявленной большевиками в 1920 году, после захвата ими Екатеринодара.

Так вот и стоят сегодня в центре кубанской столицы два памятника, излучая две противоположные идеи, два взгляда на историю казачества. У подножия одного из них почивает сегодня память о запорожской вольнице...

В. Чумаченко

Дело по ходатайству Наказного атамана Кубанского казачьего войска О присвоении Кубанскому казачьему войска старшинства с 1556 года, т.е. со времени образования Запорожского Низового войска

Документ № 1: Копия рапорта Наказного Атамана Кубанского казачьего войска Войсковому атаману Кавказских войск от 12 февраля 1911 года за № 612

Его Императорского Величества Государю Императору благоугодно было 8-го августа минувшего 1910 года Высочайше повелеть, чтобы, для закрепления в памяти потомства заслуг перед Россией славных Запорожцев, неспих в течение долгих лет тяжёлую порубежную службу, прямым потомком которых ныне является Кубанское казачье войско, 1-й Ейский полк сего войска именовался навсегда 1-м Запорожским Императрицы Екатерины Великой полком сего войска, 2-й и 3-й ейские полки 2-м и 3-м Запорожскими полками.

Осчастливленные этой новою благоговейно принятою всем Кубанским казачеством Монаршею милостью, вверенное мне Кубанское казачье войско, высочайше признанное уже прямым потомком славных Запорожцев, тем не менее сохраняет общее старшинство по 1-му Хопёрскому Ея Императорского высочества Великой Княгини Анастасии Михайловны полку, установленное ему с 1696 года Высочайшим повелением от 28 марта 1874 года. Почётное старшинство это, приуроченное к героической эпохе, ознаменованной победным шествием Русской Державы по пути военного преуспеяния при гениальном преобразователе Руси, Императоре Петре Великом, говорит многое сердцу каждого хопёрца, предки которого впервые стяжали славу, сражаясь под знаменем Великого Императора.

Гордятся этим почетным старшинством и остальные кубанские казаки, но не воскрешает оно заветных образов и событий далекого прошлого, которые, передаваясь из поколения в поколение, залегли в памяти большинства из них.

Это большинство составляют прямые потомки славных Запорожцев, населяющие шесть полковых округов из всего числа одиннадцати во вверенном мне войске (Запорожский, Уманский, Таманский, Полтавский, Екатеринодарский и Черноморский округа).

Заветные думы потомков Запорожцев, как это и вполне естественно, устремлены к стародавним временам низового “лыцарства” и его приснопомытного ратоборства с врагами Православия и Русской народности. Оживёт, без сомнения, в этих думках и Петровский штурм Азова в 1696 году, но лишь как славный эпизод двухвековой эпопеи, начавшейся задолго до 1696 года, ещё при Царе Иване Васильевиче Грозном, и развернувшейся в бесконечный ряд морских и сухопутных походов, осад, штурмов и сражений. Историческое прошлое остальной, меньшей части Кубанского казачества, населяющей полковые округа Кубанский, Кавказский, Лабинский и Линейный, восходит к другой, по-

зднейшей славной эпопее - Кавказской войне (самое раннее - к 1794 году), и для потомства этих казаков славная память и штурм Азова - только “предание старины глубокой”.

Другие казачьи воска, которым Высочайшими повелениями установлено, как и вверенному мне войску, общее старшинство, гораздо счастливее в отношении приурочения их старшинства к историческим событиям. Так, например, войску Донскому даровано старшинство с 1570 года, по дате первой сохранившейся грамоте Царя Ивана Васильевича Грозного к Донским атаманам и казакам. Память этого события войску Донскому, скристаллизованному на одной постоянной территории и из однородного по племенному составу населения, действительно подобающе увековечена как непреложное доказательство его исторического существования с этого времени.

Дарование Терскому казачьему войску с 1577 года увековечивает событие водворения Терских казаков на реке Тереке, близ устья Сунжи, от каковых и повело своё начало это войско.

Таким же подобающим является старшинство Сибирского (с 1582 г.) и Уральского (с 1591 г.) казачьих войск, увековечивающее событие признания царём Иваном Грозным Ермаковой вольницы царской ратью и Царского наказа о посылке Яицких казаков против Шамхала Тарковского.

Если бы процесс установления старшинства вверенному мне войску в 1874 году был подчинён там же основаниям, как для поименованных выше старейших казачьих войск, то в таком случае встретилось бы серьёзное затруднение для исторически верного решения, благодаря тому, что Кубанское казачье войско образовалось из двух главных групп - Верного войска Черноморского, водворившегося на территории бывшей Фанагории в 1792 году, и отдельных полков Кавказского линейного казачьего войска, водворившихся разновременно, начиная с 1794 года и кончая 1858 годом, на территории Кавказской линии.

Решение, на основании приказа военному ведомству 1871 года № 224, было постановлено вне зависимости от всех этих дат водворения, и предпочтение было отдано дате первого по времени бесспорного участия одной из составных частей Кубанского войска - Хопёрского полка в походе под Азов в 1696 году, т.е. события, исторически позднейшие, были принесены в жертву событию, исторически древнейшему.

В настоящее время, когда с высоты престола последовало непрерываемое признание заслуг славных Запорожцев и

неотъемлемой связи их с Кубанским казачьим войском, сохранение этому последнему прежнего старшинства с 1696 года утрачивает свою обоснованность.

В настоящее время, когда с высоты престола последовало непрерываемое признание заслуг славных Запорожцев и неотъемлемой связи их с Кубанским казачьим войском, сохранение этому последнему прежнего старшинства с 1696 года устраивает свою обоснованность.

Возникающий отсюда вопрос о том, какое подобающее и согласное с духом Высочайшего повеления 8 августа 1910 года старшинство должно быть определено Кубанскому казачьему войску, казалось бы, решается категорическим указанием, содержащемся в Высочайшем повелении, объявленном в приказе по военному ведомству 1871 года за № 224, и гласящим: "в казачьих войсках за основание при определении старшинства принимается время, в которое в первый раз упоминается о них в официальных документах".

Согласно выводов, сделанных в представляемой при сем исторической справке старшинстве Запорожского войска, первое упоминание о Запорожском войске содержится в грамоте польского короля Стефана Батория от 20 августа 1576 года, причём той же справкою выяснена желательность определения Кубанскому войску (как прямому потомку Запорожского войска) старшинства с 1556 года, когда впервые низовые Днепровские казаки под предводительством князя Дмитрия Вишневецкого заложили на Днепровском острове Хортице земляное укрепление, из которого в следующем 1557 году отразили "именем и счастьем царя Ивана Васильевича Грозного" 24-дневный яростный штурм Крымского Хана Девлет-Гирея.

Возбуждение вопроса об установлении вверенному мне войску нового старшинства идет в разрез с циркулярным разъяснением Главного штаба от 11 марта 1904 года за № 11710, в котором приведено последовавшее 23 декабря 1903 года Высочайшее повеление о воспрещении на будущее время ходатайствовать о новом пересмотре Высочайшее установленное старшинства частям войск. Име-

ется, тем не менее, основание полагать, что ходатайство об установлении старшинства вверенному мне войску с 1556 года может получить благоприятный исход.

В настоящее время наш военный мир озабочен необходимостью возрождения армии и изыскивает средства к поднятию духа её, так как только при наличии его возможно существование могущественной армии, а с нею и через неё - величие нашей Родины. В числе мер, имеющих военно-воспитательное значение, не могут не быть поощряемы те, которые клонятся к увековечению памяти прославленных на военном поприще деятелей, а потому, раз Его Императорскому величеству благоугодно было Высочайшее восстановить историческое бытие Запорожцев и признать заслуги их перед Родиной, то можно надеяться, что Его Величеству благоугодно будет соизволить на увековечение памяти потомков Запорожцев - кубанских казаков - знаменательного факта первого служения Запорожцев царю Ивану Васильевичу Грозному, подобно тому, как увековечены такие же события для Донского, Сибирского и Уральского казачьих войск.

Надежда на воспоследование такого Высочайшего соизволения открывается полученным мною сообщением от Председателя Одесского отдела Императорского Русского военно-исторического общества о том, что Государь Император, на докладе Его Величеству выраженного мне войском желания поставить памятник своим предкам-запорожцам, вполне одобрил и очень оценил этот благородный порыв.

Как верно поданный, приемлю смелость исповедывать, что на Монаршу Милость образца нет.

По всем вышеуказанным соображениям и на основании прилагаемой исторической справки, ходатайству перед Вашим Сиятельством об истрешении Высочайшего соизволения на установление вверенному мне войску старшинства с 1556 года, по времени основания первого Запорожского укрепления на Днепровском острове Хортице и началу служения запорожцев Царю Ивану Васильевичу Грозному.

**Наказный Атаман Генерал-лейтенант *Бабич*.
Верно и сверил Капитан *Лысяков*.**

Документ № 2. Главное управление Генерального штаба. Отдел по устройству и службе войск.

Отделение 3. Стол 2. 20 января 1912 года. № 0942. Санкт-Петербург.

Начальнику штаба Кавказского военного округа

По ходатайству Наказного Атамана кубанского казачьего войска о присвоении войску старшинства с 1556 года, со времени образования Запорожского низового войска, Главное управление Генерального Штаба сообщает следующее:

На основании приказа по военному ведомству 1874 года № 106 Кубанскому казачьему войску присвоено старшинство с 1696 года, т.е. со времени первого упоминания в официальных документах об одной из составных частей этого войска, а именно Хопёрскому полку, принимавшем участие в составе русских войск, в Азовском походе.

Указанный же Наказным Атаманом Кубанского казачьего войска 1556 год, когда впервые упоминается о Запорожском войске, не есть вместе с тем год службы их Русскому государству. В этом году Запорожские казаки построили укрепление на острове Хортице под предводительством князя Дмитрия Вишневецкого, бывшего в то время на службе Польши - врага России.

Хотя в 1558 году князь Вишневецкий перешёл на русскую службу, но в 1563 году он вновь передался на службу Польскому Королю и за своё 5-летнее пребывание в подданстве России не имел ничего общего с Запорожцами, которые оставались по-прежнему в подданстве Польши.

Кроме вышеизложенного, необходимо заметить, что это упоминание о Запорожцах не удостоверено ни в одном из официальных документов, а такой знаток Запорожья, как Эварницкий, относит образование Сечи к более раннему периоду, а именно к первым годам XVI столетия.

Первое же упоминание польского короля Стефана Батория 20 августа 1576 года, т.е. опять-таки, когда они служили не России, а врагам её.

Вся первоначальная история Запорожского войска свидетельствует, что Запорожские казаки служили Польскому государству в качестве охранной пограничной стражи и принимали видное участие в различных походах польских войск, за что и получали от Польских королей жалованные грамоты и клейноды, т.е. войсковые регалии. К концу XVI века Запорожская Сечь фактически стала независимой.

При переходе в 1654 году Малороссии в русское под-

данство Запорожцы присяги Русскому Царю не давали и оставались независимыми. По Андрусовскому перемирию в 1667 году Запорожцев решено было считать в одно-временном подчинении Московскому и Польскому государствам, и лишь в 1686 году, по окончательному миру с Польшей, Запорожская Сечь была впервые признана подвластной Русскому государству. Но много ещё лет после этого Запорожцы не признавали себя подданными России и пользовались каждым удобным случаем, чтобы отложиться от неё. Они поддерживали бунты Булавина и Донских казаков, заводили отношения с Польшей и Крымом и, наконец, в Шведскую войну со своим кошевым атаманом Гордиенко, по примеру Мазепы, передался на сторону Шведов. За эту измену Петром Великим Запорожская Сечь была в 1709 году срыта до основания.

Означенный вопрос был на заключении Императорского Русского Военно-Исторического общества, которое, основываясь на исторических данных о службе Запорожцев в XVI и XVII веках, высказались против установления старшинства Кубанскому казачьему войску с 1556 года, признавая возможным отнести его лишь к 1686 году, когда Запорожцы перешли в Русское подданство.

Находя не соответственным увековечивать в памяти Кубанского казачьего войска эпоху службы их предков не в пользу России, Главное управление Генерального Штаба не признавало возможным и изменение старшинства названного войска с 1696 года на 1686 год, считая, что 1696 год должен быть для кубанцев более ценным по боевой службе их предков России в Азовском походе, чем 1686 г. - год принятия Запорожцами подданства России, нарушенного уже в 1709 году изменою Запорожцев.

По докладу означенного ходатайства Военному Министру, Его Высочайшее величество не признало возможным по указанным причинам испрашивать Высочайшее соизволение на его удовлетворение.

О вышеизложенном сообщается для доклада Главнокомандующего войсками округа и зависящих распоряжений.

**Начальник Отдела Генерал-Майор (*подпись*).
Начальник отделения Полковник (*подпись*).**

От редакции: Можно ли было выбрать иное старшинство Кубанскому Войску?

Статья В.К. Чумаченко с тактично приведёнными документами "от противных сторон" - Войскового Атамана и ГУ Генштаба - даёт возможность поразмыслить над "вечной" темой старшинства Кубанского Войска. Войско, имеющее корнями Запорожцев Низовых - т.е. одно из старейших - оказалось "при раздаче" в 19 веке старшинств едва ли не самым молодым!.. Вместе с тем некоторые утверждения статьи вызывают недоумение - например, что "основное население края говорит по-украински, поёт украинские песни, украинские традиции укоренилось в обрядах и быте кубанцев". Вряд ли говорили тогда именно "по-украински"!

Празднествами "оскорбились кубанские украинцы". Украинцы? А почему не переселённые солдаты из Рязанщины, орловские однодворцы или те же донцы, пришедшие на Кубань в 19 веке? Да, малороссов того столетия приняли в Войско довольно много. Но, вспомним, кем были эти "украинские" казаки, числящие себя от запорожских?

Возглавляли их на протяжении веков не Атаманы, а Гетманы Запорожские (Малороссийские), выбираемые шляхетством и утверждаемые польским королем и сенатом. Так и величались: "Гетманы его королевского величества Войска Запорожского". Так что малороссийские казаки - выходцы Польского государства, и лишь единство веры и племени соединило их постепенно с Московской Русью. Российские государи не забывали, однако, бывшей их связи с Польшей - отчасти почему часть сельских обывателей Малороссии, бывших некогда казаками, и обратили при Павле I в крепостное состояние (чего не было ни с одной казачьей общиной Великодержавии).

Войско Запорожское Низовое - иное дело. Ещё в 1522 году Низовые казаки не захотели признавать над собой власти коронных гетманов Запорожских. Никогда не отождествляя себя с Малороссией, с казаками малороссийскими (коих можно называть и украинскими), Низовые Запорожцы и стали ядром Черноморцев, пришедших первыми на Кубань.

Атаману М.П. Бабычу насветовали не очень подходящей исторической эпизод, чем и "воспользовались" в Генштабе. И можно понять, почему! Старшинство Войск устанавливались за самые древние (по официальным источникам) боевые подвиги их казаков на стороне России (или Московского государства). Несомненно, Запорожцы Низовые ходили в походы против врагов Москвы. И исторических примеров, куда более "подходящих под старшинство", чем приводимый М.П. Бабычем, в документах предостаточно! Вот лишь немногие:

1576 г. В атаманство Кошевого Атамана Павлюка Запорожцы Низовые "езжали для добычи своей не только сухопутно в турецкие области, но и водною по Черному морю". Казаков не могли остановить турецкие заставы и крепость Бористен (Очаков), они брали татарский Белград (Аккерман), Килию, Измайллов и другие крепости, за Дунаем город Варну, "турок в них

порубили, добыч взяли, а города разоряли"; доходили на лодках до Царьграда и захватили 100 медных пушек; 1616 г. Кошевой Дурдила с гетманом П.К. Сагайдачным на р. Самаре разгромили крымских татар, освободив много русских пленных;

1629 г. Под командой Кошевого Атамана Тараса Трясило казаки Низовые напали на польский лагерь на р. Альте и уничтожили стоявшие там войска. В том же году казаки в челнах своих воевали на Черном море, "коснулись стен Константинопольских и опыте довольно окуривали дымом мушкетным".

1630 г. Участие в восстании против Речи Посполитой и в битве под Переяславом, которая, по словам польского летописца, стоила полякам "больше жертв, чем прусская война";

Август 1635 г. Казаки Кошевого Атамана Сулимы взяли угрожающую Сечи польскую крепость Ко(у)-дак и "разметали по камням всю постройку". Атаман был схвачен реестровыми казаками (на коронной службе Речи Посполитой) и казнён в 1637 г.;

В 1659-80 гг. с небольшими промежутками "Атаманом Кошевым Войска Запорожского Его Царского Пресветлого Величества Федора Алексеевича" избирался Иван Дмитриевич Сирко. Крымские ханы прозвали его "волшебником и Русским шайтаном", и в то же время, в спорах меж собой, прибежали к его суду: "как Сирко решит, так тому и быть". В октябре 1660 г., когда татары переправлялись через Днепр близ устья Самары, Кошевой напал на них, освободив тысячи русских пленных. В 1664 году ходил в Крым, взял приступом и сжёг Аккерман, разорил Буджак, Паланку и Каутаны. В 1665 году разбил при Носаковском урочище турецкие суда. 18 сентября 1674 г. Кошевому дарована похвальная грамота за поимку Лжецаревича Симеона, хотя Атаман держался независимо и от России, и от Гетмана.

В январе 1675 г. на Запорожскую Сечь, в результате интриг малороссийского гетмана П. Дорошенко, напали крымские татары с 15 тысячами янычар. После ожесточённого ночного боя в самом Коше едва ушло живыми 1,5 тысячи янычар, а смерзшиеся от крови "плиты" вражеских трупов полтора дня выволакивали из Сечи. В том же году Кошевой с 20 тысячами казаков совершил поход через Сиваш в Крым, опустошив полуостров и разгромив 50-тысячное татарское войско, взяв пленными 13 тысяч (тему обмена Сирко посланиями с султаном И. Репин исползовал в картине "Запорожцы пишут письмо турецкому султану"). Умер Атаман 4 мая 1680 г., но Запорожцы ещё 5 лет возили в походах его гроб, веря, что и с мёртвым Сирко не потерпят неудачи...

14 июля 1687 г. Кошевому Атаману Г. Сагайдачному прислана Царская грамота, в которой Цари Иоанн и Пётр Алексеевичи утверждали права казаков Низовых Запорожских на их земли.

В любом случае, можно ли было выбрать в 19 веке Войску "правильное" старшинство - сейчас уже не решить...

П. Стрелянов (Кулабухов)

"За Вьру, Родину, Яикъ и Свободу"

Одними из наиболее самобытных и малоизученных наград России в годы Гражданской войны стали крест (орден) и медаль Святого Архистратига Михаила, учреждённые Уральским казачьим Войском - первые по времени учреждения самостоятельные награды Белых армий. История их создания до сих пор подробно не описана, остаются неизвестными и многие их кавалеры. Кое-какие факты были собраны в последнее время буквально по крупинкам, на основе малоизвестных архивных материалов.

Уральские казаки выступили против большевиков в марте 1918 года, когда красный отряд захватил Илециков станцию. Самоорганизовавшиеся казаки смогли изгнать незваных гостей. Но вскоре, 4 мая 1918 г. (все даты по нов. стилю) красная "Особая армия" вновь вторглась на казачью территорию, заняв ряд населённых пунктов, и устремилась на Уральск. Уральским командованием была сформирована ударная группа из 1-го Учебного конного полка и Уральского конного дивизиона под командованием войскового старшины С.Г. Курина, которая вышла в тыл наступающим красным частям. Перерезав железную дорогу Саратов-Уральск, по которой двигались наступающие красные

части, уральцы атаковали станцию Шипово, где находились резервы красных, захватили много военного и инженерного имущества. Части "Особой армии" были вынуждены отступить с войсковой земли.

Для достойного награждения казаков и офицеров, особо отличившихся в этих боях, Уральский Войсковой съезд выборных (высший законодательный орган в Войске) 9 мая 1918 г. учредил специальные Войсковые награды: крест (орден) и медаль Святого Архистратига Михаила. Святой Архистратиг Михаил был традиционным небесным покровителем Уральского (Яицкого) казачьего Войска, ему был посвящён Войсковой храм в Уральске, а Михайлов день (21 ноября) считался праздником Войска.

Учреждением собственных наград казаки подчеркивали свою самостоятельность и решимость в борьбе за свои права и свободу. Девизом награды стала выбитая на них формула - "За Вьру, Родину, Яикъ и Свободу", а их статус соответствовал статусу Георгиевских креста и медали (но, в отличие от последних, степеней у них не было).

Михайловскими крестом и медалью награждались лишь воинские чины - уральские казаки и иногородние, сражавшиеся против красных в составе казачьих полков,

только за боевые заслуги, личные действия, повлиявшие на успех всего боя, в том числе повлекшие ранение, либо за спасение в бою жизни товарища или сохранение (захват) ценного вооружения (орудия, пулемёта). Среди наградных формулировок встречаются такие: *“первым ворвался в населённый пункт”*, *“первым ворвался в середину строя неприятеля”*, *“зарубил 5 неприятелей”*, *“захватил пулемёт”*, *“будучи раненым, остался в строю”* и т.п. По старшинству награждения первым 200 кавалерам креста и 350 кавалерам медали предоставлялось право на получение ежегодной пенсии в размере 300 рублей (крест) и 120 руб. (медаль). После освобождения пенсионных мест, недостающее до полного комплекта число пенсионеров пополнялось следующими кандидатами по старшинству в специальном списке.

Изготовление учреждённых наград сильно затянулось. Лишь 29 октября 1918 г. Войсковой Съезд принимает постановление о начале их вручения.

Крест (орден) Святого Архистратига Михаила представлял из себя изготовленный штамповкой из тёмной бронзы равнобедренный крест диаметром 40 мм. На лицевой стороне в центре в круглом медальоне помещалось конное изображение Архистратига Михаила, поражающего копьём дракона. На сторонах креста размещалась надпись Войскового девиза. На оборотной стороне чеканился порядковый номер. Крест носился на малиновой ленте традиционного Войскового цвета. О виде медали достоверных сведений нет - её подлинные образцы пока не обнаружены.

Общее число награждённых Михайловскими наградами высчитать сложно. До взятия красными столицы Войска (24 января 1919 г.) крестом было награждено не менее 133 человек, медалью - более 290 человек. Сведения о награждениях в период 1919-20 гг. крайне отрывочны, известно лишь несколько приказов на этот счёт.

Решение о награждении воинских чинов крестом или медалью Св. Архистратига Михаила принимал Войсковой Съезд (в качестве Орденской думы) на основании представления командования и *“постановления общего собрания той части, команды, сотни, роты, батареи, на глазах которой отличившийся совершил подвиг”*. Для рассмотрения ходатайств 21 мая 1918 г. из состава депутатов съезда была избрана специальная комиссия. Члены её рассматривали каждое отдельное ходатайство о награждении и на основании собранных материалов принимали решение о награждении той или иной наградой. На заседании Войскового съезда депутаты большинством голосов, как правило, утверждали это решение. Решение записывалось в протоколе заседания съезда, а потом проводилось в приказах по войскам Уральской области (позднее, с образованием в сентябре 1918 г. Уральской армии, приказом по армии). В приказе более подробно описывался подвиг, за который произведено награждение. Собственно вручение награды происходило, по всей видимости, ещё позже.

Первым кавалером Михайловского креста стал 33-летний есаул **Пётр Иванович Хорошкин**. Во время первого наступления красных на Уральск он командовал пограничной Каменской казачьей дружиной и отличился в нескольких боях. Постановление казаков дружины от 18 мая о его награждении было утверждено на заседании Войскового съезда 6 июня 1918 г.

П.И. Хорошкин происходил из известнейшего уральского дворянского рода и был сыном генерала Ивана Павловича Хорошкина, убитого в 1908 году социал-революционерами. Пётр Иванович с отличием окончил Николаевское кавалерийское училище, служил в уральских полках. На Германской войне командовал 1-й сотней 2-го Уральского казачьего полка, за отличия в боях с неприятелем получил чин есаула и три боевых ордена. С началом Гражданской войны П.И. Хорошкин становится одним из самых энергичных борцов с большевиками, а впоследствии - одним из лучших полковых командиров Уральской армии. К сожалению, тяжёлое ранение в мае 1919 года поставило крест на военной карьере этого офицера. Получив чин полковника, он был назначен

начальником Уральской школы прапорщиков, а потом и вовсе уехал на юг России. В 1920 году с войсками Врангеля он эвакуировался за границу, но в начале 20-х годов вернулся на родину и проживал в Уральске, а затем в Саратове - где, по некоторым данным, возглавлял подпольную офицерскую организацию. После её раскрытия органами ВЧК, был обвинён в заговоре с целью свержения советской власти и расстрелян.

На заседании Войскового съезда 15 июня 1918 г. крестами Св. Архистратига Михаила за отличие в бою при станции Шипово (8 мая) была награждена группа из четырёх казаков 1-го Учебного конного полка: вахмистр **Ф.Г.**

Кириллов, казаки **Г.Р. Чертогоров**, **А.Л. Давыдов** и **Д.Ф. Лезин**. На этом же заседании состоялись и первые награждения Михайловской медалью - пятерых казаков того же полка. Первыми кавалерами медали стали младшие урядники **И.Ф. Водеников** и **Т.Ф. Горшков**, казаки **Г.И. Бакалдин**, **П.Г. Рынков** и **Л.А. Сармин**.

Отметим, что офицеры нечасто становились кавалерами Михайловских наград, так как наградная система Уральской армии предусматривала для них и другие виды поощрений: производство в следующий чин, выражение Благодарности от лица Войска, назначение на более высокую должность и т.д. Для простых казаков такого рода поощрений было меньше (хотя и производство, и Благодарность применялись и к ним тоже). За весь 1918 год из 123 человек, награждённых крестом, было лишь 22 офицера (из них пятеро - посмертно).

Несколько особо выдающихся офицеров Войска стали полными Михайловскими кавалерами - т.е. награждёнными и крестом, и медалью. Например, полковник, командир 1-й Учебной бригады (а позднее 1-й Учебной дивизии) Уральской армии **Анатолий Петрович Кириллов** 5 ноября 1918 года был награждён Михайловской медалью, а 14 декабря - крестом. Сотник Учебного пешего полка **А.Я. Сергеев**, наоборот - сначала 30 июля 1918 г. был награждён крестом, а 4 января 1919 г. - медалью.

15 июня 1918 г. депутатами Войскового Съезда был решён вопрос о посмертном награждении Михайловскими крестами и медалями. Первым посмертно награждённым крестом Св. Архистратига Михаила стал сотник **Константин Гаврилович Беляев**. Этот офицер 1-го Учебного конного полка погиб 17 мая 1918 г. в бою под деревней Семёновкой Николаевского уезда Самарской губернии. Решение о его посмертном награждении было принято съездом 29 июня 1918 г.

Первыми посмертно награждёнными медалью Св. Архистратига Михаила стали сотник **Е.А. Агуреев** и хорунжий **А.П. Любавин**, убитые 26 мая 1918 г. во время атаки на село Любизское Николаевского уезда Самарской губернии (решение съезда от 25 июня 1918 г.).

Известен случай посмертного награждения крестами целой группы казаков. **А.Ф. Орлов**, **В.А. Шумилин**, **П.Е. Вологин** и **Н.С. Иванаев** во время конной атаки у хутора Коровина 16 июля 1918 г. *“первыми ворвались в ряды врага и в рукопашной схватке пали смертью храбрых”* (решение съезда от 24 октября 1918 г.). В целом же число посмертно награждённых было не велико.

Обычно награждения имели строго индивидуальный характер: на заседании наградной комиссии обязательно указывались фамилия, имя и отчество награждаемого, воинская часть, в которой он служит, и за что ему вручается награда. Но известны несколько исключений из данных правил. Первое относится к сентябрю-октябрю 1918 г., когда войска Соболевского фронта генерал-майора **М.Ф. Мартынова**, разгромив 2-ю советскую Николаевскую дивизию Чапаева, захватили пленных и много военного имущества (пулемёты, орудия и даже аэропланы). Один из аэропланов был захвачен Переметновской сотней Уральской армии - за что её командир урядник **Белов** был 19 октября 1918 г. произведён в подхорунжие, а на 21 казака были пожалованы три медали Св. Архистратига Михаила. Это первый пример того, как медали были выданы на группу казаков, а уж они сами между собой решали, кто из них более достоин награды. Подробности деления наград

казаками сотни, к сожалению, не сохранились.

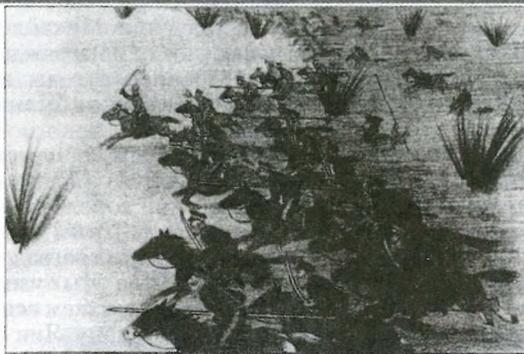
Подобный случай произошёл и с казаками 5-й сотни 1-го Учебного конного полка. Эта сотня ещё с лета 1918 года находилась в освобождённой чехами Самаре, затем участвовала во взятии отрядом полковника В.О. Каппеля Сызрани и Симбирска, была в походе на Казань. После ухода чехов сотня вернулась на Урал. Её боевая работа была отмечена особой телеграммой командующего Поволжским фронтом генерал-майором С. Чечеком. Войсковой съезд 26 октября 1918 г. решил наградить сотню двумя Михайловскими крестами и 8 медалями - казаки распределили их между собой.

Несмотря на то, что награждение Михайловскими наградами было, несомненно, очень почётно, известен случай отказа от них. Иногородние жители Уральской области Григорий Полянский и Иван Горелов в апреле 1918 г. добровольцами поступили в партизанский отряд подвесаула Н.А. Албина на Саратовском фронте. Оба были ранены при атаке красного пулемёта 26 мая 1918 г. под деревней Карловой Николаевского уезда Самарской губернии. Оба же, в числе группы других иногородцев, были награждены 25 июня 1918 года медалью Св. Архистратига Михаила. Но вскоре они обратились с просьбой заменить награду на принятие их в уральские казаки. Просьба была удовлетворена Войсковым съездом 29 июня 1918 г. Как видно из этого случая, награждённые предпочли более применимый в реальной жизни, по их мнению, вид награды.

В мае-июне 1918 года красными было предпринято очередное наступление с целью захватить столицу Войска. Ценой больших усилий и жертв, казаки смогли в очередной раз отстоять Уральск и вновь освободить территорию Войска. После этих боёв происходят массовые награждения казаков и офицеров уральских полков. Так, большая группа казаков Учебного пешего полка была награждена за отличие в кровопролитном рукопашном бою за станцию Семиглавый Мар 27 июня 1918 г. В этом же бою лихой конной атакой отличился 4-й Уральский конный полк. Несколько офицеров и казаков полка также получили Михайловские награды. За этот же период боёв был награжден крестом Св. Архистратига Михаила генерал-майор М.Ф. Мартынов - самая харизматичная и талантливая фигура в среде уральских казаков на начальном периоде войны с большевиками.

Наиболее известным эпизодом сражений за Уральск летом 1918 года стала знаменитая "атака стариков" отряда полковника Н.В. Мизинова на хутор Халилов 10 июля 1918 г. В этой атаке участвовали седобородые старики - Горынычи, многие из которых помнили ещё походы XIX века. На весь их отряд имелось всего лишь 120 винтовок, остальные были вооружены шашками, пиками, пешнями. Но это не смутило стариков. Они на полном карьере, с 6-ти вёрстного расстояния атаковали красные цепи и были рассеяны лишь подошедшими броневиками. Несмотря на неудачу, атака подняла моральное состояние в казачьих полках.

Из приказов о награждениях участников этой атаки мы узнаём имена новых кавалеров Михайловских наград. Казак Уральской станицы **И.Ф. Гутарев** получил награду за то, что *"в атаке на хутор Халилов срубил трёх красногвардейцев, был окружён восемью красногвардейцами, где был ранен ружейной пулей и тремя штыковыми ранами"*. Казак **Г. Зверев** *"срубил двух красногвардейцев и был сколот штыком"*. Казак **И. Макаров** *"убил из револьвера трёх красногвардейцев и был сильно контужен"* и т.д. В этом же бою отличились медицинские фельдшера - 1-го Учебного конного полка **С.С. Максин** и 3-го Учебного конного полка **И.В. Колузанов**. Сидор Сергеевич Максин был награжден крестом за то, что *"не обращая внимания на убийственный огонь и пренебрегая своей жизнью, спокойно делал перевязки раненым. При перевязке тяжело раненого казака Авдеева, он сам был ранен в обе руки. Не думая о своей жизни, он кончил перевязку Авдеева, а затем уже попросил подвесаула Агафонова перевязать его, после чего по приказанию*

Атака стариков под хутором Халиловым

командира ушёл в резерв". Иван Вонифатьевич Колузанов, *"находясь в передовой цепи, ободрял молодых казаков и под сильным огнем делал перевязку раненым"*, за что получил Михайловскую медаль.

После отражения наступления красных войск Учебная конная бригада Уральской армии начала преследование отступающего противника. 16 июля 1918 года произошёл отчаянный кавалерийский бой у хутора Коровина. За отличие в нём крестами и медалями была награждена целая группа казаков и офицеров 3-го Учебного конного полка.

Осенью 1918 года, после отхода на восток основных сил Народной Армии Комуча, положение уральцев сильно осложнилось. Уральская армия была вынуждена прикрывать свою территорию на широком фронте в 250 вёрст сразу с двух стратегических направлений - северного и западного. Боевые действия носили крайне ожесточённый характер. Уральцы провели ряд успешных операций против вклинивавшихся на их территорию ударных групп советской 4-й армии. Подвиги офицеров и казаков в этот период хорошо иллюстрируются сохранившимися приказами о награждениях. Среди прочих выделяется приказ о награждении крестом Св. Архистратига Михаила командира 13-го Оренбургского конного полка полковника **А.М. Булгакова**. Этот полк Оренбургской казачьей армии был направлен на Уральский фронт по просьбе Уральского Войскового правительства и отличился в октябре 1918 года в боях под Таловой.

В ноябре красные части попытались приблизиться к Уральску с северного, Соболевского направления. Встречные бои вспыхнули в районе посёлков Красный, Пономарев, станицы Соболевской. В них отличился командир Крестоносной дружины казак **М.А. Кабаев**, воодушевлявший казаков личным примером самоотверженности. Е.Д. Коновалов вспоминал про "крестоносцев": *"то пешком, в наступавших цепях, с иконами и крестами в руках, они шли под пулями вместе с молодыми казаками вперед, чтобы ободрить их в опасный час. То на конях, с крестами помещенными на пиках, с развещающимися шелковыми малиновыми платками, они двигались с конными сотнями. И дважды раненый сам, старик Кабаев ни на минуту не покидал фронта"*. По представлению генерала М.Ф. Мартынова, Мокий Кабаев был награжден крестом Св. Архистратига Михаила.

К январю 1919 года Уральская армия не смогла сдержать таранных ударов превосходящих сил противника. Были утрачены наиболее развитая, северная часть Войска и его столица. Остатки армии медленно, с боями отходили на юг - вдоль долины Урала. В тяжелейшем арьергардном бою 16 февраля 1919 г. у пос. Шапово отличилась группа казаков 7-го Уральского конного льготного полка: 6 его казаков заслужили Михайловский крест и 9 человек - медаль.

После тяжёлых поражений зимы и весны 1919 года Уральское войско нашло силы для решительной реконструкции своей политической и военной системы. 24 марта 1919 г. генерал-майор В.С. Толстов был избран Войсковым Атаманом, был установлен режим единоличной военной диктатуры, а Войсковой Съезд распущен до окончания войны.

В соответствии с приказом от Уральской армии № 231 от 21 апреля 1919 года было предписано всех казаков, оставшихся у красных, лишать Михайловских наград. Награждение же ими продолжалось.

В апреле 1919 года началось наступление Уральской армии, фронт откатился на север до границы Войска (за исключением занятого красным гарнизоном Уральска), основные силы советской 4-й армии оказались разгромленными. 22 мая 1919 г. была осуществлена реорганизация порядка награждения знаками отличия в целях их унификации. Войсковой Атаман предписал награждение крестом и медалью Св. Михаила Архистратига *"производить властью Войскового Атамана"*.

О награждениях летом-осенью 1919 года известно мало. При том надо учесть, что с мая было разрешено вручать казакам и офицерам также ордена и медали Св. Великому-

ченика и Победоносца Георгия.

Когда были произведены последние награждения Михайловскими наградами, точно неизвестно. Однако их продолжали выдавать и в феврале 1920 г., когда армия, по сути дела, перестала существовать после тяжелейшего похода с Урала в форт Александровск. Последний известный нам приказ о награждении датируется 28 февраля 1920 г. Он тем более примечателен, что описывает вручение наград иностранным гражданам - представителям британской военной миссии, совершившим поход вместе с казаками. Михайловскими крестами были награждены майор Ленокс Бретт О'Брайен (с принятием его в уральские казаки), капитаны Сеймур Броклебанк и Алан Дуглас Седдон. Сержанты Джеймс Биверс, Томас Делани и Джек

Би получили Михайловские медали. Это единственное известное нам награждение наградами Уральского войска иностранцев в годы войны. Упомянутым английским офицерам кресты были выданы в 1921 году председателем правления Яицкого Войскового банка надворным советником П.И. Чуреевым (из числа имеющих у него 700 крестов, заказанных во Владивостоке). Однако английский король не разрешил им носить эти награды...

Подводя итоги краткого описания истории Михайловских наград, остаётся выразить надежду, что когда-нибудь мы узнаем имена всех Михайловских кавалеров и сможем вспомнить совершенные ими подвиги - за Веру, Родину, Яик и Свободу.

Д. Дубровин

“Я Богу за спасение Войска молюсь...”

Имя уральского казака, героя Гражданской войны **Мокия Алексеевича Кабаева** знакомым многим. Потрясающий рассказ о нём в 1929 году оставил сотник Уральского казачьего Войска Б.Н. Киров (напечатан в 1963 году в книге Л.Л. Мяснова “Гибель Уральского Казачьего Войска”).

Кабаев был знаковой фигурой на Уральском фронте. Наш современник, уралец Н.И. Фокин в книге “Уральск православный” назвал его “последней легендой мятежного Урала”. Ещё при жизни он почитался казаками как святой, а после мученической смерти имя его было окружено благоговением. В известном “Казачьем словаре-справочнике” Г.В. Губарева Мокий Кабаев назван “подвижником Христовым”. В СССР его имя также регулярно появлялось на страницах книг, посвящённых событиям Гражданской войны в Приуралье, где его называли “религиозным фанатиком” и “духовным вождём контрреволюционного уральского казачества”.

Однако иными сведениями об этом удивительном человеке, нежели приведённые Кировым, да небольших упоминаний о нём других авторов, до недавнего времени мы не располагали.

Почти тщетны были поиски живых свидетелей жизни Мокия Кабаева - после уничтожения Войска их осталось мало, тем более к концу 20 века. Анатолию Григорьевичу Трегубову, уральскому краеведу, много лет занимавшемуся их поиском, посчастливилось услышать лишь один рассказ, который он и приводит в своей статье. Но память

о Кабаеве продолжала жить среди казаков. В краеведческом музее “Старый Уральск”, например, хранится огромная картина героя на коне, выполненная А. Астапкиным в технике пирографии (выжигания по дереву).

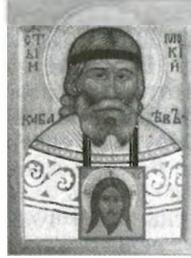
В 2001 году в вышедшей в Казахстане “Книге скорби” был приведён список репрессированных советской властью людей, реабилитированных уже в 90-е годы. Было в ней и имя нашего святого старца, и сведения, где и когда окончил он свой жизненный путь. Ко всему прочему мы узнали, что Кабаев был старообрядческим священником.

Незамедлительно от имени старообрядческой общины храма Покрова Пресвятой Богородицы Уральского в Управление КНБ Казахстана по Западно-Казахстанской области был направлен запрос о возможности ознакомиться с уголовным делом М.А. Кабаева. А среди уникальных архивных документов нас ждал ещё один сюрприз - среди прочих документов в материалах дела нашлись карандашный рисунок и, самое главное, фотография Мокия Кабаева! И это при том, что в других уголовных делах даже 30-х годов фотографии подсудимых часто отсутствуют, а дело Кабаева - аж 1921 года!

Управлением КНБ по ЗКО нам были выданы девять подлинных документов из дела Кабаева, в т.ч. и его фотография, которые в настоящее время находятся в музее “Старый Уральск”. Теперь мы имеем почти полную картину последних лет жизни легендарного героя Яика - священнослужителя Мокия Алексеевича Кабаева.

Остаётся отметить, что приводимая ниже статья А.Г. Трегубова в полном объёме была впервые напечатана в вышедшей в Уральске в декабре 2007 года книге “Уральцы в Австралии”.

Н. Гостев

Последняя легенда мятежного Урала

В судьбоносные для Российской державы годы Гражданской войны, на полях битвы за Веру, Яик и свободу просиял своей святостью и твёрдостью в борьбе с безбожниками старообрядец Мокий Алексеевич Кабаев. Его твёрдая убежденность в силу Святого Креста и Христовой молитвы поражала даже врагов.

Природный уральский казак, Мокий Кабаев родился в 1839 году. Был женат, у него были два сына и дочь. Во время Балканской войны 1877-78 годов воевал под командованием Скобелева. Жил с семьёй в посёлке Тёплый Красноумётской станицы. По сохранившимся письмам дочери можно сделать вывод, что семья его была глубоко религиозна, жила патриархальной жизнью.

Сам Кабаев обладал хорошими знаниями в духовной литературе. В бумагах, хранящихся в его уголовном деле, сохранились собственноручно сделанные им записи псалмов, молитв и цитат из духовных книг.

Как и большая часть уральцев, Мокий Алексеевич был старообрядцем. В документах 1920 года он назван священником 1 Уральского сводного казачьего полка. На допросах в органах ЧК в 1921 году он сам себя также называет священником. На единственной сохранившейся фотографии он запечатлён в рясе старообрядческого священника с наперсным крестом.

Люди, которые его не видели, а только слышали о нём, представляли Кабаева как былинного богатыря. Между тем он был невелик ростом и вовсе не могуч в плечах.

Сила его была в Вере и духовной мощи, в любви к своему народу. Вот что пишет сотник 1 Уральского учебного конного полка Б.Н. Киров в своих воспоминаниях:

“Передо мной, на великолетном белом коне, сидел небольшого роста старик. Одет он был в белый китель, синие с малиновыми лампасами шаровары и большие сапоги. Голова его была не покрыта, и его длинные, цвета пепла, седые волосы были перевязаны чёрной лентой, и только концы их слегка трепал свежий весенний ветер. На груди у него, на массивной цепи, висели серебряный восьмиконечный крест и большая икона. Его чуть сутуловатая фигура говорила о том, что он сильно устал, и, несмотря на то, что он ещё бодро сидел в седле, весь вид его не напоминал воина. Его морщинистое лицо, окаймлённое серой седой бородой, на первый взгляд, не представляло ничего особенного, и только серые глаза были интересны. В них светилась бесконечная доброта, любовь и наивность, но в них не было энергии и решительности вождя. И, глядя в эти глаза, я понял, что только его доброта, любовь и вера составляют казаков верить ему и идти на смерть”.

Однако промыслом Божиим он стал вождём - не воинским, а духовным. В 1918 году по его инициативе была организована дружина крестоносцев, вооружение которой было восьмиконечные кресты и иконы старого письма. Все они были седобородые старики - старообрядцы, крепкие в вере. Киров пишет: *“На груди каждого казака этого отряда висел большой восьмиконечный крест, а впереди отряда седой старик вёз старинную икону. Это было главное вооружение стариков, и с этим вооружением - с верой и крестом*

-они делали чудеса. С пением псалмов они шли в атаку на красных, и те не выдерживали и бежали или сдавались в плен и после становились лучшими солдатами в наших полках".

Сохранилась памятная запись обращения к командованию Уральской казачьей армии, написанная рукой самого о. Мокия Кабаева. Из неё можно узнать, что прошение о создании Крестоносной дружины было подано им в Уральский военно-полевой штаб 26 октября 1918 года. Кабаев просил зачислить его, "68-лет старика духовна", добровольцем на военную службу и объявить ("дать голос по Войску") о наборе "охотников-добровольцев" в Крестоносную дружину "под знамя нерукотворного чудотворенного образа Спасова".

По мысли Кабаева, дружина должна была делиться на четыре состава. Крестоносцы первого состава должны быть некурящие, бородачи, носить открыто на груди на лентах и шнурах восьмиконечные кресты. Крестоносцы второго состава - "вообще по слабости - нерелигиозны, курящи и с подобратами брадами". Форма для второго состава - кресты на правой груди из тесьмы и выше кокарды из тонкого белого металла, кресты формы георгиевского креста. В третий состав предполагалось зачислить "разных сектантов", форма которых соответствовала бы форме второго состава. А мусульман, буддистов (названных "бургонцами") и прочих - в четвёртый состав. Они должны были носить выше кокарды крест из тонкого белого металла георгиевской формы - такой же, как у крестоносцев второго состава.

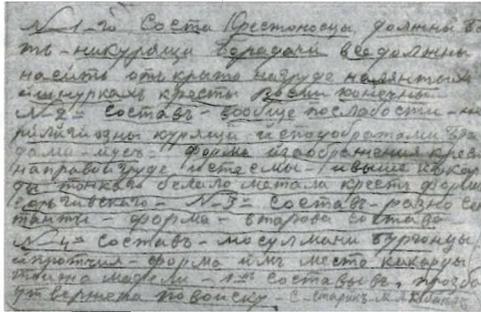
Из обращения ясно, что Кабаев хотел собрать под общее знамя борьбы с безбожниками людей всех вер - чтобы верующие люди своими молитвами и поступками помогали Войску бороться с пришедшими на войсковую землю чужаками, чтобы с пением псалмов шли впереди казачьих сотен. Кстати, что ему 68 лет, он указал умышленно (снизив себе возраст более чем на 10 лет) - чтобы ему за его преклонной старостью не отказали.

О старике Кабаеве (именно так, без указания имени и духовного звания, говорили современники; иногда называли "дедушка Кабаев") знали по всему Войску, о нём слышали и красные бойцы. Для своих он был олицетворением всего самого праведного, для большевиков - мракобесом, непримиримым врагом. Своей молитвой Мокий Алексеевич совершал то, что невозможно простому человеку. Вот одно из описаний Кирова - казаки попали под обстрел и, казалось уже, спасения не было:

"Притихли казаки, и каждый только ждал, что вот-вот придёт и его черёд, и ему придётся раненому лежать тут же и ждать новой раны.
- Кабаев едет! - услышал я чей-то голос, полный радости. И действительно на белом коне, в белом кителе, шагом он ехал по тому месту, которое не могли пройти сотни. Вокруг него, под ногами его лошади, взлетали небольшие кусочки грязи - это пулёмётные пули срывали кочки дороги. В это время вся фигура его была удивительно величественна в своём спокойствии и пренебрежении к смерти. Он медленно подъехал к сотне, слез коня, осмотрел, не ранен ли он, и отдал его подбежавшему казаку.
Казаки сами сняли шапки, а он благословил их, сняв с груди крест и икону, поставил их перед сотней и стал молиться, громко читая молитвы. Все молились с ним, забыв о том, что над головой со свистом и визгом рвутся иррапелли. Окончив молитву, он подошёл к окопам, где был караул.
Как только он показался на гребне сырта, затрещали пулёмёты, и пули с характерным свистом понеслись над нами, падая сзади нас в воду, разбрызгивая её маленькими красивыми фонтанками.
А он шёл и пел псалмы. Спустился к окопам и под свист пуль и вой гранат, начал и там свою молитву. Вернулся, перекрестил нас, сел на коня и шагом уехал.
Вскоре обстрел стал затихать, а потом и совсем прекратился.
С темнотой мы отошли в ближайший посёлок и далеко за полночь утомлённые казаки вспоминали переживания этого дня и говорили о Кабаеве. Но странно, ни один не удивлялся его храбрости, и только изредка кто-нибудь

говорил: - Ему что, его убить не может, потому он с крестом ходит!"

Сохранились свидетельства того, как М.А.Кабаев молитвами и пением псалмов останавливал обстрел вражеской артиллерии и пулёмётный огонь. Он проводил невероятными целые сотни казаков там, где, казалось, нельзя было пройти. Есаул П.А.Фадеев, очевидец тех событий, вспоминал: "Дедушка Кабаев, как в старину старцы в скитах, чуть не теми же словами ободрял казаков: "Братицы, стойте грудью за Якишуку - нашего кормильца... Не падайте духом, Господь Бог не покидает нас... Я Богу за спасение Войска молюсь... Против

текст обращения М. Кабаева

антихристовой войска мы сражаемся и Пресвятая Богородица закроет нас... Молодым казакам пешего Учебного полка он говорил: "Сынки наши, детки дорогие... Не бойтесь вы ничего, покажите, что вы казаки, покажите, что вы не хуже отцов, дедов наших героев Горьничей... Спасителя молю и он вас защитит и закроет... Не бойтесь ничего... Завтра он (красные) будет из батарей стрелять по вас, а снаряды вьются не будут... И мы его погоним..."

И представь себе, что это так и было - рассказывал мне уже в эмиграции войсковой старшина А.И.Потапов".

Об этом случае на Соболевском фронте есть и статья самого Кабаева "Письмо с фронта" - в газете "Яицкая воля" (13 (26) октября 1918 г.):

"С нерукотворным образом перед боем 3 ноября пешком ходил я по фронту и поддерживал воинов, ободряя защитников. Казаки целовали икону, крестили окопы и оружие. Помолвившись, казаки с облегчённым сердцем ринулись в бой.

"Братицы - говорю я - считайте и меня защитником. Я с иконой буду впереди. Слушайте ваших начальников: они откроют вам путь наступления. Ещё сегодня враг устрасится и мы погоним его силой Божьей и нашим победоносным оружием, оросим же шапки вражеской кровью!"

В первой атаке поддерживал дух наступающих, едва успевая за ними.

Снаряд, благословленный образом нерукотворным, попал в цель. Враг смутился. Бой был удачен для нас.

Отправившись на хутор я помолвился Чудотворному образу, читая акафисты Богородице и Архангелу Михаилу. Жители встречали образ со слезами, молились и провожали образ 6 вёрст. Я поздно прибыл на ночлег в Каменный, где снова помолвился за всё православное воинство.

С нами Бог!"

Ещё одно важное свидетельство о деятельности святого старца - в 1919 году в книге "Уральцы. За полтора года борьбы" есаул Уральского войска Е.Д.Коновалов писал: "За генералом В.С.Толстовым, который стал ещё более популярным и являлся действительным походным атаманом уральцев, казаки и солдаты шли охотно. В станциях при проездах ему устраивались трогательные встречи. Руководитель крестоносной дружины, старик Кабаев, благословил его на подвиги старинной иконой.

Старик Кабаев был представителем того казачества, которое с особой горячностью отнеслось к посягательствам комиссаров и красноармейцев на веру, которое начало на них крестовый поход.

Глубоко религиозные в массе, уральские казаки были крайне возмущены тем, что они читали в наших листках об отношении к вере красноармейцев, и тем, что они видели собственными глазами. Они видели трупы расстрелянных священников; они видели опозоренные церкви; они слышали от красноармейцев Покрово-Туркестанского полка, перешедших на нашу сторону, что красноармейцы из церковных риз делали попоны своим лошадям и всячески старались надругаться над какой либо религией; они видели разбитые снарядами церкви и сами собирали иконы, разбросанные красноармейцами в домах казаков и в церквях, как, например, это было в поселке Джемчинах. И, глубоко возмущённые, и в то же время глубоко верующие, они составили тот отряд, который стал называться крестоносной дружиной, отряд старика Кабаева.

Этот отряд, возникший ещё до падения Уралья, дал ряд подвигов со стороны входивших в него казаков. То пешком,

в наступавших цепях, с иконами и крестами в руках, они шли, под пулями, вместе с молодыми казаками вперед, что-бы ободрить их в опасный час. То на конях, с крестами, помещёнными на пиках, с развевающимися шелковыми малиновыми платами, они двигались с конными сотнями. И дважды раненый сам старик Кабаев ни на минуту не покидал фронта.

Всюду, в опасный момент, видели казаки его седую непокрытую голову и икону с которой он не расставался...

Отряд понёс потери. Были ранены казаки, и по глубоко трогательному донесению старика Кабаева, в одном из боев "был ранен в десницу святой Николай Чудотворец", прострелена икона, особо чтимая и Кабаевым, и почившим Матвеем Филаретовичем Мартыновым. Но отряд не распадался и сопровождал казаков. Этот-то старик Кабаев и благословил нашего Атамана".

Не только личная решительность, но и благословение святого старца помогло В.С.Толстову собрать силы войска в кулак и совершить, казалось, невозможное - почти полностью очистить территорию Войска от красных.

Казаки говорили о дедушке Кабаеве:

- С ним не страшно... Потому он с крестом и молитвою ходит. Как скажет "Не бойся, сынок", - так тебя ни пуля, ни шрапнель не возьмёт. Иди куда хочешь. Только вот ругаться не велит. Как говорит, выругался, - так она и тряснет!..

За заслуги по защите родного края Кабаев по решению Войскового съезда был награждён орденом "Крест Святого Архистратига Михаила".

А вот свидетельство красного бойца (из материалов дела): "Вообще Кабаев среди контрреволюционного казачества слыл сильной личностью, чуть ли не святым, почему многие его слушали как умного человека. Он своей преданностью контрреволюции отличался и был известен по всем уюлкам тогда ещё Уральской области". Ещё один красный боец пишет, что видел "его в январе 1919 года, когда он ехал по Оренбургской улице, возвращаясь с фронта с большой иконой на груди и медным крестом в руках. Всех встречных он благословлял и были случаи когда при встречах не снимали шапок, то били казаки нагайками, его сопровождало несколько человек вооружённых всадников... Среди казачества он слыл за легендарного героя - святого и он пользовался широкой популярностью как среди казачьих масс, а также войскового правительства".

Генерал-майор Красной Армии М.К.Сериков, в 1918 году помощник командира роты, затем командир Балашовского полка и участник походов на Урале, в книге "Боевые годы" писал: "Была организована "священная" дружина. Во главе её был поставлен старик Кабаев... Создавались особые ударные "иисусовы полки", казаки надевали на пики иконы Георгия Победоносца. Дразнили белоказаки с неописуемым упорством".

Вот так: и друзья, и враги считали Мокия Алексеевича символом борьбы с большевиками. Хотя он был старо-

обрядческим священником Белоокриницкой иерархии, под его благословение склоняли головы абсолютно все уральские казаки - и христиане, и даже мусульмане и буддисты.

На фото Мокия Алексеевича чётко виден образ на его груди, на котором изображён Михаил Архангел, попирающий ногой низвергнутого сатану. Символично, что именно Архистратиг Михаил Архангел - предводитель Небесного воинства - с незапамятных времён являлся и является небесным покровителем уральских казаков. С приспешниками сатаны на земле вёл свою борьбу Мокий Кабаев. Оружие его было страшно для одержимых бесом безбожников - ведь это были Святой Крест и молитва...

Борьба с большевиками была для уральцев неравной - казаки погибали и не было им замены в строю, а красные получали новое и новое пополнение, а уж о превосходстве в вооружении и слов нет. Тем не менее, почти два года сражались уральцы. Большая часть Войска погибла, не сломленная духовно, причём основной причиной победы красных стала гибель строевых частей в результате

развившихся в отступающем Войске эпидемий.

Во многих боях побывал Мокий Алексеевич, долго его не брали пули. Но всё же в 1919 году в одном из боёв под Уральском он получил ранение в обе ноги. Б.Н.Киров пишет: "Вечером, когда я сидел с другими больными на палубе, к нам подошёл на двух костылях старик, в халате, с непокрытой головой, перевязанной чёрной лентой. Я узнал Кабаева.

Он подошёл и сел рядом. Обе ноги его были забинтованы. Я заинтересовался, как он был ранен, и он мне рассказал, как он шёл в цепи, наступающей на занятый большевиками Уральск, как около него убили казака и как он выругал красных - "у, проклятые!" - и сейчас же был ранен в ногу. Но он продолжал идти. Убило второго казака около него, и ему стало страшно; как только почувствовал он страх, так упал, раненый в другую ногу.

- Никогда не ругайся, сынок, и не бойся в бою, а иди с молитвою, и Господь сохранит тебя, - закончил он свой рассказ".

Из Гурьева Кабаев был переправлен на лечение в город Петровск (ныне Махачкала), откуда в Новороссийск, затем в Салоники. Об этих перемещениях по госпиталям он сам говорил во время допросов в ЧК. Кроме того, сохранилась отчётно-осведомительная карточка, заполненная в госпитале Белой Армии, согласно которой о. Мокий поступил в госпиталь 24 февраля 1920 года с тяжёлым пулевым ранением и был эвакуирован 7 марта 1920 г. На него был выписан пропуск на пароход "Брюэн" (также сохранился) для доставки в английский госпиталь в греческом городе Салоники.

Но там он пробыл недолго, ибо поразило его безбожие англичан - настоял на возвращении в Россию. Уже в июле 1920 года Мокий Алексеевич был в Крыму - о чём свидетельствует удостоверение беженца, выданное 2 июля 1920 г. в Севастополе.

О севастопольском периоде жизни о. Мокия Кабаева есть свидетельство Кирова:

"Он был на костылях, с непокрытой головой, в каком-то больничном халате, с восьмиконечным крестом на груди.

Прохожие принимали его за нищего, и некоторые подавали ему свои гроши, но он их не брал. Я подошёл к нему, он меня не узнал, а когда я сказал, что я - Уралец, он заволновался и начал быстро-быстро рассказывать мне, что хочет собрать крестоносцев и идти освободить Россию и родное Войско.

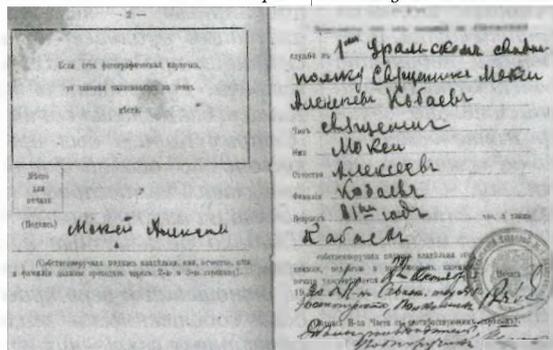
Я начал расспрашивать его, как он попал сюда, и услышал целую историю, как его увезли на Кавказ лечить раны, затем куда-то за море, он мог сказать, сказал только, что там были англичане, которые в Бога не верят, и его кипарисовые крестики, которые он делал и давал им, они не брали совсем или не носили на груди как надо. Рассказал, как в море, во время бури, он молитвою спас корабль от крушения, и, наконец, что скучно ему стало по родной России и по Войску и он со слезами упрямил привезти его на родину.

Долго мы стояли у церковной ограды, и прохожие с удивлением смотрели на нас.

Потом я узнал, что его в Севастополе многие знали, да и сам я часто видел его после на базаре. Он стоял где-нибудь, окружённый небольшой кучкой народа, и призывал вооружиться крестом и идти против сынов антихриста. Но то, что можно было сделать на Урале, было невозможно в Севастополе. Толпа мелких торговцев и крупных спекулянтов не поняла его и считала юродивым, и около него, проповедника веры, сытались шутки и базарная брань.

Только изредка какая-нибудь женщина, протягивая ему стонущую бумажку, говорила: - "Помолись, родной, о душе новопреставленного воина..." - Он не брал денег, но вынимал старый потертый поминальник и дрожащей рукой вписывал туда имя убитого".

22 октября 1920 г. о. Мокию был выдан военный паспорт за № 264: "Предъявитель сего есть состоящий на действительной службе в 1-ом Уральском сводном полку священник Мокей Алексеев Кобаев. Чин: священник. Имя: Мокей. Отчество: Алексеев. Фамилия: Кабаев. Возраст:

Военный паспорт с подписью М. Кабаева

81-ый год". Далее следуют записи о получении им в течение года денежного довольствия.

В ноябре 1920 года боевые части Вооружённых Сил Юга России покидали Крым. Вместе с армией генерала Врангеля уходило в эмиграцию и огромное количество гражданских лиц.

Кабаев уже знал, что не сможет прожить в безбожной Европе. Он укрылся в Херсонесском монастыре, где сумел избежать ареста и казни.

Когда жизнь в Крыму немного успокоилась, 15 апреля 1921 г. о. Мокий обратился к коменданту Севастополя с просьбой выдать ему железнодорожный билет до Уральска. В заявлении он, конечно, обязан был указать причину появления в Крыму - и написал, что был на излечении ран, полученных на Германской войне.

4 мая 1921 г. Бюро пропусков при В.К.П. Особого отдела побережья Чёрного и Азовского морей В.Ч.К. выдало Кабаеву пропуск на проезд из Севастополя до Уральска; цель поездки - "на родину". Треугольная печать на пропуске плохо читаема, можно разобрать только слова "Особый отдел" и "Севастопольское". На обороте - отметка о выдаче билета 3 класса до Уральска. Но, самое главное - на пропуск была прикреплена фотография Мокия Алексеевича! Благодаря пропуску и карандашному рисунку, сохранившемуся в деле, мы можем видеть образ святого старца.

Он вернулся в Уральск через два с лишним года после того, как покинул его, но уже под конвоем. Арестовали его в Харькове, можно сказать, случайно. 19 мая он попал на глаза помощнику начальника отделения Харьковской железнодорожной милиции Королёву, обратившему внимание на незнакомого священника, ехавшего на телеге в направлении железнодорожного вокзала. Священника задержали.

Во время обыска выяснилось, что в руки милиционеров попал бывший священник 1 Уральского сводного полка. Личные документы, обрывки записок навели чекистов на мысль, что к ним попал необычный человек. У Кабаева были также найдены крупные суммы денег армии Деникина - соответственно, родилось обвинение в участии в "контрреволюционной банде Деникина". Милиционеров не интересовали объяснения Мокия Алексеевича о неведении, что деньги эти не имели хождения в Советской России: "... я не знал что оне отменены. Спросить было и советоваца не с ким я глух со мною ниохотно разговаривали".

14 июня 1921 года Кабаев был доставлен в Уральск для дальнейшего разбирательства. Из Уральской тюрьмы ему уже не довелось выйти. В июне-июле прошло скоротечное следствие.

Обвинения, что Кабаев был инициатором вынесения смертных приговоров ряду большевицких агитаторов и участвовал в расправах над пленными, конечно, были голословными. Сам Кабаев говорил, что это противоречит его религиозным убеждениям: "Вообще я никогда не отдавал распоряжения не убивать, расстреливать, рубить, сечь нагайками, я даже никогда не видел, чтобы другие при мне делали это. Мною не никогда не было дано распоряжение о том, чтобы повесили урядника Сармина ибо это бы расходилось с моими религиозными убеждениями. Я лично в руках никакого оружия не держал и вообще все иконостазы, которые находились при мне ни один не имел оружия". Да и верно! Ему, как священнику, запрещено брать в руки оружие. Оружием праведного старца были икона, крест и молитва. В руках его сподвижников тоже были не винтовки и пашки, а пики, на концах которых, вместо острия, были восьмиконечные кресты да иконы.

Но большевикам вовсе не нужна была правда. Они знали, что в их руках авторитетный для тысяч уральских казаков человек. В это время на земле Уральского войска ещё продолжалась война. В конце 1920 года после короткого затишья вновь начались бои. Это была вспышка народного гнева, порождённая проразвёрстками и безумной жестокостью большевиков. Существовало множество разрозненных отрядов, воевавших партизанскими методами.

Они уничтожали представителей новой власти, отбирали продовольствие у продотрядчиков. В некоторых районах советские чиновники просто боялись появляться. Кабаев мог стать силой, которая бы укрепила дух борцов с советской властью, возглавить сопротивление в Приуралье.

В его деле чекисты писали: "Что "святой отец" не мог разделить участь барона Врангеля и остался ожидать там более благоприятных дней. Скрывался в Херсонесском монастыре, а потом, наверное, услышав о благоприятной почве - развишемся бандитизме на Урале, то он решил протраться туда". В заключение дела - вывод: "Кабаев является злостным, неисправимым контрреволюционером в своё время в Уральской контрреволюции, игравшим громадную роль, влияя на массы, отравляя их пролетарское самосознание религиозным ядом, пользуясь со стороны масс громадной популярностью, что дало возможность контрреволюции использовать для своих же выгод".

Следствие - всего месяц и три дня. Постановлением Уральского ГубЧК от 17 июля 1921 года М.А.Кабаев был приговорён к расстрелу. Приговор утвердил 6 августа в Москве Президиум ВЧК. 18 августа дело возвратилось в Уральск, и в 12 часов ночи 19 августа 1921 года Мокий Алексеевич был расстрелян вместе с двумя другими казаками.

Видимо, желая лишний раз подчеркнуть своё безбожие, расстрел чекисты назначили на праздник Преображения Господня. Они вообще довольно часто расстреливали людей в дни Великих православных праздников...

Реабилитирован М.А.Кабаев был 10 декабря 1999 года постановлением прокуратуры Западно-Казахстанской области (бывшей Уральской) - на основании того, что решение о его расстреле было принято внесудебным органом. На протяжении 78-ми лет человек, отдавший свою жизнь за Христову веру и родной Яик, считался врагом народа, его называли реакционером и распространяли всяческие небывлицы о нём.

От себя добавлю: много лет опрашивая очевидцев событий Гражданской войны, спрашивал и о Кабаеве. Только один человек сказал, что видел его живым - ныне покойный Александр Павлович Емелин, которому в 1918 году было 12 лет. Он рассказал, что занимался чем-то во дворе, когда по улице пронёсся крик:

- Кабаев едет, Кабаев едет!..

- Я выскочил со двора, - сказал Александр Павлович, - а он уже мимо нас проезжает. В пролётке сидел старик. Видно, что уставший совсем. Потом люди рассказывали, что приезжал он по каким-то делам в Собор Михаила Архангела.

У Л.Л.Масянова в книге "Гибель Уральского казачьего войска" есть такие строки: "Старообрядец старик Кабаев организовал крестonosную дружину человек до 60-ти. Для этой цели он взял из Старого собора образ Христа Спасителя и возил его у себя на груди, остальные имели пики с восьмиконечным старообрядческим крестом или медный крест на груди". Был ли описанный Емелиным приезд в Уральск Кабаева именно тем случаем, когда он брал образ из Собора Михаила-Архангела, я утверждать не могу. Однако это вполне возможно...

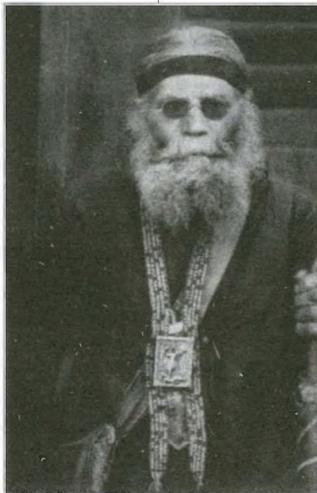
Прошло много лет со дня расстрела великого молитвенника за Веру, Родину, Яик и свободу, но в народной памяти живы рассказы о легендарном старце, который с крестом и молитвой вёл казачьи полки на вражеские пушки и пулемёты.

Б.Н.Киров писал в 1929 году: "А может быть, через много лет, где-нибудь на берегу Урала или в широких уральских степях седой старик, сидя у костра, будет рассказывать своим внукам о великих подвигах Войска и вспомнит Кабаева и скажет:

- Да, с ним было не страшно... Потому, он с крестом и молитвою шёл..."

Чудеса, совершённые силой молитвы священника Кабаева, не будут забыты, пока будет жив хоть один уральский казак!

А. Трегубов

о. Мокий Кабаев

Тайны "красного Дон-Кихота"

Официальные сведения о жизни красного "героя" таковы: **Лазо Сергей Георгиевич** (1894-1920) - левый эсер, с 1918 года большевик. В 1917-м председатель солдатской секции Красноярского совета, командир отрядов Красной гвардии и революционных солдат, начальник гарнизона и военный комендант города. В 1918 году командующий Забайкальским фронтом. С осени 1918 г. член подпольного Дальневосточного обкома РКП(б), командующий партизанскими отрядами Приморья, начальник объединённого оперативного штаба по подготовке восстания во Владивостоке в январе 1920 г., потом член Военсовета Временного правительства - Приморской областной земской управы, член Дальбюро ЦК РКП(б).

Официальная версия гибели Лазо была такова: в ночь на 5 апреля 1920 г. схвачен японцами, выдан белым, а те-де бросили его вместе с Всеволодом Сибирцевым и Алексеем Луцким в топку паровоза. Остальные подробности варьировались - от рук каких белогвардейцев погиб красный командир, на какой станции, как он там оказался...

Между тем при пристальном рассмотрении история открывается преинтересная.

От романтизма до большевизма

Сергей Лазо родился в 1894 году в Бессарабии, а погиб через 26 лет за тридевять земель ради утопической идеи коммунизма. Выходец из богатой дворянской семьи, получил образование на физмате МГУ, но в начале мировой войны был мобилизован. В 1916-м в чине прапорщика попал в Красноярск, где вступил в партию эсеров. Говорят, Лазо с детства отличался максимализмом и "повышенным чувством справедливости".

Весной 1917 года 20-летний романтик приехал в Петроград депутатом от красноярского совета и увидел Ленина. Радикализм вождя очень понравился Сергею, и он стал большевиком. Вернувшись в Красноярск, возглавил мятеж. В октябре 17-го комиссар Временного правительства телеграфировал оттуда в Питер: "Большевики заняли казначейство, банки и все правительственные учреждения. Гарнизон в руках прапорщика Лазо".

Атаман Семёнов был ему не по зубам

Интересно, как молодой прапорщик командовал армиями? По версии советской исторической науки, в 1918 году, когда партия направила Лазо в Забайкалье, он там разбил атамана Семенова. На самом деле всё было иначе. Лазо бился с Семёновым полгода, но так и не смог его победить. Несколько раз оттеснял его в Маньчжурию, но атаман вновь переходил в наступление и гнал Лазо на север. А летом 18-го зажатый в клещи Семёновым и чехословаками Лазо бежал из Забайкалья. Он не мог разбить атамана в принципе. Семёнов в Даурии был фигурой значительной и пользовался поддержкой населения, а Лазо там никто не знал. А армия Лазо имела отрицательный рейтинг по причине её криминальной направленности. Отряды её были укомплектованы пролетариями, голытьбой и, самое главное, уголовниками из читинской тюрьмы - большевики освободили их с условием, что те перейдут на сторону революции. "Блатные" доставляли немало хлопот самому Лазо несанкционированными "реквизициями" у населения, но с этим приходилось мириться - на счету был каждый человек.

Бандерша и принцесса

В отряде Лазо были две комиссарши. Одна из них, Нина Лебедева, была приёмной дочерью бывшего губернатора Забайкалья, по натуре авантюристка. Гимназисткой вступила в партию эсеров, участвовала в левом терроре, затем переметнулась к анархистам. Лебедева и командовала в отряде Лазо, состоявшем из преступного элемента. Маленького роста, в кожаной куртке, с огромным маузером на боку, она общалась с братвой исключительно по фене. Бывшие партизаны вспоминали, как она ходила перед расхристанным строем и толкала речь, пересыпая её таким матом, что даже уголовники цокали языком.

Вторая комиссарша - её прямая противоположность. Ольга Грабенко, красивая чернобровая хохлашка, очень нравилась Лазо. Они поженились. Но молодым не повезло. На следующий день после свадьбы отряд попал в окружение, Сергей и Ольга бросили его и пытались

скрыться в Якутске. Но, узнав, что там произошёл белый переворот, отправились во Владивосток.

Всё равно, где партизанить

В Приморье у власти находились белогвардейцы и интервенты, поэтому Лазо прибыл во Владивосток нелегально. Впрочем, об этом стало известно, и за его поимку атаманом Семёновым была обещана крупная сумма. Тогда большевики направили его в глубь края - для работы в партизанских отрядах. Чем конкретно занимался Лазо среди партизан, официальная история умалчивала, но сохранились воспоминания местных жителей.

Одну из таких историй поведал тележурналист Михаил Вознесенский. В конце 1970-х группа краевого ТВ снимала очередной сюжет о красном командире. Приехали в Сергеевку, где жил старик, видевший Лазо. Настроили камеру: ну, дед, давай. И дед дал!..

- Ага... Пацаном я был. Приехал в наше село Лазо. Мы все, пацанята, прибежали, на плетне расселись, ждём. Партизан собрали и позвали Лазо. Он вышел на крыльцо. Высокий, в шинели, папаха - во! Шашка - во! И речь толкнул...

- А что он сказал, дедушка, не помните?

- Как же не помню? Он сказал: "Партизаны, е** вашу мать, хорош мужиков грабить!.."

Роковая ошибка

В начале 1920-го, когда стало известно о падении в Сибири Колчака, владивостокские большевики решили свергнуть колчаковского наместника генерала Розанова. Как стало ясно позже, это была ошибка Лазо и его соратников. Штурмовать Владивосток, заполненный японскими войсками, было сродни самоубийству.

Тем не менее 31 января несколько сотен партизан заняли город по известной схеме: вокзал, почта, телеграф. Поначалу японцы оставались лишь наблюдателями и были спокойны: в городе их, по разным оценкам, было 20-30 тысяч, а красных - всего пара тысяч. Но тут Лазо сделал ещё одну роковую ошибку, решив провозгласить в городе советскую власть. Соратники еле уговорили его не делать этого, но в ход событий вмешались старые друзья Лазо - анархисты и его бывшая комиссарша Нина Лебедева...

В февралье отряд анархистов под командованием Якова Тряпицына и Лебедевой занял Николаевск-на-Амуре, провозгласив Дальневосточную Советскую Республику, а Тряпицын объявил себя диктатором. Затем красные отморозки приступили к строительству коммунизма "в отдельном взятом районе". Выразалось это в том, что бойцы Тряпицына и уголовники отряда Лазо проводили тотальную конфискацию имущества и расстрелы "буржуазии" - то есть всех, кто не выглядел окончательным оборванцем.

Запуганные обыватели запросили помощи у японского гарнизона. В ответ тряпицынские головорезы перерезали в Николаевске всех японцев, а затем начали сплошное уничтожение "врагов народа". Спешно подошедшие к Николаевску войска обнаружили лишь пожарище. Анархисты сожгли город и расстреляли всех, кто не захотел уйти вместе с ними. "Николаевская баня" так испугала японцев, что они без предупреждения выступили против партизан во всех городах Приморья и Приамурья.

Арест и исчезновение

Лазо знал о событиях в Николаевске, но не сделал ничего, чтобы предупредить выступление японцев или позаботиться о собственной безопасности. Правда, он носил с собой фальшивые документы на имя прапорщика Козленко, но это не помогло - его хорошо знали в лицо. Это говорит о чём угодно, но только не о его таланте руководителя. Он был и остался романтиком от революции, умевшим говорить яркие речи, зажигавшие толпу - и не более того...

Выступление японцев произошло в ночь на 5 апреля 1920 г. Арестовали почти всех большевицких лидеров. Лазо взяли прямо в здании бывшей колчаковской контрразведки на Полтавской, 6 (ныне Лазо), куда он шёл ночью уничтожать документы. Несколько дней его держали там же, но 9 апреля вместе с Сибирцевым и Луцким увезли в сторону Гнилого угла. Ольга Лазо бросилась в японский штаб, но там сказали, что "прапорщик Козленко переведён на гауптвахту на Беговой". Но и там его не оказалось...

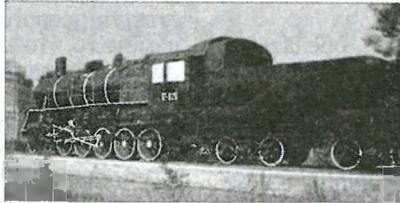
Загадка смерти

Слухи о гибели Лазо стали распространяться лишь через месяц, а в июне об этом стали говорить как о факте. Вско-

ре появилась и конкретная информация. Итальянский капитан Клемпаско, сотрудник "Джапан Кроникл" (не только журналист, но и сотрудник разведки - а потому сведения, переданные им, обладают высокой степенью достоверности), рассказал, что Лазо был расстрелян на Эгершельде, а его труп сожжён. Сообщение перепечатали газеты. Но большевиков такая версия не устроила, и они решили сочинить более красивую.

В сентябре 1921 года объявился некий машинист паровоза, который в мае 20-го якобы видел на станции Уссури (ныне Ружино), как японцы передали казакам отряда Бочкарёва три мешка. Оттуда вытащили людей, "похожих на товарищей Лазо, Луцкого и Сибирицева", и пытались заголокнуть их в паровозную топку. Те сопротивлялись, завязалась потасовка(?). Тогда казаки просто пристрелили арестантов и засунули в топку.

Эта история пересказана тысячу раз, но никогда не называлось имя её автора. Вероятно, его и не было, потому как троллер придуман явно по заказу и не выдерживает критики. Здоровенный мужчина, каким был Лазо, плюс

ещё двое его соратников никак не могли поместиться втроем в топке паровоза 1910-х годов выпуска. Не удосужились сочинители и договориться, на какой именно станции всё это происходило. Безымянный машинист указал на Ружино, но затем откуда-то взялась станция Муравьёво-Амурская (ныне Лазо)... И зачем бы японцам вообще везти Лазо бочкарёвцам, за сотни километров, по местам, кишевшим партизанами? Впрочем, большевиков такие детали и не интересовали...

А в 1970-х годах возник ещё исторический казус: в Уссурийске установили паровоз, в топке которого якобы и сожгли Лазо. Но на постаменте оказался... американский локомотив 30-х годов выпуска!

Ну, а самому по себе рождению мифа о Лазо есть методологическое обоснование. Легенда о его гибели хорошо вписывалась в советскую схему гражданской войны: лучшие из героев всегда погибают. И чем страшнее их смерть, тем поучительнее пример для потомков!

С. Корнилов
(сайт "Ежедневные новости", Владивосток)

Казаки в Персии в начале XX века

Наши читатели, наверное, помнят очерки из книг "Генерал-сотник", "Неизвестный Поход" и "Корпус генерала Баратова" (с главой о Персидской Казачьей Е.В. Шаха бригаде), печатавшиеся в "Станице" в начале 2000-х гг. Все эти работы вошли в новую книгу "Казаки в Персии. 1909-1918", только что изданную в Москве. Переработанная, дополненная неизвестными ранее документами, с биографическими справками практически на всех офицеров, упоминающихся в тексте, множеством фотографий, - книга даёт наиболее полное представление о военном присутствии России, её казачьих частей в Персии в начале XX века.

Ниже помещаем рассказ из книги о семье семиреченского казака, оставшейся в Персии после окончания гражданской войны. Имя написавшего его в эмиграции казака пока не установлено. Оставшимся в Персии - мужчинам и женщинам - была закрыта дорога домой, и каждому приходилось устраиваться в новой жизни...

П. С. (К)

1908 год. Офицеры 1-го Полтавского полка. В центре, слева от командира полковника С.Д. Семеновского - сотник В.Г. Науменко (в белой черкеске).

Казачка

Тегеран - столица Ирана. После второй мировой войны он неожиданно оказался на перекрестке всех дорог, воздушных линий. Все великие, и даже малые, державы вдруг воспылали желанием культурно сблизиться с ним. То ли его такое выгодное географическое положение, то ли потому... Иран занимает, говорят, второе место по нефтяным богатствам. Все великие мира побывали в Тегеране...

- Вот эта настоящая леда! - слышу я разговор в среде дипломатов, встречающих очередного сильного мира.

По трапу из авиона опускается стройная, скромно, но с большим вкусом одетая дама. Фамилия её довольно громкая. Муж занимает одно из центральных мест в Англии.

С высоким чиновником из министерства иностранных дел дама говорит по-персидски.

- Прекрасно! Если вы меня совершенно понимаете, значит, не забыла. 27 лет ни слова не сказала по-персидски... Юность моя прошла в Персии...

- Опять твой хахаль идет, - сказала мать, неся в подол сор, выметенный из комнаты.

- По шею придется ему дать, кобелю проклятому! - заворчал отец, наващивая драгу.

Он чинит туфлю младшей дочери. Наташа не проронила ни слова. Она быстро смахнула набежавшую слезу обиды и, приветливо улыбаясь, встретила на пороге маленького коридорчика раннего на сегодня гостя.

- Извините, май дарлинг Натали, что я сегодня не в урочный час. Сегодня банк закрыт, и я хочу предложить вам после урока совершить прогулку верхом... Я уже Джаффару туркмену приказал подать сюда лошадей к 10 часам.

- А если я откажусь?

- О, эту фразу вы сказали прекрасно! Я горд: моя ученица делает большие успехи. Великолепно! Но почему бы вам отказаться?..

- Но веди его в столовую, не держи эту глисту в коридоре, на проходе! - слышался недовольный голос отца с кухни. Мать вернулась со двора, вытирая о фартук руки. Джордж,

виновато улыбаясь, протянул ей руку. Неумело, накрахмаленной ладонью ответила она на рукопожатие.

Познакомились они полгода тому назад на крытом базаре. Наташа в сопровождении своего отца покупала себе туфли-шлёпанцы. Она сняла свой туфель, чтобы примерить новый. Проходивший перс ударом ноги отшвырнул её туфель, другой повторил удар, и так пропал бы туфель. Отец не посмел побежать за туфлем, ибо в его отсутствие персы оскорбили бы Наташу.

Это были дни, когда персы, подзадоренные большевиками, стремились освободиться от капитуляции и всеми способами хотели показать свою ненависть к европейцам. Конечно, к англичанам они проявить её не могли - за ними стояла сила. К русским же безнаказанно, напротив, новые властители России даже поощряют. А тут ещё отец Наташи - вчерашний braveйший вахмистр Семиреченской бригады, казак, вчера ещё наводивший страх на персов... Почему не лягнуть ослабевшего льва?

Хозяин лавки, российский турок, бросился на поиски туфли. Его остановил молодой человек, фаренги, европеец. Улыбаясь, он подал туфлю Наташе. Наташа смугилась. Вахмистр пожал руку молодого человека с такой благодарностью, что чуть не переломил его пополам. Они пошли вместе с базара. На ломаном персидском языке с режущим слух акцентом он представился вахмистру и Наташе. Он банковский клерк, англичанин, он очень любит русских и, если позволят, он с большим удовольствием навестит их дома и просил бы потом выпить чаю у него, в его квартире. Понять было трудно. Вернее, вахмистр совершенно не понимал, о чём баритонит "эта глιστα". Переводила Наташа. Прожив шесть лет в Персии - ей было 15-ть - она, как все дети, быстро усвоила новый для неё язык со всеми его нюансами и провинциализмом.

- Зови его к нам обедать... пусть мать посмотрит, кто наш теперь покровитель!

Вахмистр с досады даже плюнул и высморкался на

сторону. Англичанин приглашение принял.

- Ах, Наташа, да ты с ума сошла, што ль?.. обедать! Да куды-ж его посадить?

- Батя, - шмыгала носом младшая Апроська, - погляди, он, как Петька Фролов, на ходулях! Ну-у, и длинный!

- Глиста, - сказал вахмистр.

Англичанину всё нравилось в доме Наташи. И две пирамидки подушек на кровати, таких чистеньких, с кружевными прошивками, и так подогнанных: одна меньше другой, настоящая пирамида. И белоснежное, с синевой, тканевое покрывало на кровати, и пузатый коричневый комод, и ярко начищенный самовар с чайником под вязаным колаком. Его ни капельки не смущало, что тут же при этих пирамидах накрыт стол для обеда. Впервые он ел борщ со сметаной, ел деревянной ложкой, лакированной, в цветочках, видел, как остальные ели тот же борщ, но из глубокой эмалированной миски. Временами его взгляд встречался с Наташиным, и он чувствовал в ее взгляде теплоту, симпатию, ласковость.

- Спроси его, - говорит вахмистр, - идравятся наши харчи?

Клерк был в восторге. Он был в восторге ото всего. До курного в веснушках носа Апроськи. Мать Наташи наложила ему целую горку вареников с творогом и обильно залила подогретой, зарумяненной сметаной.

- Скажи ему, Апроська, ты шибкая в персидском, пусть уж простит мне: творога-то настоящего нема здесь, из ихнего панира делаю... Вот, если Бог даст, к нам в Семиречье поедем, там я его настоящими варениками накормлю!

- А как вареники по-персидски? - шмыгая носом, спросила Апроська, - я не знаю.

- Ну, скажи как-нибудь.

И поглядела по волнистым огненно-рыжим кудрям клерка. Шершавая, полная материнской ласки рука оказалась в веснучатой длинной, с тонкими длинными пальцами, ладони клерка. Он почтительно её поцеловал.

- Ишь ты, он тебя за княгиню принял! - объявил вахмистр. - По вкусу, значит, вареники пришлись.

Так началось знакомство. Тяжёлые дни, полные упрёков, слёз, укулов самолюбия выпали на долю Наташи. Вахмистр органически не выносил веснучатого длинного англичанина, ещё совсем юного.

- Добра от англичан ещё никто не видел, - говорил он жене, - гони в шею эту глисту!.. Испортит девку - и только! Лови тогда кобеля в поле!.. Очень ей нужен аглицкий язык!

Мать тяжко вздыхала, но супротивничала отцу. Характер крутой, а сердце доброе. Знала, Джордж ей очень по душе пришёлся. "Господь сына не дал, - штопая чулки в комнате, где Наташа брала уроки у "хахалы", чтобы "глаз иметь" на молодых, раздумывала мать, - другой веры... но он и православным станет, если Наташа прикажет... она-то только овечка - характера ни на грош".

Наташа в английском делала неожиданные успехи.

- У вас, Натали, акцент лучше моего! - восхищался Джордж. "От одной влюблённости к другой, - писала ему мать, чопорная, сухая леди, полная фамильной гордости, - вы забываете, вас послали в Персию, чтобы спасти ваш род, чтобы оторвать от недостойной вас девушки... Увы! Забыв одну, вы позволили себе влюбиться в другую! В кого?.. Смешно звучит ваша фраза: "казаки-рыцари, викинги безбрежного моря степей!.." Вы становитесь безумным от вашей влюблённости... Ваш дед, лорд Парсисто, просил вас написать, что казаки - грязные, низкого пошиба пираты, дикари. Не вздумайте просить разрешения на женитьбу, если не имеете в виду оскорбить вашу мать и честь вашей фамилии..."

Джордж - ежедневный гость вахмистра. Наташа в сопровождении отца с Джорджем совершает далёкие прогулки верхом. Это единственное, что примиряет вахмистра с "глистой". Бравый вахмистр, выехав за город, преобразился. С его плеч спадало не меньше десятка лет. Конь под ним весь собирался, становился стальным, переполнялся гордостью, чувствуя лихого наездника на спине. У себя во дворе он переседывал коня-туркмена казачьим с набором седлом, переуздывал казачьей уздечкой.

- Только уж не джигитуй, угомонись, - просила жена, - годы-то уж не те... не хвастайся перед ним-то!

Она указывала глазами на клерка.

Подавшись корпусом, сигнализировал, давал почувствовать коню. Конь стрелой вырывался вперёд. Зачарованный, англичанин еле удерживал рвавшегося своего коня. Наташа была горда своим отцом, который с лёгко-

стью циркового гимнаста проделывал на коне, на полном налёте то, что едва ли под силу гимнасту на земле, в покое... Заломив отцовскую папаху, чуть подав корпус вперёд, ласточкой стелилась своим конем Наташа следом за отцом. "...Может, вы правы, моя любимая и любящая мама, но сейчас говорить о ней не приходится. Её я не разлюбил, я просто потерял её и мне очень тяжело. Вся её семья и она, конечно, уехала в Россию..." Так писал Джордж своей матери...

* * *

Помощник директора банка, друг и начальник Джорджа, сэр Вальтер торопливо уезжал в Англию. Жена Нелли в скором обещала наградить первенцем - конечно, мальчиком - и абсолютно исключено, чтобы он родился не в Англии. Джордж уговорил Нелли, он с ней был в дружбе, взять с собой его ученицу Наташу. Он хотел, чтобы она усовершенствовала акцент, он хотел... конечно, скрывать от Нелли нет смысла. Нелли не выдаст, Нелли умна. Он хотел, чтобы Наташу Нелли ввела в дом матери - стража его рода. Ввела так, просто, как свою добрую знакомую. Но надо было преодолеть главную трудность. Наташе надо было внушить необходимость поездки в Англию, уговорить отца. Зачем? На какие средства? Открыть ей секрет?.. Нет, это значит заранее провалить всё дело. Нелли - умная женщина. Рассуждает она совершенно правильно: "Если ты ей скажешь, что она должна познакомиться с твоей матерью, должна суметь понравиться ей, то, ясно, она не выдержит этого экзамена, провалится, не будет естественна. А она так прелестна в своей простоте!.."

И всё устроила Нелли. Сэр Вальтер предложил Наташе службу в банке. Нанёс визит вахмистру, очаровал его своим ломаным русским языком (в Тифлисе работал до войны), предложил службу и ему: выезжать и холить его коня. А через три дня просил вахмистра отпустить Наташу на службу в банк. Был выдан аванс, а через месяц мать Наташи, заливаясь слезами, умоляла ничего по-русски не понимающую Нелли ни на шаг от себя не отпускать Наташу, беречь её. Сняла со своей шеи медный крест на шелковом сером гайтанчике и благословила им Наташу.

- И для чего ей этот язык? И без аглицкого живут же люди?

Вахмистер подергал ус, хотел что-то сказать напутственное, напомнить, чтобы "оглядывалась", от Англии добра ещё никто не видел, но в горле застрял комок, в носу зашекотало, глазам стало горячо. Он виновато поцеловал Наташу, махнул рукой и подошёл к правому пристяжному оправить шлею. Уехала...

- Вот что наделали проклятые большевики! Видимое ли дело? Казачка, подросток ещё - и в Англию!..

Вахмистер сплюнул и пошёл домой. Мать потащилась следом. Апроська искосо смотрела на мать.

- Счастливая Наташа - моря увидит, англичанкой будет!

По красивой лицу матери, по мелкой сетке морщин текли слезы.

- Довольно, довольно, мать!.. Все Господь Бог, Никола-Угодник...

И сам всхлипнул...

* * *

Наташа уже два месяца в Лондоне. Нелли родила дочку, и сэр Вальтер, недовольный, торопится вернуться в Персию. Чопорная леди, мать Джорджа, настаивает, чтобы сэр ехал один: она не хочет отпустить Наташу, а Наташа боится остаться одна, без Нелли. Наташа живёт у матери Джорджа. Чопорная леди в разговоре с дедом Джорджа, лордом Парсистоном, называет Наташу своей дочкой. Наташа её очаровала. Очаровали её царственные походка и простота. - Что скажет лорд, если Джордж сделает предложение божественной Наташе?

- Лорд Парсисто только сожалеет, что вышел, миледи, в... тираж, но он бесконечно горд иметь такую внучку!

- Но она же казачка?..

Тонкая ирония искрилась в глазах чопорной леди.

- Она внучка лорда адмирала Парсисто!

- А если ваш родственник, внучки отец...

- Миледи, до моей смерти, слышал, въезд иностранцам из революционной страны воспрещён...

Наташа уже двадцать семь лет в Лондоне. Джордж и Наташа самая элегантная чета в Англии...

* * *

- До чего же красивая и элегантная эта англичанка!..

Это говорит французский посланник, помогая своей жене войти в автомобиль на аэродроме.

И. Ко - в

Эх, пчёлочка золотая...

30-й год ознаменовался тем, что во многих хуторах станицы начался организованный загон казаков в колхозы. Не обошло это поветрие и хутор Захопёрский. Не многие в станице и в соседних хуторах знали официальное название хутора. Испокоен веков из-за непролазной грязи весной и осенью, из-за разбросанности домов по косоюру и по балкам его называли Свинными хуторами.

Двадцатипятилетняя Денисова Варвара Ивановна через посыльных, два дня ходивших по хутору и под расписку оповещавших о собрании, собрала в начале марта общехуторское собрание. По мокрому чавкающему снегу хуторяне неохотно двинулись к дому бывшего хуторского атамана Иванова Николая Селивановича, который Варвара, выслезив его старуху мать, приспосбила под правление.

Дым от самокруток в скором времени затянул сизым маревом всю комнату. Постучав по стакану и дождавшись тишины, Варвара Ивановна произнесла короткую вступительную речь о международном положении. Раздались жидкие хлопки. Подняв руку и прервав аплодисменты, она заявила: - Не дуракуйте, переходим к основному вопросу нашей повестки, - и, отпив из стакана, продолжила:

- Граждане казаки и казачки, по постановлению нашей родной партии ВКП(б) и по решению окружкома партии Хопёрский округ объявлен округом сплошной коллективизации. И в нашем хуторе назрел вопрос об образовании колхоза, все казаки должны поддержать это решение стопроцентным вступлением.

Из глубины комнаты раздался голос:

- А кто не хочет вступать?

Варвара окинула взглядом комнату, но из-за дыма не увидела говорящего и, повернувшись к представителю района, проговорила:

- Вот оно, кулачё, я вам говорила, что врагов у нас в хуторе ещё много.

И, резко повернувшись обратно к казакам, отрубил:

- Кто не желает, тот пожелает - это я вам гарантирую.

Из глубины комнаты вышел средних лет казак, одетый в распахнутый полушубок и папаху. Затушив каблук самокрутку, двинулся к столу президиума.

- Вот, - протянув руку в сторону идущего, проговорила Варвара, - сейчас красный партизан, герой гражданской войны, первый коммунист хутора Никифоров Макар Иванович объяснит ситуацию, направит собрание в нужное русло. Макар Иванович подошёл к столу, достал цветастый платок, расправил усы, долго вытирал глаза, нос и губы.

- Побыстрее, Макар Иванович, - не выдержала Варвара.

Все так же неспеша, Макар засунул платок в карман и, повернувшись к президиуму, произнёс:

- А ты нас не торопи, товарищ Денисова, может быть, у нас сейчас самый главный стержень жизни ломается, а ты - "побыстрее"... - и, немного помолчав, он продолжил:

- Казаки, вы меня все отлично знаете, вместе с вами многими мы прошли гражданскую войну, создавали советскую власть в хуторе, и моё предложение: надо нам объединяться в колхоз, одиночкой не выдюжим.

- Раньше дюжили и сейчас сдюжим, - раздался чей-то голос из глубины.

- Помолчи, Филипп, все вели единоличное хозяйство, но при другой власти, а сейчас нас просто сметут с дороги. Посмотрите, почему не пригласили Попова Ивана, Абрамовых, Хвастуновых? Поверьте моему слову - они первыми попадут под раскулачивание. Так что давайте не дурить, а создавать колхоз. Председателем предлагаю избрать Денисову Варвару Ивановну, она прислана сюда поднимать хозяйство, ей и карты в руки. Общий баз давайте сделаем в конце хутора, где были атаманские конюшни, они ещё нам послужат, только ограды нет. Завтра, когда будем гнать скотину и везти инвентарь, давайте захватим по плетню из дома и огородем конюшни. Где записываться? - он обратился к Денисовой.

Варвара достала чистый лист бумаги и под номером первым записала: Никифоров Макар Иванович.

- А заявление завтра принесешь, - улыбаясь, проговорила Варвара.

Записались почти все, кто чертыхаясь, кто плюя в сторону.

Поздно ночью, обсудив все хозяйственные дела, казаки стали расходиться по домам. Последними уходили Варвара

Ивановна и оперуполномоченный Филин. Вышли на улицу. Варвара стала запирает замок на двери. Филин молча дождался, когда она справится с замком, и вдруг сказал: - Вроде ваш красный партизан правильно говорил о записи в колхоз, но что-то в нём есть не наше, какой-то гнилец в нём сидит.

- Гонору много, привык считать себя героем, вот и кичится этим. Ничего, мы его вылечим. Хоть и ходит он прямо, мы его согнем, попомни мои слова, - сказала Варвара.

Утром над хутором повис женский плач, казачки, подоив последний раз коров, со слезами расставались со своими любимцами Маньками и Милками, казаки, твердо сжав губы, привязывали коров и телок к телегам, грузили инвентарь и везли на общий баз. В числе первых подъехал и Никифоров. Варвара Ивановна подошла к нему:

- С лёгкой душой всё привёз, Макарушка?

- С лёгкой не лёгкой, но всё, что было в хозяйстве, сдаю в колхоз, даже гуси сидят в мешках, вон жена везёт на быках с инвентарём.

- А пчёлы? - Варвара хитро улыбнулась.

- Председатель, а пчёлы-то вам зачем?

Пчёлы были потомственным увлечением семьи Никифоровых. По преданию, ещё прадед завёл несколько семей. Сколько помнил Макар, у них всегда были пчёлы. Дед держал 50 колод, отец всю жизнь, когда выпадала свободная минута, отдавал душу пчёлам, да и сейчас, хоть и жил отдельно, помогал Макару заниматься ими. Возле пчёл вся семья отдыхала. Пятьдесят колод стояло в саду у Макара и, когда он заходил на пасеку, пропадали все заботы, все тяготы жизни. Летом качали мёд, и, хотя мёда было всегда много, почти не продавали - на медовый Спас весь хутор шёл к Макару Ивановичу, и всех угощали мёдом.

- Варвара Ивановна, вы хоть с этим хозяйством управитесь, без пристрастия и хозяйской руки они все равно погибнут. Да и узнавал я насчёт пчёл в районе, так это не первая необходимость для колхоза, пчёл порешили не трогать.

- Макар, Макар, хоть ты и партийный, но есть в тебе червоточина, кулацкий собственник сидит в тебе, ты старайся подавить его, но он всё равно вылезает наружу. Ничего, потом разберёмся. Вон мой помощник, сдавай ему по акту инвентарь и скотину.

Через два дня гуси сами пришли домой. Открыв калитку и загнав в сарай птицу, Макар пошёл на общий баз. Ветхий сараюшко, в котором содержали утей и гусей, был пуст. Соседка Марфа, проходя с ведром молока, объяснила:

- Перегнула палку Варвара, птицу не надо было коллективизировать. Так сказал уполномоченный...

Через три месяца после организации колхоза Макара, пришедшего на наряд в правление, вызвала к себе председатель:

- Макар Иванович, район требует, чтобы мы послали одного человека на курсы председателей сельского совета, которые открылись в Урюпинске. Так как ты у нас единственный коммунист среди хуторян, пользуешься авторитетом, решили послать тебя. Завтра я выделю подводу и она тебя отвезет в город, а то занятия уже начались. Ни пуха, - и она протянула ему руку.

На другое утро после отъезда Шура, жена Макара, покормила детей и пошла со двора на работу - и тут же увидела толпу во главе с Денисовой, которая направилась к её дому. "Ой, что-то будет, не зря Макара отослали," - подумала Шура и вернулась в дом.

Толпа подошла к калитке, председатель достала бумагу и протянула хозяйке.

- Варвара Ивановна, что это, я плохо читаю ...

Варвара забрала бумагу назад и зачитала:

- Александра Гавриловна, ваше хозяйство комитетом бедноты признано кулацким и подлежит раскулачиванию. Предлагаю тебе одеть детей и покинуть дом. Он больше вам не принадлежит. К вечеру опишем утварь и пчёл.

- Люди, что же это такое? Мой муж кровь проливал за эту власть, а вы раскулачиваете! - захлебнувшись в крике, обратилась к толпе Шура.

В толпе знакомых хуторян кто улыбался, кто отвернулся, но все молчали.

К вечеру описали и вывезли всю посуду и одежду, вечером перевезли на общий баз пчёл и гусей. Александра с детьми поселилась в одной комнате со свекром и свекровью.

Пробежала неделя и в воскресенье Макар, доехав до станицы на попутной подводе, пешком подходил к мосту через Хопёр. На мосту, как всегда, рыбачил престарелый Матвей Романович Волоцков. Поравнявшись с ним, Макар снял фуражку и поздоровался.

- А, Макарушка, - подслеповато глядя, проговорил старик, - я тебя сразу не узнал. Садись, что-то расскажу.

- Вероятно, богатым буду, - улыбнулся Макар. - Некогда мне, дед, с тобой сидеть, соскучился за неделю по семье...

- Сядь, Макарушка, сядь, не торопись, - и старик похлопал рукой по доскам возле себя.

- Ну, дед, давай побыстрее выкладывай свои новости, - Макар присел рядом со стариком.

- Не спеши, Макарушка, в свой курень. Забили его, а жену с детьми выгнали, живут они сейчас у твоего отца, пчёл тоже забрали. Три дня у вас в саду страсть что творилось, пчёлы гроздьями висели на деревьях, - старик вздохнул и хотел еще что-то добавить.

Но Макар, с изумлением глядя на старика, перебил его:

- Дед, ты не брешешь?

- Макар, постыдился бы так говорить, мне брехать не к чему. Всё она, змея Варвара, сделала, всем командовала.

Макар побежал в хутор. Увидев заколоченный дом, не стал заходить во двор, а быстрым шагом пошёл в правление, распахнул в дверь. Варвара сидела за столом, перебирая какие-то бумаги.

- А, Макар, ну заходи, заходи, я тебя ждала, - она, криво

улыбаясь, смотрела на него.

Макар задыхался: - Ты, змея, всё это устроила?

- А ты меня не змеи, обижайся на себя, на своё гнилое нутро. Ты хоть и носишь партбилет, но не коммунист ты, а подкулачник. И вот тебе совет: забирай семью и убирайся из хутора, иначе пойдёшь на выселки. И в район не советую ехать, без толку.

Поднявшись со стула, распаяясь, Варвара уже кричала. - Да я понял, что ты давно под меня копаешь, и услада учиться не зря. Без благословения района ты бы не посмела этого сделать. Как была ты помощницей городского, так и осталась, с людьми тебе нельзя работать!..

- Меня сюда партия послала, а партия знает, куда кого посылать, - Варвара демонстративно отвернулась.

Не видя ничего перед собой, Макар подошёл к избе отца. Тот, старчески кряхтя, колот дрова. Когда увидел Макара, разогнулся и, укоризненно качая головой, произнёс:

- Ну что, твоя власть пихнула тебя мордой в грязь?

- Хватит, отец, хоть ты помолчи. - Макар вбежал в избу.

Крик жены и детей встретил его у порога. Обняв детей, Макар сел.

- Ну, будя, будя, тут слезами не поможешь!..

Приютила семью Макара дальняя родственница из хутора Дубовского. Со Свиных хуторов Макар ушёл.

За зиму без присмотра все пчелиные семьи послули, а колоды мальчишки расколотили на игрушки, остатки соседи-лорубили на дрова...

Выселки

Еле волоча ноги после каторжной работы на поле колхоза, Мария вошла в дом, который она занимала с ещё тремя семьями.

- Мама, мама, - к ней подбежала шестилетняя дочка Леночка, - тебя что-то комендант вызывает.

Поддержали дочь и соседи:

- Иди, Мария, может, отпустит в отпуск.

- Да что вы, смеетесь, у меня же ребята Акули сбежали. Нет, сейчас я не пойду, а завтра будет видно.

Всю длинную весеннюю ночь Мария не спала, прижавшись к исхудавшему телу матери, мирно поспывала дочка, и Мария, не вытирая слёз, стекающих по щекам, перебирала в мыслях свою горькую судьбину.

...С мужьями Марии Полухиной повезло. С первым, Бабичевым Петром, она увиделась только на сватовстве. Просватали родители, и хоть одно утешало, что на вид жених - лихой казак, высокого роста, с волнистым чубом, выбивающимся из-под сдвинутой набекрень фуражки и улыбающимся глазами. Отгуляли свадьбу, начались тяжёлые будни. Муж оказался ласковым и работающим, во всем помогал молодой жене. Постепенно пришло глубокое чувство, Пётр стал родным и любимым человеком. Но, видно, не судьба: вспыхнула гражданская война, и погиб лихой казак в бою под станцией Правоторовской. После отпевания решили схоронить всех погибших в братской могиле на станичном кладбище. Мария не согласилась и, положив застывшее тело мужа на подводу, отвезла на родину, в хутор Федосовский. Постепенно время брало своё, и в 24-м году полюблился ей казак Медведев Иван - хотя с первым мужем его было не сравнить, "и ростом пониже, и телом пожиже", но хозяином был справным. Сватал сам Иван, и Мария согласилась на брак.

Справили небольшую свадьбу и, хотя Мария в память о погибшем муже не одела фаты, свадьба вышла на загляденье. Через год свёкор построил небольшой флигель и перешёл со свекровью в него, оставив большой четырёхкомнатный дом под железной крышей и всё хозяйством молодым. Вскорости родилась Леночка. Двадцать десятин земли обрабатывали с утра до ночи. Чтобы не жить, надеясь на удачу, решили арендовать ещё двадцать десятин. Не покладая рук, трудились, постепенно обрастая хозяйством, но опять судьба отвернулась от Марии: началась коллективизация.

В Нижнедолговском председатель решил отгрохать на удивление всем огромный особняк, чтобы и управление колхоза и сельский совет с залом заседания располагались в одном месте. Везти лес с Хоперской поймы далеко, да и строительство затянется надолго. Чтобы закончить всё побыстрее, порешили раскулачить семью, у которых больше дома с железными крышами. В один из майских дней толпа активистов подошла к дому Медведевых.

Ивана, выдернувшего кол из плетня, скрутили и увели неведомо куда. Больше Мария его не видела. Плачущую Марию и пятилетнюю дочь вывели за калитку и, приставив сторожем одного из комсомольцев, приказали ждать окончания описи. Описав имущество, председатель колхоза Колобов зачитал постановление актива:

- Как злостную вредительницу Советской власти и колхозному строю Медведеву Марию Афанасьевну лишить всех прав. Конфисковать имущество и дом, отправить с несовершеннолетней дочерью на выселки в хутор Полтавский.

До утра Марию посадили под замок в сарай возле правления. Утром дверь открыл сосед Долгов Никифор. Почему-то с винтовкой, он, не глядя в глаза Марии, сказал:

- Садись, пора выезжать, а это, - он указал на два мешка, лежащих в повозке, - вам выделил председатель. В одном оладки, в другом кукуруза в початках. Трогаемся, до темна надо успеть.

Посадив дочку в телегу, Мария со слезами на глазах посмотрела на родной хутор. Дом, в котором прожила шесть счастливых лет, уже начали ломать. "Вот и конец жизни," - тяжело вздохнув, Мария пошла за исхудавшими колхозными быками, тяжело сдвинувшими скрипящую телегу.

К вечеру добрались до Полтавки. Раньше это был небольшой хутор, но по распоряжению председателя райисполкома Топилина население из него выселили в слободу Солонка. Казаки ушли, проклиная всё на свете, забрав всё, что можно было увезти, оставив пустые дома, да кое-где сараи из хвороста.

На краю хутора стояли два больших дома, один снимал с семьёй комендант Чижиков Иван Дорофеевич, второй назывался "круглым домом". Это была холодная для тех, кто нарушал режим или пытался бежать.

Остановив быков возле дома коменданта, Долгов постучал по калитке и, повернувшись к Марии, сказал:

- Ну, вот и твоё новое жильё, кулачка. Слазь!

Сняв дочку с телеги, Мария повернулась, чтобы забрать мешки, увидела выходящего из дома Чижикова. Помахивая нагайкой, он подошёл к Долгову и взял бумагу. Прочтя, повернулся к Марии:

- Новая жиличка, неплоха. Ну что же, занимай место в этом вон доме, там уже живут две семьи, будешь третьей.

Услышав скрип колес, Мария повернулась, чтобы взять мешки. Увидела удаляющуюся телегу. Долгов нечаянно дулил хворостинной по хребтам быков.

- Сосед, что же ты делаешь? Отдай мешки, - со слезами на глазах крикнула Мария.

Долгов повернулся, ухмыляясь в прокуренные усы:

- Всё равно тебе здесь подыхать! - и, не останавливаясь, скрылся за поворотом дороги.

Сзади раздался смех коменданта:

- Да, хорошие у тебя соседи. Ну, всё, заходи, нечего торчать без дела на улице. Завтра с пяти на работу, кормиться самой, за нарушение режима посажу на неделю в круглый дом, - похлопывая нагайкой по сапогу, он скрылся в доме.

С утра новой жизни для Марии и других поселенцев начался адский труд на поле, выделенном колхозом им. Сталина. Для выселенцев был только инвентарь, в бороны запрягались по трое мужчин или четверо женщин, сеяли старики из лукошка, всё поле пропалывалось и рыхлилось руками без мотыг. Наблюдателями за работой были комсомольцы колхоза. К вечеру еле добирались до жилья. Да по дороге надо было ещё найти и нарвать лебеды, чтобы истолочь и сварить похлебку.

К осени лебеду в округе всю съели, люди начали пухнуть от голода, некоторые стали роптать. Но нагайка Чижикова быстро навела порядок, спины поселенцев были все иссечены комендантом. Люди всё прибывали, стали копать землянки, кое-кому удавалось привезти с собой продукты. Счастливицы некоторое время питались досыта, делясь едой с соседями, но продукты быстро кончались, и голод одолевал и их. Кладбище за хутором быстро росло.

К первыми заморозками поселенцы поняли, что к большим морозам все передохнут, иного пути из Полтавки не было. Кое-кто пытался бежать, но удавалось это немногим: приезжал наряд милиции из Нехаевской и прочёсывал все балки и овраги, в хуторах старались не принимать поселенцев: за сокрытые грозили высылкой в ту же Полтавку.

Всех, кого ловили, нещадно избивали и отправляли в другой лагерь спецпереселенцев - Гусынки. В чистом поле около Манино сами поселенцы выкопали ров, которым окружили площадь в два гектара, поверху рва ходила охрана, внизу копошились люди. Живым из Гусынок никто не выходил.

13-летний сын соседки Митя однажды не выдержал голода и выхватил кусок хлеба у сына Чижикова. Не успел он ещё проглотить кусочек, как на спину обрушился град ударов нагайкой коменданта. Экзекуцию Митя выдержал молча, но до дома еле дополз. Ни на кого не глядя, заполз в свой угол и оттуда долго было слышно тихое щенячье скуление. В середине ночи из угла раздался чистый младенческий смех: Митя сошел с ума и через неделю умер.

У соседки по комнате Акули было трое детей, два мальчика 7 и 8 лет и 3-хлетняя девочка. Жильцы стали замечать за ней: раньше отдавала всё последнее детям, а теперь перестала кормить их. Скрываясь за занавеской, тайком стала поедать то, что ещё могла достать. Мария стала её стыдить:

- Что же ты делаешь, ведь дети помрут, они и так еле ходят.

- Ничего, я буду живая и дети будут живые, я сдохну, и дети мои подохнут, они-то здесь никому не нужны, - отрубил Акуля.

Через неделю Акуля сбежала, захватив с собой дочку, оставив в хуторе обоих мальчиков. Чижиков озверел, избил нагайкой всех жильцов дома и приказал посадить детей в круглый дом.

- Сучка далеко от детей не уйдет! Найдём.

Три дня милиция прочесывала округу, но так и не нашла беглянку.

- Начнутся морозы, все равно подохнет, - решило начальство. Поиски прекратили.

Неделю просидели дети без еды и воды в холодной. Сторожки сами же поселенцы. Если арестанты сбежали - сторожам прямой путь в Гусынки. Тайком подавали детям воду, немного подкармливали. В конце недели, не дождавшись Акули, Чижиков приказал выпустить пацанов. Дети сами не смогли выйти, их вынесли на руках и положили в избе. Но молодость живуча, через два дня они стали вставать.

На третий день под присмотром Марии ребята Акули играли с другими детьми. Мария пошла приготовить поесть. Через полчаса, выйдя посмотреть на детей, она не увидела ребят Акули. С замирающим сердцем она подбежала к детям.

- Где ребята?

- Да мы сами их давно уже ищем, они так спрятались, что никто не найдёт.

Мать, вероятно, где-то ждала детей, и они ушли к ней. Чижиков отнёсся к этому как-то безразлично, на слезы Марии только махнул рукой.

В начале ноября Чижиков прискакал из района в сильном подпитии. Лошадь, которую он нещадно стегал нагайкой,

пала у самого крыльца. Приказав закопать её, комендант заматерился и, впервые не ударив никого, скрылся в доме.

Мужчины оттащили недалеко лошадь, прикопали землёй. Ночью все поселенцы были возле этой лошади, вытащили её из ямы, сняли шкуру и поделили мясо на всех едоков, а шкуру, набив землей, опять прикопали.

Неожиданно колхоз выделил на заработанные "палочки" отходы зерна, стали разрешать ходить обменивать вещи на продукты в Солонку. По хутору поползли слухи, что Топилина куда-то перевели и жизнь должна измениться к лучшему. Но самое главное было то, что Чижиков забросил нагайку и спины бедолаг стали заживать.

Прошла тяжелейшая зима, много раз Мария собиралась свести счеты с жизнью, но взгляд маленькой, ставшей, как пушинка, доченьки, почти постоянно лежавшей тихонько в уголке, не давал ей этого сделать.

По весне Полтавка недосчиталась половины жителей.

- Что ждёт завтра у Чижикова? Неужели вспомнил про Акулиных ребят? Тогда не избежать Гусынок. А, может, и к лучшему - отмучаемся с дочкой и мы, - думала Мария.

Утро выдалось хмурым, ночной дождь расквасил всю дорогу, и Мария, в разбитых, подвязанных бечёвкой чуваках, еле добралась до дома коменданта. Перекрестившись перед дверью, очистив ноги от грязи, бочком вошла в сени. Навстречу из пахнувшей теплом комнаты вышел комендант:

- А, это ты, Мария. Почему не пришла вчера вечером?

- Да я поздно пришла с работы.

- Ну да ладно, - отмахнулся Чижиков, - для меня это дело неспешное, а ты спеш: неделю тебе отпуска за хорошую работу, иди!

Не сдерживая рыдания, не замечая грязи, Мария добежала до дома. Взяв дочку на руки, она низко поклонилась жильцам и вышла из дома. Сутки добиралась по разбитой дороге до родного хутора. По дороге, достав нательный крестик, поцеловала его и поклялась, что никогда ни при каких условиях не вернётся в Полтавку.

На месте её подворья было одно пепелище. Свёкра со свекровью не тронули, и она подалась к ним. Открыв дверь, увидела, как расширились глаза свекрови, которая закричала и, схватив внучку, прижала к себе.

- Мария, а нам сообщили, что вас в живых уже нет.

- Да вот видите, живы. А что слышно об Иване?

- Ничего не слышно. Отослали всех раскулаченных, кто сопротивлялся власти, на север в какое-то Коми. И нет никаких вестей, живы ли, - вздохнул старый Потап.

Свекровь бросилась накрывать на стол. И, хотя жили тоже впроголодь, но картошка в чугунке, который она поставила на стол с солеными огурцами и куском ржаного хлеба, показались Марии царской едой.

Незаметно прошла неделя. Питаясь каждый день почеловечески, Мария почувствовала, что силы возвращаются к ней, появилась легкость в теле. Да и дочка поправилась, и её было уже не удержать в избе.

В воскресенье вечером за ужином свекровь, махнув на хотевшего что-то возразить мужа, сказала:

- Мария, председатель совета велел тебе завтра утром прийти к нему в совет, сказал, что твой отпуск кончился.

Свёкор заматерился:

- Не могла завтра сказать, чёртова баба! Теперь Мария всю ночь не будет спать.

- Ничего, я уже привыкла не спать по ночам. А что сказали, спасибо вам! Возвращаться в Полтавку я всё равно не буду, лучше в петлю, чем опять в ту жизнь!

- А куда же ты? - спросила свекровь.

- А вот сейчас вы можете мне спать холщовую суму, и завтра поутру пойду побираться, пока не забудут меня здесь.

- Ай, Мария, что ты надумала, оставь нам хоть Леночку!

- Нет, мать, если я не появлюсь в Полтавке, Чижиков заберёт её на высылку, а там она одна не протянет и недели.

На рассвете, повесив через плечо суму, в которую свекровь положила кусок хлеба да несколько картофелин, Мария ушла с дочкой из хутора.

Три года скиталась она по дорогам России, побираясь по хуторам и деревням, не заходя в большие города, пробираясь ближе к югу. Летом 35-го года вернулась в хутор. Свёкра уже не было в живых, сменился председатель совета; и Чижикова куда-то перевели, на повышение.

О Марии никто не вспоминал. Она поселилась со свекровью. Жизнь потихоньку налаживалась...

В. Копылов

Остался в хуторе навечно

В начале 70-х, после окончания института, пришла я инженером в крупную, по тем временам, строительную организацию, возводившую много объектов в Вёшенском районе. Среди инженеров - в большинстве людей степенных - заметно выделялся "начальник хоздвора" нашей ПМК - Дмитрий Семёнович Панов. Импульсивный, громогласный, он, казалось, был вездесущ: только промелькнул на растворобетонном узле, а через несколько минут уже раздаёт указания в гараже; не успел опомниться - уже в "штабном" вагончике... И так изо дня в день...

Интуитивно чувствовала: за этим немереным трудолюбием, чувством ответственности и стремлением помочь буквально каждому стоит что-то большее, чем природная энергетика.

Прошло несколько десятилетий. Несмотря на разницу лет, постепенно завязалась наша дружба. Со стороны Дмитрия Семёновича она приобрела отеческий, несколько покровительственный тон: по пути с рыбалки лещей на упищу подбросит, овощей подкинет, за грибами с собой возьмёт, или на день хутора Антиповского - своей малой родины...

Один из таких дней - несколько лет назад, на 9 мая - раскрыл суть характера и семейных традиций многочисленного семейства Пановых. Родоначальница его, Мария Ивановна (урождённая Борщева) родила и воспитала десятидетей: восемь сыновей и двоих дочерей (сама она дожила до 93 лет и ушла из жизни несколько лет назад).

В хуторской клуб, к могиле воинов Великой Отечественной войны, собрались и стар и млад. За свой счёт накрыли в клубе столы для всего хутора. А на вопрос, откуда такое изобилие, отшутились:

- Не 33-й на дворе!.. Не голод. Рыбки в местных озерах заловили. Пирогов да плюшек бабы наши наекли. Закуток всяких в погребках не меряно... А горячительное - его в хуторах каждый знает, из чего и как гнать.

На столах стояли старинные узкогорлые четверти, доверху наполненные мутноватым на вид и очень крепким "напитком".

И цветы, цветы. У обелиска, на столах и стене, в руках детишек и ветеранов.

Пели вешенский ансамбль "Вешка", антиповский хор. Старинные казачьи песни, выступления старожилы перемешались залпами модельного салюта...

За всем этим стояли братья Пановы, свято чтящие родовые корни.

В 1918-19 годах во время Верхне-Донского восстания его эпицентром волею случая стал Ермаковский (Антиповский) - родной хутор Харлампия Ермакова и других повстанцев, лежащий по берегам небольшой, но шустрой, не замерзающей и в лютую стужу речки.

- По берегам Решетовки, до Дона, хуторов было немало: Зубковский, Ермаковский, Верхний и Нижний Антиповский, Чиганаки, Решетовский, Затон... Даже в гражданскую войну устояли, а в хрущевские времена, как колхозы стали укрупнять, напрочь исчезли, будто корова языком слизнула. И следа не осталось! Такие хутора, как Затон, Чиганаки, по 60-80 хат, посчитали бесперспективными.

Чего наговорили!? Мы парнями из Ермаковского в Затон к девчатам бегали. Они там славные были. Ладненькие! А хаты какие были: все больше - "связи", камышом крытые. Да ровненько так подбитые. Глядишь - не наглядишься. В Ермаковском, где мы жили, хаты соломой крыли, а там нет - камышом. И мельница водяная на запруде Решетовки стояла. Изюм всех окрестных хуторов муку молотье ездили...

Постепенно, слово за слово, разговор наш перешёл на историю семьи.

Род Борщевых в Ермаковском известен издревле. Из поколения в поколение верой и правдой служили Отечеству. Супротив Наполеона ходили. В императорских покаях в почётном карауле стояли. Получали призы и награды на строевых смотрах. Хлеб растили. И так - из века в век: вращалось колесо жизни, катилось по накаганной колее казачьего быта.

Прадед Дмитрия Семеновича, Платон Лукьянович Борщев, вроде бы был атаманом хутора, вплоть до революции. За крепкий курень и справное хозяйство популялся в первые же годы новой власти:

- Из Ермаковского в Вешки, из Вешек в Ермаковский по навету нашего же хуторянина Овчелупова красные милици-

онеры не раз его пешком на допросы гоняли. Каждый раз у казака от страха сердце с телом расставалось. Сказывали, да и сам видел, что в окружной станице мало кого расстреливали, всё больше под лёд, в прорубь сбрасывали, или в краснотале за станицей шашками рубили. Патроны экономили. Сын Платона Лукьяновича, Иван Платонович Борщев, был на царской службе сотником, участвовал в Мировой войне. Командовал сотней он и во время Верхне-Донского восстания.

- Оно почему, восстание-то, загорелось? Я от него, от деда - эмигранта - и слышал. Сорок лет со времени его рассказа прошло, а будто вчера все было...

Царь с казаками дюже дружил. Он их, а они его в обиду не давали. Дослужился казак до офицерского чина, ему и пай увеличивают. Выше звание - больше надел. А уж, коль пай большой, то и в хате достаток: курень добротный, конь справный, гулёвого скота полно. Птица не считана.

Хохлы похуже казаков жили. Вот и вздумали они царя сместить, власть в России поменять. А казаки воспротивились, хоть и не все. Заискрили меж собой. Особливо донские с хопёрскими - они никогда мирно не жили. К примеру: донские казаки в 18 году уничтожили подтёлковскую экспедицию под Пономарями. Подтёлкова и Кривошлыкова повесили. Не простила новая власть им это. Долго потом верхнедонцы кровью за это отхаркивались...

Казаки люди вольные, гулёные. У каждого свой нрав, свой норов. Вот и потянулись: одни за новой властью - в основном гольтыба, у кого и самокрутку свернуть было не из чего; другие - от старой оторваться не могут. Всё, что горбом нажито, что кровушкой на войне добыто, в чужие руки отдавать жалко.

А красные уничтожали зажиточных, самых работающих и уважаемых, сгоняли с базов скотинку, подчистую выгребали амбары: Что успели хуторяне сохранить, в землю зарыть - платки и полушалки, самовары, посуду, девичью сряду... Порубили тут головушек. Решетовку не раз трупами прудили. Баграми в воду стаскивали. На что быстрая, и то уносить их в Дон не успевала. На Весёлом бугре траншеи рыли, в них без разбора клали. Белые или красные, всё едино, все родственники, односумы...

Каждый со страхом ждал своего часа. Исклучением не стали Платон Лукьянович и Иван Платонович Борщевы. После подавления восстания находились они "на сурчином положении". Ждали расправы со стороны победившей власти - или команды вновь выступать...

В одну из душных и смрадных от пожаров и гниющих трупов ночей, в окно борщевской связи (она и сейчас стоит на краю уже несуществующего хутора Ермаковского, прижавшись боком к лесу; доживает в ней свой век внучатая племянница Ивана Платоновича) резко постучали. Выскочили казаки в сени, а оттуда через лаз на чердак. Пока милиционеры в доме шумели, казачек да ребятишек по углам размётывали, они, как были в исподнем, на коней, да и были таковы.

- Дед потом рассказывал, что кони в те тревожные дни наготове были, под седлом. В переметной суме: кусок сала, пышки, соль в тряпице, вода в баклажке. Ячмень или овес на два дня пути для корма коня.

Таких много в ту ночь сорвалось с насиженных мест, в неизвестность. Под хутором Затонем впасть переправилась через Дон на меркуловскую сторону. Там между казаками произошла ссора. Одни, поняв, что впереди их ждёт если не гибель, то горькая чужбина на век - повернули назад. Другие в составе поредевшей сотни Борщева потянулись в сторону Чира, затем Миллерово. Там, в Фоминском лесу, таких, как Борщевы, собралось немало. Разногласия, до перестрелок и рукопашной, вспыхнули между казаками и здесь. Потом растекались по округе - кто к морю, кто в города и шахтёрские поселки, где затеряться легче, а кто и к родным куреням...

Тем временем ермаковские казачки решили снарядить в борщевскую сотню, под Миллерово, жену Ивана Платоновича - Наталью. Оставила та малолетних детей на свекровь, добралась до Фоминского леса. Но шальной пулей была убита. Похоронил её сотник, погоревал - и понял: нет ему возврата в прежнюю жизнь, на речку Решетовку. И Дона он больше не увидит.

В составе врангелевской армии дошли до моря не все. И в

Новороссийске сесть на корабль было практически невозможно.

- Выручил деда конь Сатрап - перемахнул с пирса на низкую корму... А вот прадеду не повезло: сорвался с конём под винты парохода... В Турции у деда и коня, и награды отобрали. Остался дед, "в чем болтался"...

Затем был греческий остров Лемнос, где десятки тысяч таких отверженных Родиной казаков ожидали своей участи. А потом 40 лет в Болгарии, батрачества на огородах и плантациях...

Дочь его Мария осталась тем временем с трёхлетним братишкой Егором у овдовевшей бабушки. Лиха хватили: голод, разруха, постоянное унижение...

- Кроме как "белиха" (от слова "беляк"), мать нашу в хуторе не звали. Это уж потом, как нас десятерых подняла (никто с доброго пути не сбился, все пусть небольшое, но образование получили, своими семьями зажили, добротные каменные дома в станице построили), начали хуторяне Марией Ивановной величать... В НКВД не раз вызывали, требовали сознаться, где отца и деда прячет.

В середине 50-х, после смерти Сталина, перестали беспокоить. Даже бумагу прислали, что урядник Иван Платонович Борщёв воевал на стороне Врангеля, погиб в Крыму. Тогда же Дмитрию Семёновичу, в тот год 25-летнему начальнику почты в хуторе Дударевском, позвонил брат Иван, председатель Антиповского сельского Совета:

- Брат, тут вот письмо ко мне какое-то попало. Из-за границы. Целый месяц по району ходит. Пишет человек, будто из прошлого века: губерния, волость, уезд. Адресовано Марии Ивановне Борщёвой. Уж не дед ли наш нашёлся?..

- Меня с работы как волной смыло. Сидим с братом в Антиповке, в сельсовете. Письмо заграничное и так и сяк крутим. Боязно. Из-за "бугра". Как бы чего не вышло. Решили, тем не менее, матери показать. Та, как прочитали мы ей, так слезами и залилась: 40 лет прошло!..

Приехал на следующий день в Вешки за почтой, рассказываю. А мне в ответ:

- И в Калининский письмо такое пришло. Тоже, видать, казак из Болгарии отозвался.

Сталина не стало, страх с годами поулёгся - вот, видать, на старость и рискнули написать в родные хутора.

Через несколько месяцев Мария Ивановна получила пакет. Дескать, вашему отцу разрешено приехать на Родину для встречи с родственниками - сроком на три месяца. При условии, что они должны его встретить на пограничной станции, иметь при себе полный комплект одежды, необходимое количество денег, поскольку Борщёв очень беден, одинок, живёт в доме престарелых.

- Обсудили мы это в семье и решили, что ехать за ним мне. Я только что женился, значит, по хуторским меркам, человек степенный. Доверия больше будет. Приехал я на пограничную станцию Ковель. Вижу - толпа большая, очень большая идёт. Люди все немолодые. Одеты очень бедно, мрачно. Сопровождают их милиционеры.

Встречающие заволновались. Выкрикивают имена. Закричал и я:

- Иван Платонович Борщёв из Ермаковского есть?

Он подошёл ко мне. В короткой румынской шинели, я такие в годы войны не один раз видел, в тяжёлых ботинках. Глядит на меня и будто не видит. Слезы глаза застилают. Дрожит, как одинокий колосок в степи.

- Ну, здравствуй, дед. Я твой внук - Дмитрий, Мариин сын... Он упал мне на грудь, слова вымолвить не может.

Приехали в Ростов, там сестры жили. Потом в Ермаковский. Хуторяне сбегались на беляка посмотреть, иностранца. Никто в дряхлом старике не мог узнать бравого казака, сотника одного из повстанческих отрядов.

- Дед очень много плакал. Мало говорил и много плакал. С утра уходил на Решетовку, на Весёлый бугор, в ендова. Стоит молча, а слёзы, как градины, по морщинистому лицу сбегают. Возил его Иван и в Затон, и в Чиганак, и на бывшую запруду, где раньше мельница стояла, и на поля, что когда-то принадлежали Борщевым...

Посоветовались Пановы и стали писать в Москву, Ростов, в Болгарию - умолять оставить деда дожидать в родном хуторе, у дочери (бездетный его сын Егор к тому времени уже умер). Первой отозвалась Москва. Мы, дескать, не против, за давностью лет всё минуло. Но Иван Платонович - гражданин Болгарии. Вот за ней и решающее слово.

Настал день отъезда. Собрали деда, как в последний путь. Иван лошадёнок к крыльцу подогнал. Вышел дед на крыльцо. Родственники и хуторяне гроздьями на плетнях висят. Полушалками да утирками слёзы смахивают.

Поклонился дед на все четыре стороны. Наклонился к земле. Взял её в пригоршню. Поднёс к губам. И упал. Сердце разорвалось. Не выдержало нового расставания с родной землёй.

Похоронили его по христианскому обычаю на хуторском кладбище, под дубовым крестом. Рядом с матерью, сыном. Рядом с могилами тех, кто так и не дождался его.

Понутив головы, шли хуторяне на подворье Пановых поминать новопреставленного раба Божьего Ивана. А дома... пакет из Болгарии.

Ивану Платоновичу Борщёву разрешалось остаться на Родине. Навечно.

Г. Жбанникова

“Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска. 1891 - 1945 и.”

Биографический справочник по офицерам Оренбургского казачьего войска только что вышел в столичном издательстве “Русский путь”. Авторы книги - А.В. Ганин и В.Г. Семёнов. В справочник включены сведения о нескольких тысячах казачьих офицеров - в основном участников русско-японской, первой мировой и Гражданской войн, значительная часть которых после окончания последней оказалась в вынужденной эмиграции. Основу справочника составили в большинстве своём впервые вводимые в научный оборот документальные материалы из государственных архивов и частных коллекций.

Издание столь большого объёма (676 страниц, большое количество фотографий - из которых около 500 идентифицированы!), без сомнения, впервые создаёт достаточно полную картину судьбы офицерского корпуса одного из крупнейших казачьих войск России. В отдельных разделах книги освещаются вопросы особенностей службы офицеров - оренбуржцев в конце 19 - начале 20 века, их боевой службы в ходе войн и революций начала 20 века, участия в борьбе с большевизмом, период эмиграции.

По мнению авторов исследования, многие факты истории Оренбургского войска, прежде всего периода Гражданской войны, удалось выявить только благодаря проделанной работе над этой книгой. Например, лишь в послужных списках некоторых офицеров сохранились сведения о целом ряде событий (боевые действия, восстания, формирование частей), важных для понимания происходившего в те годы на Южном Урале!..

В приложениях к справочнику представлены списки офицеров - дворян, полных Георгиевских кавалеров и награждённых георгиевскими наградами в ходе Гражданской войны, кавалеров “Ленты отличия” Оренбургского войска.

Заказать книгу, предложить свои дополнения и уточнения можно по адресу электронной почты авторов - spravochnik_okv@mail.ru, а также в магазине “Русское зарубежье” - Москва, ул. Ниж. Радищевская, д. 2, тел. (495) 915 11 45; sales@rp-net.ru.

К столетию Л.Н. Польского

Этой осенью в Пятигорске отметили столетие кубанского казака войскового старшины **Леонида Николаевича Польского**. 24 октября, в день его рождения, в храме Святого Георгия отслужили панихиду; 27 октября - торжественный вечер в музее-заповеднике "Домик Лермонтова". Там же была организована персональная выставка этого замечательного учёного, историка, литературоведа. Событие освещалось в региональной прессе, о нём говорили на телеканалах РТР, РЕН-ТВ, СТС, Ставропольском краевом телевидении.

Многие литературоведы страны называют себя учениками Польского. Жаль, что при жизни он не имел и тысячной доли такого признания. От "благодарного" советского Отечества он получил пытки на следствии, муки ГУЛАГа и пожизненный запрет на публикации своих работ.

На вечере памяти о страшной и красивой судьбе казака Польского рассказал один из последних живущих свидетелей событий в Лиенце - Николай Семёнович Тимофеев. Казаки подобрали его подростком на оккупированной немцами территории, определили в Школу Юных Казаков, а потом он и сам не избежал лагерей. Именно Тимофеев вместе с мэром Железноводска Владимиром Кулаковским помог в 1995 году выпустить книгу Евгении Борисовны Польской "Это мы, Господи, пред Тобою..." - о трагедии Лиенца и участи казаков в сталинских лагерях.

Тогда это был прорыв! Книга стала первой написанной и изданной в России на тему насильственной выдачи британцами Сталину в июне 1945 года 33 тысяч казаков и их семей, 37 генералов и более 2,5 тысяч офицеров. Многие были расстреляны и повешены. Е.Б.Польская была участницей этих событий - более того, одним из организаторов ненасильственного сопротивления казаков при выдаче...

Выходец из старинного кубанского рода Леонид Николаевич Польский родился в 1907 году в станице Казьминской, в 60-ти верстах от Ставрополя, в семье священника. Старший брат его отца, Афанасий Алексеевич, был вице-губернатором и главным приставом кочующих народов. Младший брат - Михаил Алексеевич - военным священником. Высоко образованная семья не забывала своих корней. Достаточно посмотреть на фотографию маленького Лёни (см. обложку нашего журнала). Его казачий костюм явно любовно сшит дома и именно на ребёнка!

В 1919 году гимназистом Леонид Польский встречал на паперти Андреевского собора участников Южно-Русского Православного Собора, в том числе приехавшего из ставки А.И.Деникина и многие видных деятелей прежней России. И спустя многие годы Леонид Николаевич вспоминал протопресвитера Г.И.Шавельского с золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте, бывшего донского атамана Граббе, князей Трубецких... История творилась прямо на глазах пытливого подростка. Волею судьбы Леонид оказался в эпицентре кровавой борьбы. Мимо него проносились "Волчьи Сотня" атамана Шкуро и полки "красного Бонапарта" комдива Сорокина. С энциклопедической хваткой потом держал он в уме события и даты, связанные с войной на Тереке, Дону и Кубани.

В 1925-30 годы повзрослевший Польский учится на факультете журналистики в Горском Университете во Владикавказе. Его самым большим другом была однокурсница, впоследствии знаменитая поэтесса, символ блокадного Ленинграда Ольга Бергольц.

Став журналистом и перебравшись в Ленинград, Леонид Николаевич много работал в архивах (в то время совершенно открытых!) по истории казачества и своего любимого героя - М.Ю.Лермонтова. В архиве Госбиблиотеки Санкт-Петербурга хранится его первая рукописная работа начала 30-х годов - "Лермонтов на Кавказе". В это же время его дядя, протопресвитер Михаил, отбывал 5 лет заключения в Соловецких лагерях (в середине 40-х в эмиграции он опубликует мартиролог "Новые мученики Российские").

Работал Леонид в газете "За индустриализацию", даже был любимцем Кирова. Между прочим - после убийства Сергея Мироновича, когда ещё не были уничтожены многие связанные с ним документы, Польский нашёл факт, подтверждающий причастность властей к преступлению. Литерный поезд для Сталина, ехавшего разбираться с "виновниками убийства", был заказан за два дня до преступления!..

Вторую мировую Польский начал в окопах военным корреспондентом, пережил первую страшную блокадную зиму. Был ранен и весной отправлен в Ворошиловск (Ставрополь), где проживали его родные.

Об этом сохранилось воспоминание самого Польского. Ленинградский военный госпиталь, блокадный февраль. Умерших из палат не выносят неделями - медперсонал сам едва живой. На полу - замерзшие нечистоты...

Чувствуя, что здесь не выжить, Леонид, собрав последние силы, идёт в горком комсомола - проситься обратно на фронт. Долго ждёт в приёмной - первый секретарь занят. Из его кабинета доносится "невнятный" запах еды. Корреспондент не выдерживает и падает в обморок. Когда приходит в себя, заходит в кабинет без спросу. Осмотревшись, видит, что секретарь ест под столом, вытирая жирные руки об одежду. "Я смотрел на него и мечтал об одном: чтобы мне дали возможность эти руки облизать", - вспоминал Леонид Николаевич.

Советская пропаганда в своё время трубила о дневнике погибшей от голода со всей семьёй Тани Савичевой: А между тем в блокадный город ежедневно самолётами доставлялись свиные туши, осетрина, икра и прочие деликатесы для партактива. Видевшие блокадную хронику припомнят фигуру ленинградского партийного вождя Жданова, похожего на жирного борова...

Чтобы выбраться из Ленинграда, Польский отдал главврачу за направление на долечивание "по месту жительства" свои хлебные карточки до конца месяца...

Приезд в Ставрополь совпал с летним наступлением германских войск, рвавшихся на юг, к моздокской и бакинской нефти. В августе Польский был оставлен в городе советской военной разведкой в качестве резидента - надо было "внедряться" и ждать связи и радистку. За три до дня до прихода немцев семье Польских было проведено электричество - единственным в Подгорной слободке; в награду на проведение работ было записано: "...для осуществления журналистских занятий"! Электричество было нужно будущей мнимой "невесте" для радиосвязи.

"Резидент" Польский приступил к "внедрению": спасал евреев от гибели. Спас он от уничтожения и архив Ставропольской губернии и Кубанского края, хранившийся в колокольне одного из храмов. Когда румынское оккупационное командование решило освободить храм для проведения богослужения, а все бумаги сжечь, Польский со страниц газеты "Утро Кавказа" потребовал остановить варварский акт, обратившись к бургомистру Меркулову. В архиве были бесценные документы по истории Кавказа и казачества (и в их числе многие документы, связанные с Лермонтовым: дело о захоронении поэта, судебные дела о дуэли, военные приказы о его перемещениях по службе и т.п.).

Вместе с отцом Леонид Николаевич забирает из отдела атеизма местного музея иконы, облачения, церковную утварь, всё перевозят в кафедральный собор Святого Андрея Первозванного. Отец Николай освятил храм и провёл в нём службу - которая не прерывается по сей день! Забегая вперед, скажем, что отец Николай Польский был настоятелем собора до самой смерти - но только вот сына из лагеря не дождался. В 2007 году его надгробие в соборной огаде было реставрировано...

Леонид Польский (слева) в годы учёбы во Владикавказе, 30-е гг.

Но вернёмся в 1942 год. "Невесты" всё нет (потом выяснилось: майор ГРУ, вербовщик Польского, пропал при паническом отступлении, "невеста" погибла). Как говорил потом Леонид Николаевич, это спасло его жизнь. Таких совершенно неподготовленных горе-шпионов органы оставляли во множестве, для отчётности. Их ловили с первым же выходом в эфир и расстреливали.

Не подозревая о горькой утрате "невесты", упорный "резидент" всё больше втягивается в новую жизнь. Немецкое командование на казачьих землях разрешивает листовки на немецком и русском языке - призывы к солдатам Вермахта: *"Вы пришли на земли казаков, потомков древних готов, близких нам по расе. Казаки как наиболее пострадавшие от большевиков сословие России - наши потенциальные союзники. Любей, кто покусится на жизнь, свободу, собственность казака будет нести ответственность по законам военного времени"*. Во многих станицах воссоздавалось местное самоуправление, открывались церкви. В сентябре состоялся аграрный слёт казаков Кубани и Северного Кавказа. *"Настоящие казаки разгуливали по бульвару, разглядывая город"* - и вызывая восторг окружающих. Тогда же начала выходить газета "Утро Кавказа", в которую Польский был приглашён Б. Ширяевым, бывшим узником Соловецких лагерей.

Леонид Польский публикует свои работы о Лермонтове на Кавказе, о казачестве, его приглашают к сотрудничеству в казачьей прессе - газетах "Клинок" и "Казачья лава". Читает его и П.Н.Краснов. Тем временем Польский понимает, что карьера разведчика провалилась, не начавшись - и невозможно будет объяснить в НКВД, зачем он остался на захваченной врагом территории. Одно возобновление церковной службы в соборе грозило страшной карой (откуда ему было знать, что сам "отец народов" по примеру врага призвал Церковь молиться о спасении Родины!).

В начале 1943 года битва под Сталинградом принесла перелом в ход боевых действий. Фронт неумолимо приближался к Дону, Кубани и Тереку. Пожилой атаман Краснов, к тому времени более романтичный и тонкий литератор, нежели военный лидер, выдвигает план создания казачьей области на севере Италии. Проект был одобрен руководством Германии - казаков решили заодно использовать против партизанских бригад на Балканах и в итальянских Альпах (против Красной Армии - всё же опасались). Как бы то ни было - атаман Краснов вводил казаков и их семьи от новой волны неминуемого террора. Мало кто верил тогда, что Красная Армия сможет ворваться на плечах разбитых немецких войск в самое сердце Европы!..

Стали звать всех желающих на земли "Новой Казакки". Но никакая агитация не понадобилась - люди, пережившие ужасы расказачивания, готовы были идти, куда глаза глядят, лишь бы подальше от коммунистического рая.

В начале 20-х семьи наших прадедов выводили из куреней и расстреливали на пороге родных хат, станичные колдодцы были доверху забиты телами детей и стариков. Десяти лет не прошло - раскулачивание, Голодомор... Станицы обезлюдели. Для нас сейчас - это история. Для наших делов в 40-х - живая неотступная боль. Не за лучшей долей тронулись в свой последний путь многие тысячи казаков - они уходили от рабства, пытались спасти свои семьи от мучений и гибели.

Ушёл и Леонид Польский. Сначала в Крым, где встретил Женю, свою будущую жену. В августе 43-го они повенчались - и союза их не смог разрушить даже ГУЛАГ. Хотя ужиться вместе двум ярким творческим личностям было не просто. Ученики Леонида Николаевича с улыбкой вспоминают ссоры в семье Польских - по законам классической драмы. Артистичная "баба Женя" восклицала: *"Боже! С кем я связала свою жизнь!.."*, - протягивая руки к невольным зрителям: *"Полюбуйтесь на эти руки! В Берлинском ресторане их целовал атаман Шкуро!.."* Дядя Лёня в ответ рокотал, что судьба вдовы повешенного атамана не слаще участи супруги литератора - опального, но живого... Леонид Николаевич несколько месяцев не дожидаясь до своей золотой свадьбы...

Польский охотно рассказывал о встречах и с П.Н.Красновым. Добрые отношения у него были не только с самим Петром Николаевичем, но и с тремя поколениями семьи атамана, со многими другими представителями первой волны эмиграции.

Вместе со штабом Краснова Леонид Николаевич пере-

бирается в Фриули, столицу "Новой Казакки". В Северной Италии казаки обживались по-хозяйски. Перво-наперво переименовали горные реки. И 60 лет спустя жители итальянской "станицы" Коваццо называют пастбища, к которым водят скот через реку - "за Доном". Городок Олесо называли Новочеркасск. Много воспоминаний о казаках можно услышать в окрестностях Удины, Джемона, Толменцо. В большинстве семей сохраняются о них добрые предания, легенды о несусветных количествах выпитого вина, оставленные казаками вещи...

Перед самым окончанием войны казаки совершили свой последний в истории переход через Альпы - пешком и на повозках, с жёнами, детьми и стариками. Поход этот не так знаменит, как героический марш под водительством Суворова, хотя жертв было намного больше. Спустившись с перевалов в горную Австрию, казаки сдали оружие английскому командованию. Происходили братания с английскими солдатами, офицеры устраивали поочередно казачьи и британские званые ужины. На них среди других старших офицеров присутствовал и войсковой старшина Польский. Многие генералы и офицеры были участниками 1-й Мировой войны, тогдашними союзниками англичан, имели английские военные награды. Лидеры П.Н.Краснов и А.Г.Шкуро были кавалерами высших орденов Британской Империи.

Конец истории известен - вероломное предательство, фильтрация в органах СМЕРШ, расстрелы, ГУЛАГ...

Казака Польского спасла от расстрела безграмотность допрашивавшего его смершевца. На вопрос о воинском звании Леонид Николаевич ответил честно - "войсковой старшина". На что получил ответ: *"А чо к офицерам лезешь? Раз старшина, валя в барак к рядовым!.."*

Первый, "мягкий" приговор - 10 лет - был обычным для всех рядовых казаков. Получила его и Евгения Борисовна. В своей книге она пишет, как вечером, когда сопротивление казаков, женщин и детей было сломлено, трупы собраны и подсчитаны, а избитые увезены на грузовиках, к ней в барак зашёл один из британских солдат, участвовавший в акции: *"Он признался, что, работая в авиации, много раз бомбил города, но сегодня ужаснулся впервые: перед ним лицом к лицу были женщины и дети. Почему, спрашивал этот иностранный еврей, среди преступников войны так много "баб" и "дам" и детей? Почему?.. Ночной солдат сказал мне, усмехаясь, что жители Лиенца вечером отказывались их обслуживать в ресторанах и магазинах, объясняя: "Вы стреляли в КРЕСТ!.."*

"Стреляли в Крест"! Очень точные слова, кстати, выражающие неприязнь жителей Лиенца к англичанам. Существующую в этих местах и по сей день - наряды с искренней симпатией к казакам. Недаром в полном порядке, буквально любовно содержится там казачье кладбище, где похоронены жертвы предательской выдачи (а вот наши новые "антифашисты" - из очередной "красной бригады" - стреляли в этом году в Москву в плиту с крестом, установленную внутри церковной ограды в память казачьих атаманов).

Но вернёмся в 45-й год. После войны на короткое время в СССР была отменена смертная казнь - "реверанс" западным союзникам. После недолгого "моратория" расстрелы возобновились. Казачьи офицеры, как и другие "личные враги" Сталина, подлежали уничтожению. Большинство из них были расстреляны - как друг Польского, Николай Давиденков, автор приводимого далее лагерного портрета Леонида Николаевича.

Было пересмотрено, как и дела всех офицеров, дело Леонида Николаевича. Сам он в очередной раз избежал смерти буквально Божьим чудом. По ст. 58-10 получил 25 лет - следствие, как не билось, не смогло доказать его причастность к *"распространению нацистской идеологии"*. Польский не написал ни одного слова против своего народа!

Срок он отбывал в "Речном" - особом лагере 1Л-354. Уже в воркутинском лагере Польский, видя, как гибнет народ его, обращается в правительство с требованием освободить казаков и наказать виновных в том, что лучшие воины России стали противниками Советской власти. Это обращение с началом перестройки не раз публиковалось в виде записки "О судьбах казачества".

Выйдя на свободу, Леонид Николаевич писал для "самиздата", в том числе о трагической истории казачества. А

его научные труды и исследования выходили под чужими именами. Так, фундаментальная работа «История Христианства на Северном Кавказе» подписана... «Гедон, Архиепископ Ставропольский». Книга «И звезда с звездой говорит» знакома многим, неоднократно переиздавалась. Написана она Л. Польским, помогала Евгения Борисовна, авторы на титульном листе - Е. Польская и Б. Розенфельд. Множество диссертаций, книг и статей получено учениками из рук «дяди Лёни». От них взамен он требовал лишь одно: «Пишите правду и одну правду, она ваше оружие против лжи и подлости советских борзописцев и их хозяев!»

В конце 60-х годов над казаком снова сгустились тучи. Произошёл случай, очень характерный для Леонида Николаевича, никогда не скрывавшего своего отношения к коммунистам. Его отказались выпускать - как лицо «без допуска» - в краевой партийный архив, ранее им же спасённый. Дело дошло до рукоприкладства. Причём история эта попала, что называется, «на самый верх» - к «серому кардиналу» ЦК КПСС Суслову!

Педантичный и непримиримый, тот имел лишь одну слабость. Долгое время возглавляя Ставропольскую краевую парторганизацию, а в войну - краевое подполье, он продолжал любить Северный Кавказ. Из Москвы дело Польского вернулось с резолюцией - «Оставьте старика в покое».

В 60-е, 70-е и 80-е годы выходили под чужими именами и многие литературные работы, написанные Польским - тогда было распространено т.н. «литературное рабство». При жизни Леонид Николаевич не держал в руках ни одной «своей» книги! Работы, подписанные его именем, стали выходить лишь недавно. Вот эти произведения - «Летопись Пятигорска»; «Главный проспект»; «Ресторация»; «Лермонтов в Пятигорске»; «Пушкин в Пятигорске»; «Лев Толстой в Пятигорске»; «Встречи у источника»...

Стаби в самиздате о Гражданской войне на Кавказе и рассказачивании, кроме работы «Правда о Сорокинщине» - не сохранились.

Судьба Евгении Борисовны сложилась удачей. Её «статья» по ГУЛАГУ была мягче; начиная с оттепели 60-х годов, ей было разрешено заниматься литературной работой. Она издавалась, даже вела в 70-е программу о литературном краеведении на краевом ТВ.

Много времени дядя Лёни уделял своим ученикам. Настоящих их было не так много, как выяснилось на праздновании недавнего юбилея - в течение 30 лет большинство коллег шарахались от Польского. Прослыть его другом - могло стоить карьеры любому. Осуждённый по антисоветской статье, постоянный автор разоблачительных статей в самиздате, он был под пристальным присмотром органов. Многократно ему пыгались пристроить «учеников с погонами», но стукачей он раскалывал мгновенно и гнал из дома.

Многие считали Польского человеком неуживчивым, язвительным (как и Лермонтова). Мнение ошибочное. Как и знаменитый поэт, дядя Лёня буквально физически не выносил фальши, двуличия. Терпеть не мог советского «новояза» и всего, что большевизм привнёс в русскую жизнь. Он был добрый, щедрый, отзывчивый, а в общении с женой и друзьями мог быть кротким и нежным.

Об этом и последний рассказ. История давняя, конца 1960-х годов.

В пебликом от Пятигорска Лиецке жила небезразличная к своему предмету школьная учительница. Она боготворила Лермонтова и передала свою любовь ученикам. Ребята организовали кружок любителей поэзии, быстро разросшийся до детского клуба - как сейчас бы сказали, «фанатов» поэта. Назвали его «Парус». Кто-то дал им адрес Леонида Николаевича - которому они и свались на голову, предварительно даже не списавшись. Дядя Лёня разместил юных лермонтоведов на ночлег в школе и от рассвета до заката водил по заветным лермонтовским местам. Проводил и велел приезжать ещё. На следующее лето они приехали снова. Так началось великое паломничество к

«дяде Лёне», растянувшееся на 20 лет...

Дети выросли, переженились, их дети подняли «парус» - и снова по тому же маршруту. Что искал «Парус» в «краю далёком» - мне понятно, сам бы ходил за Польским и слушал с открытым ртом в любом возрасте. Но вот зачем это самому «экскурсоводу»? Леонид Николаевич ставил исследовательскую работу намного выше жизни. В опубликованной переписке корил близких за малейшее промедление в отсылке ему архивных материалов, книг, документов. Мог отчитать известного литератора, как мальчишку, за потерю старой газеты. И такая трата сил и времени на «парусят», как он их называл...

Судьбе было угодно познакомить меня с одним «парусёнком». Мужчина средних лет, солидный. Сфера деятельности не связана с историей или литературой. Ссылатся на него не уполномочен, посему пусть он так и останется безымянным «парусёнком» - тем более, что званием этим очень гордится.

Со стороны, наверно, разговор наш выглядело презабавно. Двое немолодых мужчин сидят рядком, один вцепился в руку другого и не отпускает. Говорит без умолку, в глазах

детское сияние, будто пацан рассказывает другу о первой в своей жизни новогодней ёлке. Он не сказал ни разу - «Польский рассказывал о...» Нет, - «дядя Лёня учил нас...» И стало ясно. Старый казак был великий стратег!

Даже любимые ученики попадали ему в руки с уже сформировавшимся мировоззрением и душевной организацией (увы, советскими). Они с женой не имели детей, их молодость и здоровье были изувечены в лагерях, но душу они сохранили. Рассказывая о грозном Кавказе, об исполинах - казаках и мужественных горцах, о воле, о гениях русской земли, попавших

сюда не от хорошей жизни, оставивших великие произведения, вдохновлённые вольной жизнью - Польский действительно *учил* детей. Учил чувству собственного достоинства и благородству, христианскому состраданию и умению прощать - многому тому, чему в школе не учили. Леонид Николаевич зажёл в их душах неугасимую лампадку, которую погасить не в силах никакие «партхозактивы». Дядя Лёня вложил в них свою душу. «Парусята» - это «засадный полк» кубанского войскового старшины.

Леонид Польский, соратник атаманов Краснова и Шкуро, испил свою горькую чашу до дна. Своей судьбой доказал, что «жить не по лжи», как писал Солженицын, в советской России - можно! Даже публично отказался получать советскую пенсию...

Единственными кадрами, запечатлевшими дядю Леню живым, остаются фрагменты лучшего и по сей день фильма А.Марьямова «Долгая дорога из Фриули» о Лиецневском финале казачества, снятого в начале 90-х годов. Фильм этот, призёр многих международных кинофестивалей, не показывали на главных каналах ТВ более 12 лет. Заканчивается он так - супруги Польские уходят от нас по туманной аллее. Баба Жёня опирается на руку своего казака, дядя Лёня - на палочку... Перед тем, как окончательно скрыться, они на несколько секунд оборачиваются и смотрят зрителю прямо в глаза. Не знаю, как другие, а я в них вижу обращение: «Казаки, не роняйте себя! Помните о тех, кто отдал свои жизни за вашу свободу!»

Даже те, кто воспринимает служение казачеству лишь как ношение красивой формы - не забывайте, пожалуйста, это право завоевано ценой жизни многих людей. Тех, благодаря кому мы можем в слух произносить слова старой молитвы: «Слава Богу, мы - казаки!»

Вечная память дяде Лёне. Добрый был казак!

А.С.

PS: В последний момент стало известно - в Железноводске, при до конца невыясненных обстоятельствах, во время взрыва дома погиб Николай Семёнович Тимофеев. Это он ухаживал за одинокой Евгенией Борисовной, переиздал её книгу «Это мы, Господи...» - недаром она называла его своим приёмным сыном. Сам почти ослепнув, Н.С.Тимофеев собирал средства на помощь ветеранам Лиенца, издал их воспоминания (пять сборников «Война и судьбы») и свои «Записки юного Казака» - он тоже был участником трагедии Лиенца, прошёл сталинские лагеря...

Е. Б. Польская и её книга о Лиенце и участии казаков в сталинских лагерях

Последняя ночь в камере с Николаем Давиденковым

С Николаем Давиденковым Леонид Николаевич Польский, в то время редактор газеты "Информационный листок", познакомился в Германии. Потом, при поддержке начальника Главного управления казачьих войск генерала П.Н. Краснова, оба они оказались в редакции еженедельной газеты "Казачья лава" (издававшейся в Берлине в 1942-45 гг. как орган Центрального Комитета "Союза Возрождения Казачества").

Николай был сыном знаменитого невропатолога академика С.Н. Давиденкова, после войны ставшего главным редактором многотомного издания "Опыт Советской медицины в годы Великой Отечественной войны". Коля был приятелем Льва Гумилёва, был тоже арестован и сидел в тюрьме одновременно с ним. Но в 39-м году, в отличие от Лёвы, Коля, вместе с целой группой студентов, был отдан под обыкновенный суд и отпущен. Как вспоминала Лидия Чуковская, *"оправданный по суду, он, однако, не был восстановлен в университете. Из-за этого он подлежал призыву в армию, куда и был взят в начале 1941 года. Вместе с нашими войсками Давиденков побывал в Польше, откуда изредка писал мне. Затем письма прекратились - Гитлер напал на Советский Союз; под Минском Давиденков, тяжело раненный, взят был в плен, бежал, оказался за границей..."*

Рассказ этот в "Архипелаге ГУЛАГ" уточнил А.И. Солженицын: *"О жизни его в годы войны Л. Чуковская имела сведения неверные, а на Западе меня поправили люди, знавшие тут его. Кто уходил из лагеря военнопленных, и все сгорали тут, в месяцы, год, а Давиденков и вдвое: был капитаном РОА, сражался, имел невесту (Н.В.К., осталась на Западе) и книги писал, видимо не одну, - и о ленинградских застенках 1938, и "Предатель", военного времени повесть под псевдонимом Антик (оборот имени невесты). Но в конце войны попал в советские лапы. Может быть, не всё о нем было известно - приговорили к расстрелу, но заменили на 25 лет. Очевидно, по второму лагерному делу он получил расстрел, уже не заменённый (уже возвращённый нам Указом января 1950)".*

Вместе с генералом Красновым, как его адъютант, даже что-то вроде приёмного сына, поручик Давиденков прибыл в Северную Италию. Был выдан в СССР в Лиенце 1 июня 1945 года.

С Польским они вновь встретились, оказавшись в одном лагере. Проходили по одному уголовному делу и были оба осуждены 5 ноября 1945 г. к десяти годам лишения свободы. А затем приговором военного трибунала Северо-Кавказского военного округа от 1 ноября 1950 г. Н.С. Давиденков был приговорён к высшей мере наказания - а Л.Н. Польский осуждён к лишению свободы в исправительно-трудовых лагерях сроком на 25 лет с поражением в правах на 5 лет.

Дядя Лёня рассказал о последней ночи 31 октября 1950 года в камере Краснодарской тюрьмы. Кроме Польского и Коли, там был и бывший начальник контрразведки Румынской армии - о чём советские контрразведчики не знали, он шёл у них по совсем другому делу (я не запомнил его фамилии, хотя дядя Лёня ее называл).

- Мы знали, что завтра состоится судебное заседание, на котором решится наша судьба. Что и как будет, мы, конечно, не знали, но готовились к вышке, понимали, что, может быть, видимся последние часы, хотя в то же время какая-то надежда ещё сохранялась. И, тем не менее, мы обговорили с Колей следующую комбинацию. Дело в том, что со мной в лагере была всё время вот эта книга, - тут дядя Лёня достал из книжного шкафа простенькое издание "12 стульев", 30-х годов, с треугольной печатью ГУЛАГа на обороте обложки. - Эта книга уже не раз передавала мне нужные сведения. Мы знали, что в книге нельзя делать никаких замечок, наколок, подчёркиваний, все листы должны быть чистыми, иначе её могут отобрать как средство передачи секретных сведений. Я избрал другой путь, о котором лагерное начальство не догадывалось. Но Коля знал. Мы договорились, что я передаю книгу ему. После суда нас всех разъединят, и потом, если

Единственный лагерный портрет Л. Польского, выполненный его другом - Ник. Давиденковым

я останусь в живых, то буду требовать по лагерному порядку, с написанием специальных заявлений книгу назад. Если Коля будет жив, то он мне не отдаст её, скавшись, что это его книга, но узнает, что и я жив, поскольку к нему за ней обратятся. Если же его не будет в живых, книга вернётся ко мне. Всё это мы обсудили спокойно, без слёз и истерик, поскольку за эти годы уже столько всего перенесли, что не раз были готовы к самому страшному.

После этого мы разошлись по углам камеры. Я не знаю, как провели эту ночь в камере мои собратья, сразу ли они заснули, но я лично встал на колени и стал молиться. Я ничего не видел вокруг себя, мои мысли были все обращены к Богу. Не могу сказать, сколько прошло времени, но вдруг я увидел, как открылась дверь камеры и вошла Женщина - я до сих пор помню всё до малейших деталей, она была небольшого роста, худощавая, одета в светлую одежду. Она подошла ко мне, сняла со своей головы покрывало, которое было как узкая шаль, и накрыла мою голову, плечи ею, а я в это время так и оставался стоять на коленях. Затем она тихо вышла. И я понял, что увидел Богоматерь. И я понял, что Она спасла меня от смерти. Я тут же отключился и проснулся утром, когда начали громыхать в коридоре тюрьмы. Коля был рядом, но я так и не знал, спал ли он или нет. Он был в каком-то тревожном, возбуждённом состоянии, и всё время повторял одни и те же фразы.

Вскоре за нами пришли и увели на суд. Там огласили приговор. Коля и начальник контрразведки получили вышку, мне дали 25 лет. Нам даже не дали проститься, обняться, тут же конвоиры увели всех в разные камеры.

Через несколько дней меня привезли в воронку на вокзал и посадили в вагон. Поезд повёз в лагерь. Везде, где останавливался состав, я бросал через щели вагона скрученные в трубочку записки, с одним и тем же текстом: *"Срочно позвоните в Ленинград по телефону (далее шёл номер) профессору Сергею Николаевичу Давиденкову и скажите, что его сына приговорили к расстрелу. Пусть немедленно обрабатывается на высочайшее имя с просьбой о помиловании"*.

Не знаю, выполнил ли кто-нибудь эту мою просьбу. Но книга, как видите, у меня. Когда я её получил, то долго плакал и молился об упокоении души убиенного раба Божия Николая...

После смерти Сталина определением № 5-1792/45 Военной Коллегии Верховного Суда СССР по протесту Главного Военного прокурора СССР приговор военного трибунала СКВО от 1 ноября 1950 года в отношении Л.Н. Польского был изменён со снижением срока наказания до 10 лет. А 14 сентября 1955 года он был освобождён из мест заключения - и, несколько позднее, на основании статьи 6 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 г. "Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941-45 гг.", даже признан **не имеющим судимости**.

- Уже когда я вышел из заключения, - продолжал свой рассказ дядя Лёня, - через несколько лет оказался в Ленинграде. Телефон отца Коли я помнил и помню до сих пор. Я позвонил по телефону-автомату. Ответила женщина, я спросил, не могу ли я поговорить с академиком Давиденковым, она поинтересовалась - по какому вопросу, и когда услышала, что мы сидели с Колей, то вдруг очень сухо ответила: его этот вопрос не интересует, забудьте этот телефон и больше никогда сюда не звоните. Я так и не знаю, кто это был, может быть, секретарь отца Коли, может быть, кто-то из родственников...

Память о Коле сохраняется в моей душе, в его рисунках, которые у меня уцелели. Каждый раз, когда я захожу в храм, подаю большой список об упокоении погибших и расстрелянных друзей. Пока жив, буду их помнить, буду за них молиться. Ведь эта Богом проклятая советская власть никогда не вспомнит ни одного из тех, кого она замучила!..

В. Захаров

“Байки деда Игната - о том, как жили когда-то”

Немало интереснейших воспоминаний дошло до нас лишь потому, что их внуки в детстве по много раз слушали истории о прошедших временах - а, став взрослыми, запечатлели их на бумаге.

Большинство таких воспоминаний, однако - дворянские; есть пересказы историй из жизни купцов и разночинцев. Теперь же - сдаётся мне, едва ли не впервые! - отдельной книгой выходят подлинные рассказы казака-конвойца. Семейные предания, передававшихся от дедов к внукам в семье Радченко со времён Екатерины II (“*порой забавные, порой странные, но всегда очень правдивые - ведь дед Игнат брехать не станет!*..”) - та нить, что связывает воедино несколько поколений этого кубанского рода.

В четырёх номерах подряд “Станица” печатает эти рассказы. “Байки деда Игната” - это наглядное свидетельство того, что настоящая народная культура вовсе не осталась где-то далеко позади сегодняшнего дня, а жива и развивается!.. Надо только не лениться записывать - как это делает **Виталий Григорьевич Радченко**, записывая то, что рассказывал ему в 1930-х годах его дед - **Дмитрий Игнатьевич** (тот самый “дед Игнат”). Он родился в 1879 году в станице Староинжестеблиевской, дожил до 1956 года. Большое спасибо и праправнучке его, Софии Пономарёвой - это её стараниям байки набраны и попали в нашу редакцию. А теперь вот - уже и изданы НП “Историко-культурное наследие Кубани” отдельной книгой (в чём есть толика трудов и нашей редакции!).

“У каждого деда был свой дед, - говорит Виталий Григорьевич. - Внуки нынешних дедов про это как-то не думают. Для них родословная вглубь времён далеко не уходит. А вот мы, внуки нашего деда, хорошо знали, что у него был дед, у которого, в свою очередь, тоже был дед. А где-то там, в таинственной дымке прошедших веков, землю топтали какие-то наши пра-пра-пра... А знали потому, что наш дед любил рассказывать о своем деде, а мы, внуки нашего деда, любили слушать. В отличие от моих внуков, коих куда больше интересуют побасенки из телевизионного ящика. В нашем детстве его не было, и для нас дед Игнат заменял не только телевизор, но и кино, и радио...”

Впрочем, дед признавал, что немалая часть той нечисти была надуманной, предназначенной для припугивания расшалившихся чад. К примеру, детям говорили, что по полям ходит “бабушка-огородница”, в руках у неё - горячая сковородка, на которую она сажает детей, ворующих с полей-огородов зелёный горох и другие несозревшие плоды-ягоды... Чепуха, конечно, дед это знает по собственному опыту. Или совсем уж маленьким детишкам, чтобы их как-то унять, говаривали: тише, а то хока придет! И ребёнок замолкал. А что оно за “хока” такая, никто не знал и знать не мог, потому как “хока” и есть “хока” и ничего больше. Все одно, как и “бабай” - страшный дед, якобы шатающийся по вечерам промеж хат и прислушивающийся, кто из детей не спит, старших не слушается, балуется, и “неслухьянных” забирает с собой. Так, одна агитация и пропаганда, а попросту - брехня. Но полезная: глядишь, “яка дэтына” и угомонится...

Но была, по уверениям деда Игната, и подлинная нечистая сила, действия которой ощущались людьми зримо и незримо. Еще совсем малым хлопчиком он сам видел, как в болотных зарослях что-то зашебуршилось, а потом с

Прежняя казачья жизнь, к сожалению, известна нам в основном по описаниям сторонних наблюдателей, что придаёт “Байкам” особую ценность. Это не “этнографическое”, бытоописательное повествование. Рассказчик передаёт картину ушедшей жизни в совершенно особом, народном восприятии: мир в нём предстаёт целостным, чудесным, управляемым Божескими (суровыми, но справедливыми) законами, и у всякого существа, человека ли, медведя или даже растения, здесь свой особый характер и смысл. Всего в книгу включены 40 рассказов, содержит она также большое количество старинных иллюстраций, и предназначена для самого широкого читателя.

Байки сохранили в полной мере стиль и язык рассказчика, самый аромат прежней жизни, удивительный народный юмор. Рассказывается в них о жизни казаков до переселения на Кубань, как осваивали новые земли, о Кавказской войне и взаимоотношениях с горцами, жизни станиц в 19-м веке, службе, обычаях и бытовавших суевериях. Значительная часть баек - воспоминания казака, служившего в Конвое Государя Николая II примерно до 1904 года, и о том, что происходило на Кубани в Гражданскую войну.

При том, что “дед Игнат” любил непременно вывести мораль, в байках нет места идеологии. Его герой - “добра людьяна”, что сохранит стойкость духа, справедливость и интерес к жизни в любых обстоятельствах. Рассказывая о своих предках - нескольких поколениях обычного казачьего рода - на самом деле дед говорит об истории всего нашего народа, увлекательной и трагической. Именно таких книг и не хватает праправнукам наших дедов, именно такие книги могут воспитывать любовь к своей стране!..

Книга “Байки деда Игната” издана в Москве тиражом две тысячи экземпляров при участии **Благотворительного фонда “Вольное Дело”** известного поддержкой родной кубанской культуры **Олега Дерипаски**. Почти весь тираж предназначен для передачи в библиотеки края - байки могут стать лучшим учебником “Кубановедения”, дополнив живым увлекательным рассказом о прошлой жизни страницы историко-этнографических очерков “Кубанского сборника”, других “серьёзных” изданий.

Наряду с этим библиотекам края будут переданы в дар и собранные с помощью фонда “Русское зарубежье” комплекты книг по истории и культуре России. Вот только бы не отказывались от них на местах (случай такие, увы, были!). Особые распоряжения властей нужны, видите-ли...

Байка девятая - про Ивана Купалу и царя над цветами траву - напорот

криком взлетело, плюхнулось в воду и пропало, “як його нэ було”. Игнат дал деру, а дома ему сказали, что то был не иначе, как ачнутка - маленький чертеноч, которому волк откусил пятку, и поэтому он сам всего боится, а если кому и вредит, то по мелочи - лодку раскачает или неожиданно остановит посреди речки, а то рядом с рыбаком “забулькотыть, забулькотыть, тай сгынэ...”

По словам деда Игната, такая “малая” нечистая сила была очень обильной. Чего-чего, а этого хватало. Тут “чур” и “хватало”, “сарайник” и “русалки” разного сорта, “вий”, водяные, оборотни. А то еще был “Переплут” - дедуля добрый и большой любитель поесть и выпить. Батько кума Тараса рассказывал, а он брехать не станет, что, когда он служил на кордоне, к ним как-то в “Пэтривку” (Петров пост) “залучився” дедок, маленький росточком, седенький, с длинными усами, босой и в соломенной шляпе. Слово за слово, сели обедать, пригласили того деда отведать, что Бог послал. Дед повесил свой соломенный брил (шляпу) на ближайший куст, примостился к столу, покачал сивой головой:

- Что же это, хлопци, у вас харч такой скудный?

- Так пост же, дедуля, - напомнили ему служивые.

- Вы ж при боевом деле, - не согласился гость. - А я хворый...

И достал из оклунка “чималый шмат” сала, пригласил хозяев. И батько кума Тараса заметил, что сколько бы дедок не отрезал от своего шматка, он, тот шматок, не уменьшался. “Шо за наваждение, - подумал казацюга, - то ж нэ можа будь!” И, как при всяком наваждении, перекрестил дедов шмат коротким крестом. И что ж тут случилось! Тот

шмат вспыхнул синим пламенем и молниеносно сгорел. Как порох - ш-ш-ших, и нет его! Оторопевшие казаки побросали было взятые куски того сала, мол "хай йому грэц!". А кто успел-таки его надкусить - выплюнули, почуяв во рту пакость и скверну. Оглянулись - где же дедок, а того и след простыл. Сгинул, как вроде его и не было. Только на кусте тепелался его соломенный бриль, и тот на глазах у всех затуманился, затуманился и растаял, как табачный дым...

Потом казаки прознали-таки, - добрые люди недоумили, что у них на кордоне по всем признакам побывал дед Переплут - добрая, но все же нечистая сила.

- Да, - говаривал дед Игнат, - в старовину много было и слухов, и баек про нечистую и получистую силу, откуда что бралось. Ни в одной газете не прочитаешь, ни по какому радио не почувешь. Все те же слухи разбегались по людям сами собой, видать, при помощи все той же нечистой силы.

И было в году два праздника, когда все эти силы любили табуниться, веселиться и строить всякие проказы. А с ними якшался и наш брат - грешный человек. А чего не попридновать и не принять хмель на душу, пускай даже и на чужом пиру. Один такой праздник случался зимой, в самые длинные ночи - на Рождество Христово и до самого Крещения, а то и дольше, насколько кого хватит. Шли святки-колядки - веселились без оглядки. Ряженые хлопцы и девчата перепутывались с настоящими анчутками и бесенятами, не отличить, кто из них кто... Играли и гадали, и общение с той нечистой силой, хотя и было греховным, но не считалось особенно предосудительным...

Другой, не менее знатный праздник такого рода был посреди лета, в самые короткие ночи - на Ивана Купалу. У нас его любили не меньше, чем зимние колядки, потому что народ - он всегда подурачиться рад, а тут это можно было делать, как и на Рождество, без огляду и всякого сомнения.

Кто он, тот Купала, говорил дед Игнат, никто не знал, забыли по давности его бытия. Но то был Иван, а значит, наша "людьина". Вот только почему к нему цеплялась вся эта нечистая сила? А подумать, так ведь к кому она не прицепится, вилы ей в бок!

Вместе с тем, Иван Купала по-старопржему был праздник как бы церковный, христианский, ибо это был день рождения Иоанна Крестителя, который самого Иисуса Христа крестил в Иордане. Крестил, значит - купал, а по простым понятиям, это и было главным содержанием праздника. "Креститель", "купала" - всё смешивалось в эту ночь - и игра, и суеверие, и крестная, и нечистая сила...

Как и на Рождество, все местные ведьмы собирались на Ивана Купалу в кучу, и уж что они там вытворяли, как куролесили-бесили, мало кому ведомо. Одно только было известно точно: проводили они время с самими чертями. Другая нечистая сила тоже выползала из своих постоянных обиталищ и включалась в общее торжество. Особенно, если ночь была тёплая и звёздная, а она на Ивана Купалу, можно сказать, всегда была именно такая.

На Ивана Купалу собирали впрок целебные и чудодейственные травы и коренья, ибо все они к этому времени набирали наивысшую силу и значимость. Тут был и Петров крест, которого смертельно боялась вся нечистая сила, и чернобиль-трава, дающая здоровье доброму христианину, стоит лишь вплести её в косу и с наговором положить возле хаты, и чертогон-чертополох - важнейшее средство от чертей и колдунов, и зяблица от бессонницы и младенческого крика, и многое, многое другое, известное всем и неизвестное никому, кроме особенно отмеченных знахарей и знахарок, травников и травниц.

Но особенно любил дед Игнат рассказывать про "траву-папорот", то есть папоротник, как исказили-переименовали его имя нынешние люди. Сам папорот зародился от Солнца. Как рассказывают те же знахари-травники, когда-то, во времена допотопные, сатана, старший чин над чертями, озорую, стрельнул из дробницы по самому Солнцу. И, видать, попал, потому что упало с того Солнца три капли крови, они проросли и появилась трава-папорот. От того его сила, могута и власть. Раны на Солнце зарубевались, но остались пятна, в чем каждый может удостовериться, и даже в постный день, будь то среда или пятница.

Однажды, помню, дед Игнат откуда-то принёс целый куст этого замечательного растения. Из загадочного пучка коричневой шерсти как орлиные крылья взметнулись вверх на половину дедова роста большущие перистые листья, а рядом, словно вставшие на дыбы змейки -

завитки еще не распустившихся веток. Как отличался он, этот куст, от повседневной травы-муравы, придорожного бурьяна, или даже от благородных цветов - паньчей или чернобрицев с дворовой клумбы. Он дышал рыцарским благородством, необъяснимо источал волшебство, пах чем-то древним, непостижимым, таинственным...

Дед Игнат утверждал, что цветёт та трава-папорот очень редко, раз в семь, а может, и в семьдесят семь лет, пригадывая к святым праздникам - на Пасху, например, или ещё когда. Но чаще всего и обильней цветы папорот-травы появляются в ночь на Ивана Купалу, именно такой "купальный" цветок и обладает всей полнотой силы. Кто сподобится найти и сорвать его, - тому открываются все тайны, ему подвластно все. Он понимает любую речь, будь то человек, зверь или птица. Он видит сквозь землю и сквозь стены. Он может исцелить любую болезнь, найти любую пропажу, любой клад. Кстати, на Ивана Купалу цветок папоротника вспыхивал красным огоньком - если поблизости находился заговорённый клад, и это придавало чудеснейшей траве-папорот особую ценность.

На хуторе Гунявом, что за станицей Старо-Джереливской, жил свояк деда нашего деда. Так вот, сын того свояка, хлопчик годков одиннадцати-двенадцати, пошёл как-то к вечеру в Кучерявую балку - искать пропавшего телёнка. Бродил он, бродил по той балке, и оказался в совсем незнакомом месте, заросшем кустарником и бурьяном. Уже стемнело, и ему вдруг стало "сумно", если не сказать и вовсе страшно. А тут ещё что-то в терновнике "замыгало", заухало, и он с перепугу дёрнул из той балки прямо через кусты наверх. Но, как он потом рассказывал, не пробежал и десяти шагов, как на душе у него стало покойно, и в голове ясным-ясенько, что его бедное "теля" за тем вот бугром и беспокоиться не о чем. Он быстро разыскал свою животину и погнал домой. Напрямик, без дорог, по каким-то ранее неведомым ему тропам, как будто что-то ему подсказывало, что надо идти так, а не иначе. Спугнул в одном месте дремавшего под кочкой зайца, который скакнул в сторону и, как показалось хлопчику, подумал: "и чога цэ ця людьина нэ спыць, а лэзэ тут по ночам?"

И когда приблизился к родному куреню, то услышал собак, и те лаем своим сказали ему, что рады его возвращению, а корова, увидев телёнка, ничего не сказала, но подумала, что как хорошо, что всё это закончилось так хорошо...

Войдя в хату, уставший хлопчик быстро скинул чоботы и бросился на солому, на которой покотом спали его братики и сестрички.

Утром рассказывал отцу и матери о том, как он разыскал пропавшего телёнка, как он заблудился в той Кучерявой балке, и как ему вдруг стало ясно, где находится телёнок, и о чем он думает, и как он быстро добрался до хаты, неведомо откуда зная всё на свете - и дорогу, и о чём думает зайчик, и о чем кричала шулика...

- Эгеш, - подумав, сказал его батько. - Значить, тоби було всё ясно? И ты всё знав и понимав?

- Знав, - подтвердил хлопчик.

- Раз так, эсы сыды лозыну, я тэбэ учить стану. Шоб ты в другой раз мэньшэ знав, а бильшэ робыв!

И свояк объяснил своему пацану, что сегодня - Иван Купала, и ночью цвела чудо-трава-папорот. И когда он, хлопчик, "с пэрэляку" продирался сквозь кусты, такой цветочек, а он маленький-премаленький, с маково "зернытко", упал ему в чобот, за голенищу, и он, хлопчик, с той минуты как бы прозрел, и стал "всё знать". А скинув чоботы, когда ложился спать, потерял в соломе тот волшебный вкиток, и теперь знает не больше, чем все...

А нужно было дожидаться утра, расстелить на земле скатерть, помолясь, очертить её кругом крещатой цуркой, и, осторожно сняв обувь, перебраться на той скатерти каждую былинку-пылинку. И найдя папорот-цвет, положить его на "долонь" (ладонь), затем острым ножичком подрезать на бугре у большого пальца кожу, загнать туда цветок и залепить ранку воском от пасхальной свечки. И блюсти тот цвет до последних дней своих. И тогда никакая "лыха година" не будет тебе страшна...

Самой собой, что все купальские праздники не обходились без братьев-касяновичей, их выдумок-фантазёрства. К примеру, то же пускание с бугра прямо в речку колес, обернутых паклей, пропитанной смолой и дёгтем. Пакля закигалась, и огненное колесо на потеху всему "обчеству" летело в ночи, разбрасывая огненные "шматки", а потом шипе-

ло, угасая в воде. Разогнать его и придать правильное направление - тоже нужен был "догад" и хватка... Или сотворение высочайшего костра на берегу всё той же речки, чем выше, тем почетнее. В нашей безлесой местности дело это было непростым. Опять же выручала смекалка. Из хвороста и камышевых кулей связывались длиннющие "драбыны" (лестницы). Установив их стоймя, подпирали такими же "драбынами", заполняли окна образовавшейся башни жгутами из соломы. Ах, как здорово горели такие костры! А если их было несколько, то зарево от такого пожара было видно за много вёрст.

Частым развлечением в ночь на Ивана Купалу было больше жестоко, чем остроумное "лякание", то есть пугание, наведение страха на случайных прохожих. Братья-касьяновичи со своими наиболее преданными друзьями мазали лицо сажею, напяливали шляпы и юбки из куги и рогаза, и залегали в придорожном бурьяне, имея при себе выдолбленные из засушенной тьквы "головы" с прорезями на месте глаз и носа, и зубастой пастью. В нужный момент внутри этой головы зажигался свечной огарок, и по сигналу вся ватага высыпала из засады, с воплем и диким хохотом окружали жертву, приплясывая вокруг неё, дергая за полы и щипая, а затем столь же стремительно исчезала, погасив свечи и затаившись в бурьяне до следующего прохожего...

Но легендарнейшей вершиной купальского бесовства стал "вогонь папорот-травы", устроенный однажды шаловливой станичной братвой. Стекла обычного фонаря закрыли красной тряпкой, и вся банда в тех же одеяниях, что при "лякании" прохожих, вооружившись длинными хворостинами, вышла за станицу, где у "солодкого" колодца в тёплую летнюю пору обычно ночевали проезжие торговцы, прасолы или какая другая публика. Отойдя от колодца с полверсты, весёлая братия залегла в тернах. Ближе к полуночи к колодцу подъехал на коне один из братьев-касьяновичей. Напояв коня, завёл разговор с "постояльцами": "а чи не видели рябу корову, отбылась, сатана...", про то, про сё... И как только вдали загорался условленный заранее красный огонёк, обращал на него внимание собеседников: "нэ иначе, як папорот-травал!". Тут же было произнесено и манящее слово "клад"! И в компании нашлось три-четыре храбреца, решивших попытать счастья.

А огонёк между тем не стоял на месте - он смещался впра-

во-влево, исчезал и снова появлялся на прежнем месте. Как тут устоять, когда клад - вот он, "живой", рядом, рукой подать! Страшновато, конечно - кто не слышал, что он охраняется нечистой силой?! Да уж так ли страшен чёрт, "як його малюють"? Ну, а если с оглядом, осторожно, бережливо... А потом же - Бог не выдаст, свинья не съест... Опять же - КЛАД! КЛАД!..

В этом месте своего рассказа дед Игнат обычно переводил дыхание, разгладив бороду, замечал, что в натуреклады все же бывают настоящие, а не воображаемые. Да про то он еще расскажет, "дййдэ ряд"...

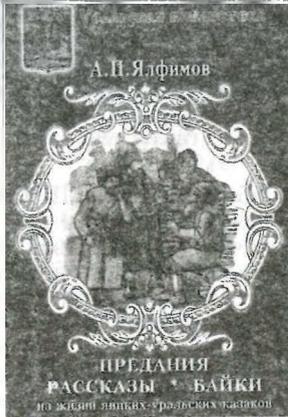
Итак, что же было дальше? А вот что... Убедившись, что дело пошло, как задумано, хлопчик-наводчик, пробормотав что-то про свою пропавшую рябую корову, исчез в темноте. Да и до него ли тут было, когда, гляньте, вон, совсем рядом, алеет магический цветок папорот-травы!

И смельчаки устремились к заветной цели, замедляя шаг по мере приближения к ней. Тем более, что в ночной темени не очень-то видны рытвины, ямки и бугры... Затаив дыхание, ждут их залегшие в бурьяне "хранители клада". Им тоже страшно, - как никак, соприкасаются с делами сатанинскими. А что б вы думали: вдруг она, та самая нечистая сила, тьфу, тьфу, чтоб ей было неладно, и сама всполошится... Но вот первый претендент приблизился к заветному месту, за ним шли остальные. Главный "распорядитель", а им, конечно же, был наш Касьян Касьянович, гасил фонарь и оглушительным свистом подавал сигнал всей братии к встрече любителей дармовых кладов. Дружина выскочила из кустов и с дикими криками налетела на остолбеневших незнакомцев. Кто-то из них падал на землю, другой - дай Бог ноги - старался как можно прворней ударить с окаянного места. Унавшего не трогали, убежавшего старались достать хворостинами, но далеко не преследовали, а по тому же сигналу исчезали с поля боя, чтоб собраться в условленном месте...

Вот так веселились и шутовали в своей ранней юности наши достославные деды и прадеды. И не приведи, Господи, чтобы вы, их внуки и правнуки, повторяли их потехи, ибо всему - и хорошему, и так себе - есть своё время и свой час! Оно, может, и хорошо, говаривал дед Игнат, что та старинная нечистая сила сама собой кончилась, безвестно сгинула. Видать, что не делается, всё к лучшему...

В. Радченко

Яицкая старина

В 2007 году в серии "Уральская библиотека" издательства "Оптима" (Уральск) вышли в свет две книги А. П. Ялфимова - об истории, традициях и культуре Яика.

В предисловии к одной из них - сборнику "Предания-Рассказы-Байки" - составитель пишет: "Создаёт и сохраняет предания сам народ. Мы лишь пользуемся накопленным богатством".

29 разножанровых произведений собраны в сборнике. И в каждом - неповторимый по содержанию рассказ о судьбах, традициях и жизни многих поколений людей, которые с XVI века населяли берега заповольной реки Яик. Рассказаны они подлинным, живым языком яицких казаков.

Вторая книжка - историческая повесть "Казачий норв" - реальная история из жизни двух старообрядческих семей, происходящая в типических обстоятельствах исторической, сословно-бытовой, хозяйственной жизни и воинской службы казаков.

Несколько слов об авторе. Александр Петрович Ялфимов - потомственный яицкий казак, родился в 1948 году. Его предки - старообрядцы, свято хранившие религиозные, духовные и бытовые традиции. В роду Ялфимовых и Черновых - выходцев из низовских казаков, наиболее зажиточных и консервативных - было немало офицеров и священников. Отец писателя, Пётр Семёнович, чудом уцелел

при отступлении армии атамана В. С. Толстова. После установления в Приуралье Советской власти, опасаясь преследований, Ялфимовы переезжали из одного посёлка в другой, пока, наконец, в 1948 году не осели в Уральске.

Александр из семерых детей семьи - младший. О своих духовных истоках он пишет: "Зимой и летом приезжали к нам низовские казаки, выпрягали коней, проходили в дом, и начиналось чудо! Разговаривали они громко, почти кричали, жестикулировали. Казачки более спокойные уравновешенные. Еще тогда заметил, что женщины были какие-то особые - смуглолицые, с выразительными глазами, с гладко причесанными убранными под косынку волосами. Дом наполнялся запахами степи, мороза (если зимой), полыни и свежей травы (если летом). Садись за стол обязательно в горнице, в "задней" принимать гостей было неприлично. Каждая рюмка предварялась тостом, просто так у нас не пили. "Выкушав" по две-три рюмки, запевали песни... Говорили о жизни, о хозяйстве, сенокосе, бахчах. Я в это время где-нибудь затаиваясь, обычно на русской печке, слушал, смотрел... Время шло. Гостей становилось все меньше. Старики умирали, песни менялись, рассказы о былом забывались. Но всё то, что я видел и слышал, живёт во мне и будет жить до тех пор, пока жив я сам".

Детские впечатления послужили автору основой многих его рассказов, где зачастую одними из главных героев выступают именно дети. Читаешь Ялфимова - и чувствуешь искреннюю боль за то, что безвозвратно ушло в прошлое. Ниже вниманию читателей мы предлагаем одну из историй, представленных в сборнике А. П. Ялфимова.

С. К.

На запольной реке

Притчу эту рассказала мне маманя моя, а ей поведала её бабака, которая в свою очередь узнала её от своей бабушки. Восходит быть эта к тем временам, когда про Яицких казаков Москва ещё не знала, жили они вольно и богато, а кормилец Яикушка в летописях древних Запольной рекой прозвался. Ну вот. Слушайте...

Эх и здоровуций был Андрон с молодых-то годов!

Бывало, в бою, в рубке лихой, рона косою косил, от плеча до седла супротивника разваливал, голосом утробным врагов страшал. Вдоволь по самые ноздри навывававшись, женитца решил, домом осесть.

Жану взял, татарку ногайску. Ну ладно бы себе под стать, а то быдта для смеху, маленьку, тониньку, чисто куга. Но зато глаз таких, как у ней, ни у одной станичной казачки не было. Глянет бывало на тебя, враз замолчишь, даже если што и говорил, и уж не отлепишь взгляда-то от неё. А они, глаза-то агромадные, чёрный, с сизиной, дымятся, завораживают. В этом дыму-та и пропал Андрон.

Ладно, жить стали, народили трёх сыновей. Двое - чисто батинька родимый, а последний в мать вылупился. Топкий, гибкий, черноглазый - девкам радость.

Пролетело времечко быстроногим иноходцем, постарел Андрон, хоть и есть ещё силушка, да уж не та. А тут гаркнул атаман-молодец, казаков в поход созывая, за морем богатый приз суля.

Пришли сыновья к Андрону, в ряд встали. Старший и глаголит: "Отпусти-благослави, папаня, на выступление, истомилась в станице сидючи. Подарки-гостинцы вам с маманей привезем".

Мать в косяках охнула, запоном лицо прикрыла. Помолчал Андрон, подумал, потом сказывать начал:

- Ну што ж детки мои, видать пора приспела, он каки казачки уродились. Благославляю вас. В походе помнити, чаму учил вас. Как на мыри с бударой ладить, как путь-дорогу по звёздам искать. Младшинькова биригити.

Ты, Иван, - говорит старшему сыну, - за отца братьям будешь. А ты, Григорий, и ты, Саничка, слушйити яво, он вам в походи - отец. А што касаемо подарков, наказ такой вам.

Привези мне Ванюша, пашку, железа булатныва, штыб разводы по ней шли, штыб гнулыс, но ни ламалыс.

Ты, Гришинька, кушак малиновый, бархыта пирсикыва добудь. Штоб был он широкий и подлинней, спину мою старую поддерживать.

А тебе, последний мой, главный гостиниц придставить надо. Как отпльвёти от станицы и начнёти пить-есть, все

недоеденные кусочки хлеба, вот в этот мишок складывай - и подает его сыну. - Придешь с похода, мне яво придставишь.

Удивились сыновья, но перечить не стали.

Через полгода вернулись казаки с похода, часть с добычей богатой, часть с вестями чёрными. Припожаловал походный атаман в избу Андрона. Доложил: "Прости миня Христа ради, Андрон Стяпаныч, не услидил за твоими. Ураган поднялся на мыри, когда уже с похода домой скатывались, накрыло волной будару с детьми твоими, больше не видал их".

Потемнел Андрон, жену онемевшую от горя к груди прижал:

- Не плачь, верю: живые они, не такова кореня, штоб пропасть.

Через месяц почти прибег парнишка к Андрону в дом, закричал:

- Дедынька, дедынька, тама к берегу сыновья матри твои пристали!

Встать не смог Андрон с лавки, жену, побежавшую было к воротам, назад повернул.

Вошли сыновья в родимый двор, набежавшими казаками и казачками окружённые, родителям поклонились.

Подав Иван отцу пашку железа булатного в ножнах драгоценных, к матери отошел.

Григорий, кушаком бархата персидского, малинового перед отцом махнул, на колени ему положил.

А Саничка-последыш глазами маманиными сверкнул, голову склонив, повинился:

- Прости миня, ради Христа, папаня, нету у миня для тибя гостинца. Када нас на мыри перспракинуло и на остров пустой выкинуло, только за шет этих сухарикыв и выжили...

Чубом смолянным тряхнув, добавил скороговоркой:

- А так-та я их полнехынкий мишок насобирали..

Улыбнулся старый казак сквозь слёзы, сыночка к себе прижал:

- Детки мои, я вить на этот случай и приказал их собирать-та...

Борисов (Ильян) И.В.
КАЗАНИ
В ИЗГНАНИИ И БОРЬБЕ

Наши поздравления!..

В 2007 году исполнилось 70 лет члену нашей редакции кубанскому казаку **Игорю Владимировичу Борисову**. Окончив Московский государственный историко-архивный институт, он стал известным геральдистом, кандидатом исторических наук. Его диссертация по истории дворянской геральдики в России стала в своё время первой в стране - ведь эта тема была закрыта в течение многих десятилетий. И. Борисовым написан ряд важных

работ, в т.ч. книги "Родовые гербы России", "Геральдика России" (в соавторстве). Возглавляя Экспертную комиссию Московской герольдии при мэре города, Игорь Владимирович много сделал для становления геральдической службы в столице, московской городской геральдики; находился у истоков Всероссийского Геральдического общества и журнала "Гербовед".

Но геральдика, разумеется - не единственное профессиональное занятие Игоря Владимировича. В круге его интересов - спортивная эмблематика, этикетка и филателия, плакат и карикатура, исследование истории казачества в Белом Движении, в Исходе и во Второй Мировой войне. Сразу целый ряд работ автора, вышедших в 2006-07 гг., посвящён как раз этим вопросам.

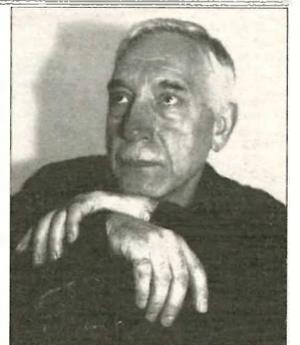
В книгу "Казачья в изгнании и в борьбе" включены малодоступные для многих архивные документы, показывающие психологическое состояние казаков-эмигрантов на

кануне и во время войны с СССР, обзор казачьих журналов. В приложениях приведена переписка с правительственными структурами Москвы об увековечивании памяти казнённых белых атаманов и генералов на Донском кладбище.

Практически неизученным остаётся широкий пласт материалов, поднятый И.В. Борисовым в книжках "Белый плакат и афиша Гражданской войны в России", "Оккупационный плакат" и "Оккупационная карикатура". Найденные им в архивах и фондах изобразительные материалы уникальны. Изображения вождей Белых армий, с которыми население знакомились посредством плаката, добровольческие призывы: "За Отчизну вперёд, дорогие!", "Вперёд, на защиту свободной Сибири!" и др., наверное, мало кто видел. А у известного образа "Родина-Мать" времён Великой Отечественной был плакат-предтеча в Гражданскую: "Сын мой, иди и спасай Родину!" Конечно, с русской стороны, а не советской.

Увидим мы здесь и плакаты о большевистских карательных отрядах, о гонениях на веру ("Бога нету, а есть лишь советы, а бога придумали значит кадеты"). Оккупационные плакаты и карикатуры 2-й Мировой войны вообще не известны читателю, их надо смотреть воочию.

Поздравляя нашего друга и коллегу, отметим - своими новыми работами он сделал - и себе, и нам, и исторической науке - великолепный подарок!

Икона Государя в уральском храме

Получил от редакции "Станицы" книгу "Собственный Его Императорского Величества Конвой" - за что огромное спасибо! На основе содержащихся в ней фотографий и цветных изображений формы конвойцев удалось, наконец, исполнить давно задуманное - написать икону Святого Мученика Государя Николая II в казачьей форме. Написание её местными мастерами - иконописцами благословил игумен Варсонофий.

В начале лета 2007 года я отвёз икону в храм Вознесения Христова ст. Красновской (с. Красное), недавно вновь открытый, в родные яицкие степи. В Гражданскую войну у стен его большевики расстреливали казаков, а неподалёку сожгли заживо около 30 уральцев (в том числе и моего прадеда Исидора). В 1891 году, кстати говоря, в нашем храме молился по дороге в Уральск, на празднование 300-летия служения Уральского Войска Царю и Отечеству, тогда ещё Цесаревич Николай - атаман всех казачьих войск России.

Казачи с радостью приняли новую икону. Думается, в ней есть частичка и Вашего труда! Знать, что тебя не забыли, продолжать получать сегодня казачью литературу и духовную помощь - большое утешение для всех. Помогай Вам Христос!

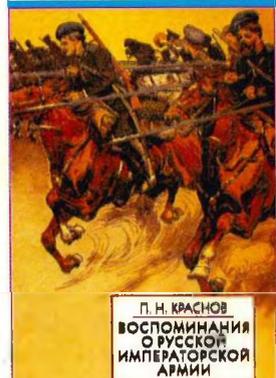
В. Турцов

"Казачи в Персии. 1909 - 1918 гг."

Издательство "Центрполиграф" выпустило книгу П.Н. Стрелянова (Кулабухова) - "Казачи в Персии. 1909-1918" - о военном присутствии России в Персии в начале XX века. С 1909 по 1914 гг. в стране находились экспедиционные отряды Русской армии, ядром и связующими звеньями которой были казачьи части. В книге представлены боевой путь Отдельного Кавказского кавалерийского корпуса под командованием ген. Н.Н. Баратова на Персидском фронте в 1915-18 гг., а также история Персидской Казачьей Е.В. Шаха бригады - уникальной боевой единицы, созданной русскими офицерами и инструкторами. В отдельном очерке - яркая жизнь талантливого военачальника, героя Белого Дела генерал-лейтенанта Н.Г. Бабиева, служба которого началась в Персидском походе. В книге много редких фотографий. Заказать её можно по адресу - 111024, Москва, а/я 18, или в редакции "Станицы".

На представленных фото: Казачи 3-го Сводно-Кубанского полка; 1-го Горско-Моздокского полка хорунжий А. Агоев (1913 г.); Георгиевские кавалеры 1-го Сунженско-Владикавказского полка.

П. Н. КРАСНОВ
ВОСПОМИНАНИЯ
О РУССКОЙ
ИМПЕРАТОРСКОЙ
АРМИИ

П.Н. Краснов - "Воспоминания о Русской Императорской армии"

Издательством "Айрис-пресс" в серии "Белая Россия" выпущена очередная книга Донского атамана П.Н. Краснова - сборник документально-публицистических произведений, написанных генералом в эмиграции. Как пишет сам автор - "Читая клевету на Императорскую Армию, я счёл своим долгом не возражать на неё, не спорить с клеветниками, а фотографически точно изобразить, что я видел, что я пережил и с кем я служил..." Воспоминания ярко рисуют картины военного быта и события жизни атамана, начиная с его кадетских и юнкерских лет.

Кроме того, в последнее время издательством выпущены в упомянутой серии книги известного русского историка С.П. Мельгунова - "На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 года" и "Мартовские дни 1917 года". Заказ книг по адресу - Москва, 129626, а\я 66; тел. (495) 785 1530.

С т а н и ц а

газета зарегистрирована
в Министерстве печати РФ
регистрационный N 1527

учредитель - коллектив редакции

Адрес для писем: Москва, 117335,
до востребования Стрелянову П.Н.

тел. 8-916-911 4935.

E-mail: stanitsa@rambler.ru ;

архив - www.kubankazak.ru

Главный редактор -

Георгий Кокунько

Редактор -

Павел Стрелянов (Кулабухов)

Редколлегия :

Александр Азаренков

Юрий Аверьянов

Игорь Борисов, Виктор Карпов

Олег Мраморнов, Андрей Серба

Юрий Сухарев

Мнение редакции
может не совпадать
с позицией авторов
публикаций

При перепечатке
материалов просьба
ссылаться на нашу
газету и её авторов

Компьютерная верстка -
Г. Кокунько